ISSN 2313-6715
(ONLINE)

ПРОЛОГ

Журнал о праве

PROLOGUE

Law Journal

2025

1 2 3 4

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

http://www.prolaw38.ru/

Основан в 2013 г. **№ 3 • 2025** **Выходит четыре раза в год**

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

ИЗДАТЕЛЬ

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Главный редактор – И. М. Середа, д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

Заместитель главного редактора — Ю. Н. Румянцева, канд. юрид. наук, канд. экон. наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса, ведущ. науч. сотр. отдела научных исследований Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л. В. Андриченко — д-р юрид. наук, проф., заведующая центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия).

Н. П. Асланян — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Краснодар, Россия).

М. В. Баранова — д-р юрид. наук, проф., кандидат культурологии, академик Российской академии юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, вице-президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника».

Д. Е. Богданов — д-р юрид. наук, доцент, проф. кафедры гражданского права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

А. В. Бычков — канд. юрид. наук, доцент, директор Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

В. Ф. Васюков — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия).

Е. Л. Васянина — д-р юрид. наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

В. А. Витушко — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь).

В. Ю. Войтович — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры теории и истории государства и права Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Ижевск, Россия).

Б. Я. Гаврилов — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России (Москва, Россия).

Р. Х. Гиззатуллин — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).

В. А. Гуреев — д-р юрид. наук, проф., проректор по научной работе Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

С. И. Давыдов — д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия).

О. А. Дизер — д-р юрид. наук, доцент, заместитель начальника института (по научной работе) Белгородского юридического института МВД РФ им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия).

Л. А. Душакова — д-р юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой административного и служебного права Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС (Ростов-на-Дону, Россия).

Н. Н. Егоров — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Р. Н. Жаворонков — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

В. А. Зимин — канд. юрид. наук, член-корреспондент РАЕН, вице-президент — главный эксперт ООО «Национальное бюро экспертизы интеллектуальной собственности», патентный поверенный РФ № 1869 (Москва, Россия).

С. А. Карелина — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

А. Я. Кодинцев – д-р юрид. наук, канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия).

О. Ю. Косова — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ) (Иркутск, Россия).

Я. О. Кучина — канд. юрид. наук, доцент, LL.M., научный сотрудник Факультета права Университета Макао, докторант (Макао САР, Китай).

В. Ф. Лапшин — д-р юрид. наук, доцент, проректор по научной работе Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск, Россия).

А. В. Малько — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Саратов, Россия).

Е. В. Михайлова — д-р юрид. наук, доцент, главный научный сотрудник, исполняющая обязанности заведующего сектором процессуального права Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

А. В. Морозов — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры компьютерного права и информационной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

В. Г. Нестолий — канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

И. В. Никитенко — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточного юридического института МВД России (Хабаровск, Россия).

Т. И. Отческая — д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

Б. А. Ревнов — канд. юрид. наук, доцент, советник Управления конституционных основ публичного права Конституционного Суда Российской Федерации, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург, Россия).

А. П. Скиба — д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань, Россия).

Т. В. Соловьева — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия).

С. Ю. Суменков — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

С. И. Суслова — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, заместитель директора по научной работе Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

У. Б. Филатова — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Юридического института Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия).

И. С. Шиткина — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес редакции и издателя:
664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, тел. (3952) 79-88-99,
e-mail: prolaw38@mail.ru

© Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-64776 от 2 февраля 2016 года.

Сайт: http://www.prolaw38.ru/.

ISSN 2313-6715 (online).

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 5.1.1., 5.1.2., 5.1.3., 5.1.4 (категория К2); в Единый государственный перечень научных изданий — «Белый список» научных журналов (уровень 3).

Всем статьям присваивается идентификатор цифрового объекта DOI (digital object identifier).

Электронная версия журнала размещена на платформе Научной электронной библиотеки — www.elibrary.ru.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Перепечатка материалов журнала допускается только по соглашению с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

http://www.prolaw38.ru/

FOUNDED IN 2013 г. **№ 3 • 2025** **PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR**

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«The All-Russian State University of Justice»

PUBLISHER

Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice

Editor-in-Chief — Irina M. Sereda, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Law and Criminology Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Deputy Editor-in-Chief — Yulia N. Rumyantseva, Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (Economics), Docent, Head of the Civil and Business Law Department, Senior Researcher of the Research Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

EDITORIAL BOARD

Lyudmila V. Andrichenko — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Center for Public Law Studies, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Natalia P. Aslanian — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar, Russia).

Marina V. Baranova — Dr. Sci. (Law), Professor, Candidate of Cultural Science, Academician of the Russian Academy of Legal Sciences, Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Deputy Dean of the Faculty of Law of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Vice-President of the Nizhny Novgorod Research Science Applied Center «Legal Techniques» (Nizhny Novgorod, Russia).

Dmitriy E. Bogdanov — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Arthur V. Bychkov — Cand. Sci (Law), Docent, Director of the Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Vitaliy F. Vasyukov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics Department, Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO) (Moscow, Russia).

Elena L. Vasyanina — Dr. Sci. (Law), Docent, Leading Researcher of the Administrative Law and Process Sector, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Vladimir A. Vitushko — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Economic Activity Legal Support Department, the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus).

Valery Yu. Vojtovich — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Izhevsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Izhevsk, Russia).

Boris Ya. Gavrilov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Control of Crime Investigation Agencies Department, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia).

Ravil Kh. Gizatullin — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Financial and Environmental Law Department, the Institute of Law, Bashkir State University (Ufa, Russia).

Vladimir A. Gureev — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (Moscow, Russia).

Sergey I. Davydov — Dr. Sci. (Law), Docent, Head of the Criminal Procedure and Criminalistics Department, Altai State University (Barnaul, Russia).

Oleg A. Dizer — Dr. Sci. (Law), Docent, Deputy Head of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Belgorod, Russia).

Lesya A. Dushakova — Dr. Sci. (Law), Docent, Head of the Administrative and the Official Law Department, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SRIM RANEPA/Institute) (Rostov-on-Don, Russia).

Nikolay N. Egorov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminalistics Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Roman N. Zhavoronkov — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Labour Law and Social Security Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Vladimir A. Zimin — Cand. Sci (Law), Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Vice President - Chief Expert of National Intellectual Property Expertise Bureau LLC, Patent Attorney №1869 (Moscow, Russia).

Svetlana A. Karelina — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Aleksander Ya. Kodintsev — Dr. Sci. (Law), Ph.D. in Historical Sciences, Docent, Professor of the Theory and History of State and Law Department, St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russia).

Olga Yu. Kosova — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil and Business Law Department, Irkutsk Institute (branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Yaroslava O. Kuchina — Cand. Sci (Law), Assoc. Professor, LL.M., Research Assistant Faculty of Law University of Macau, PhD Candidate (Macau SAR, China).

Valerii F. Lapshin — Dr. Sci. (Law), Docent, Vice-Rector for Scientific Research at Yugra StateUniversity (Khanty-Mansiysk, Russia).

Alexandr V. Malko — Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the State and Legal Disciplines Department, Povolzhsky Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Saratov, Russia).

Ekaterina V. Mikhailova — Dr. Sci. (Law), Docent, Chief Researcher, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Andrey V. Morozov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Computer Law and Information Security Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Vyacheslav G. Nestoliy — Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor of the Civil Law and Procedure Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Ilya V. Nikitenko — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Khabarovsk, Russia).

Tatyana I. Otcheskaia — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Judicial and Prosecutorial Activities Department, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia).

Boris A. Revnov — Cand. Sci. (Law), Docent, Adviser to the Department of Constitutional Foundations of Public Law of the Constitutional Court of the Russian Federation, Assoc. Professor of Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute (St. Petersburg, Russia).

Andrey P. Skiba — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Executive Law Department at the Faculty of Law, the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russia).

Tatyana V. Solovieva — Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the Civil Procedure Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia).

Sergei Yu. Sumenkov — Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the State and Legal Disciplines Department, the Law Institute, Penza State University (Penza, Russia).

Svetlana I. Suslova — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil Law and Process Department, Deputy Director for Scientific Work, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Uliana B. Filatova — Dr. Sci. (Law), Assoc. Professor, Professor of the Department of Civil Law, Law Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Irina S. Shitkina — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Publisher and Editor Address:
4 Nekrasova St., Irkutsk, Russia, 664011, Tel.: +7(3952)79-88-99

e-mail: prolaw38@mail.ru

© The All-Russian State University of Justice

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number Эл № ФС77-64776 of February 02, 2016.

URL: prolaw38@mail.ru.

ISSN-Online 2313-6715.

Included in the catalogue of peer-reviewed scientific publications, which should publish basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences on the scientific specialties 5.1.1., 5.1.2., 5.1.3., 5.1.4 (Quartile 2); included in the Unified State List of Scientific Publications — the «White List» of Scientific Journals (Level 3).

All articles are assigned DOIs (digital object identifier).

The online version of the Journal is powered by the Scientific Electronic Library — www.elibrary.ru.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board´s point of view.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

http://www.prolaw38.ru/

Основан в 2013 г. № 3 • 2025 Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Васильченко В. Н. Ревизия Министерства госконтроля СССР в 1949 году как инструмент обновления кадров в системе Госарбитража ..... 7 – 15

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Федосеев Г. Д. Гражданство как ценз равнодоступности публичной службы ..... 16 – 26

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Нестолий В. Г. Понуждение заключить договор на розничных рынках электроэнергии ..... 27 – 40

Михайлова Е. В. Защита интересов государства как участника инвестиционных отношений ..... 41 – 50

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Александрова О. И. Преступления киевского режима против гражданского населения Украины после государственного переворота 2014 года ..... 51 – 58

Пантюхина И. В., Кольцова Е. Ю. О дифференциации уголовной ответственности лиц, достигших четырнадцатилетнего возраста ..... 59 – 68

Мельник С. С. Борьба с экстремизмом в призме теории дифференциальной ассоциации Эдвина Сатерленда ..... 69 – 77

Крымов В. А. Обеспечение прав и законных интересов человека и гражданина через призму социального контроля уголовно-процессуальной деятельности ..... 78 – 84

Цветков В. О. Общие положения криминалистической методики выявления и расследования организованной преступной деятельности, связанной с проституцией ..... 85 – 96

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бычков А. В., Шутова В. Н. Рецензия на монографию «Технико-юридический анализ правотворческой реальности современной России: к юбилею профессора В. М. Баранова» ..... 97 – 101

От редакции. Поздравляем Светлану Александровну Карелину с высокой государственной наградой! ..... 102 – 104

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

http://www.prolaw38.ru/

FOUNDED IN 2013 г. № 3 • 2025 PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Vasilchenko V. N. Revision of the USSR Ministry of State Control in 1949 as a Frame Update Tool in the State Arbitration System ..... 7 – 15

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Fedoseev G. D. Citizenship of the Russian Federation as a Qualification for Equal Accessibility of Public Service ..... 16 – 26

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

Nestoliy V. G. Compulsion to Conclude a Contract in the Retail Electricity Markets ..... 27 – 40

Mikhailova E. V. Protection of the State Interests as a Participant in Investment Relations ..... 41 – 50

CRIMINAL LAW SCIENCES

Alexandrova O. I. Crimes of the Kiev Regime Against the Civilian Population of Ukraine After the 2014 Coup D'etat ..... 51 – 58

Pantyukhina I. V., Koltsova E. Yu. On Differentiation of Criminal Liability of Persons Who Have Reached the Age of Fourteen ..... 59 – 68

Melnik S. S. The Fight Against Extremism in the Scope of Edwin Sutherland's Theory of Differential Association ..... 69 – 77

Krymov V. A. Ensuring the Rights and Legitimate Interests of a Person and Citizen Through the Prism of Social Control of Criminal Procedural Activities ..... 78 – 84

Tsvetkov V. O. General Provisions of The Forensic Techniques for the Detection and Investigation of Organized Criminal Activities Related to Prostitution ..... 85 – 96

SCIENTIFIC LIFE

Bychkov A. V., Shutova V. N. Review of the Monograph "Technical and Legal Analysis of the Law-Making Reality of Modern Russia: On the Anniversary of Professor V. M. Baranov" ..... 97 – 101

Editorial. Congratulations to Svetlana Alexandrovna Karelina with a High State Award! ..... 102 – 104

УДК 340.158:346.93

В. Н. Васильченко
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России);
Санкт-Петербургская Объединенная коллегия адвокатов,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0009-0008-5412-4355
ResearcherID: MVX-1336-2025

РЕВИЗИЯ МИНИСТЕРСТВА ГОСКОНТРОЛЯ СССР В 1949 ГОДУ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБНОВЛЕНИЯ КАДРОВ В СИСТЕМЕ ГОСАРБИТРАЖА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 7—15.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.1.7-15
Дата поступления 17.07.2025, дата принятия к печати 19.09.2025, дата онлайн-размещения 30.09.2025.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется смена руководства Государственного арбитража при Совете Министров СССР в 1949 году. Автором изучены архивные документы фондов Госарбитража СССР, Министерства госконтроля СССР, Совета министров СССР, Министерства юстиции СССР, что позволило рассмотреть смену руководства арбитража с разных сторон. В статье подробно раскрываются акты Правительства СССР, результаты отчета о работе Госарбитража при Совете Министров СССР, материалы проверки Министерства госконтроля СССР, в том числе переписка между должностными лицами данных органов. Указывается, что имелись противоречивые акты Правительства в сфере арбитража. Отчеты о работе Госарбитража содержали не все недостатки в его деятельности. Госконтролем СССР выявлялись недостатки, которых не было в работе арбитража. Имелись объективные обстоятельства, существенно затруднявшие работу Госарбитража СССР. К ним можно отнести отсутствие у Госарбитража как у руководящего органа прямых рычагов воздействия на нижестоящие арбитражи, состоящие при исполнительных органах власти; большая нагрузка на Госарбитраж СССР по разрешению арбитражных споров, в связи с чем арбитраж уделял меньше времени на руководство нижестоящими арбитражами; плохое материальное положение работников арбитража; отсутствие постоянно издаваемого журнала, содержащего положения о способе разрешения споров в целях единообразия арбитражной практики и статьи работников арбитража. Сделан вывод, что смена руководства Госарбитража при Совете Министров СССР в 1949 г., учитывая успешно пережитый военный период, обусловлена не только недостаточно хорошей работой В. Н. Можейко, но и наличием выявленных объективных обстоятельств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Государственный арбитраж при Совете Министров СССР, В. Н. Можейко, И. Е. Баранов, хозорганы, ликвидация органов Госарбитража, Министерство государственного контроля СССР, Министерство юстиции СССР.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Васильченко В. Н. Ревизия Министерства госконтроля СССР в 1949 году как инструмент обновления кадров в системе Госарбитража // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 7—15. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.1.7-15.

UDC 340.158:346.93

V. N. Vasilchenko
Saint Petersburg Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice;
St. Petersburg United Bar Association,
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0009-0008-5412-4355
ResearcherID: MVX-1336-2025

REVISION OF THE USSR MINISTRY OF STATE CONTROL IN 1949 AS A FRAME UPDATE TOOL IN THE STATE ARBITRATION SYSTEM

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 3, pp. 7—15.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.1.7-15
Received 17.07.2025, accepted 19.09.2025, available online 30.09.2025.

ABSTRACT The article examines the change of leadership of the State Arbitration Court under the Council of Ministers of the USSR in 1949. The author has studied archival documents of the USSR State Arbitration Funds, the USSR Ministry of State Control, the USSR Council of Ministers, and the USSR Ministry of Justice, which made it possible to consider the change in the leadership of arbitration from different sides. The article details the acts of the USSR Government, the results of the report on the work of the State Arbitration under the Council of Ministers of the USSR, the materials of the audit by the USSR State Audit Office, including correspondence between officials of these bodies. It is indicated that there were contradictory acts of the Government in the field of arbitration. The reports on the work of the State Arbitration Court did not contain all the shortcomings in its activities. The USSR State Audit Office identified shortcomings that did not exist in the work of arbitration. There were objective circumstances that significantly hampered the work of the USSR State Arbitration Court. These include the absence of the State Arbitration Court, as the governing body, of direct leverage over lower-level arbitrations affiliated with the executive authorities.; the heavy burden on the USSR State Arbitration Court for the resolution of arbitration disputes, and therefore the arbitration court devoted less time to the management of lower-level arbitrations; poor financial situation of arbitration workers; lack of a constantly published journal containing provisions on the method of dispute resolution in order to uniformity of arbitration practice and articles by arbitration workers. It is concluded that the change of leadership of the State Arbitration Court under the Council of Ministers of the USSR in 1949, taking into account the successful war period, was due not only to the insufficiently good work of V. N. Mozheyko but also by the presence of identified objective circumstances.

KEYWORDS State Arbitration under the Council of Ministers of the USSR, V. N. Mozheyko, I. E. Baranov, economic agencies, liquidation of State arbitration bodies, the USSR Ministry of State Control, the USSR Ministry of Justice.

FOR CITATION Vasilchenko V. N. Revision of the USSR Ministry of State Control in 1949 as a Frame Update Tool in the State Arbitration System. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 3, pp. 7—15. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.1.7-15.

В период Великой Отечественной войны система органов Госарбитража при Совете Народных Комиссаров[1] (далее — Госарбитраж СССР) под руководством В. Н. Можейко пережила острый кризис. Наркоматом Госконтроля[2], Наркомюстом и Прокуратурой СССР проводились проверки работы Госарбитража СССР, направленные на его переход в систему судов. Тем не менее, в виду поддержки большинства министерств, органы Госарбитража продолжили работу до мая 1949 г.

В науке практически не исследован процесс смены руководства Госарбитража СССР. Основательно изучил данную тему Д. В. Воронин, посвятив ей отдельный параграф в докторской диссертации и другие работы [3, с. 202—216; 4, с. 134—140; 5], прочие доступные исследования не отличаются такой глубиной. Тем не менее, опубликовано немало работ, посвященных истории деятельности Госарбитража СССР после Великой отечественной войны [1—2; 6—8; 10—11].

13 сентября 1946 года Советом министров СССР (далее — Совмин СССР, СМ СССР) было принято Постановление «О мероприятиях по подготовке к сокращению административно-управленческого аппарата центральных и местных учреждений, организаций и предприятий» № 2068-856с[3]. Мы предполагаем, что последующая реализация данного Постановления затронула в том числе руководство Госарбитража СССР. Об этом также пишет Д. В. Воронин, указывая, что «в политической жизни страны в 1948—1950-х гг. началась очередная массовая кампания по перетряске органов власти и управления, которая была связана с «ленинградским делом» [4, с. 134].

Так, 21 апреля 1949 года Совмином СССР было принято Распоряжение № 5124р об обязании В. Н. Можейко в недельный срок предоставить отчет о работе Госарбитража СССР и поручено Министерству государственного контроля СССР (Л. З. Мехлису) в десятидневный срок проверить работу Госарбитража[4].

Параллельно в Правительство и руководство партии направлялись отзывы о работе Госарбитража СССР членами ЦК ВКП(б), являющимися одновременно работниками арбитража. Например, 30 марта 1949 года арбитр Госарбитража СССР П. С. Заславский, член партии с 1905 г., направлял обращение к И. В. Сталину о плохой работе В. Н. Можейко[5], впоследствии он также сообщал в Политбюро ЦК ВКП(б) о том, что в арбитраже 23 апреля 1949 г. было проведено закрытое совещание, что «решение о его снятии принято» и необходимо выполнять указание И. В. Сталина. Руководитель Госарбитража СССР В. Н. Можейко плохо исполнял поручения Правительства[6] и т. д.

В Отчете о работе Госарбитража СССР №1430с от 28 апреля 1949 г. В. Н. Можейко в первую очередь указывал на значимую роль Госарбитража в военное время. По инициативе Госарбитража СССР был предоставлен и впоследствии принят Советом Министров СССР проект о сосредоточении в ведении Госарбитража всех имущественных споров, связанных с выполнением плана военных заказов и строительством военных объектов, что способствовало наиболее правильному и быстрому разрешению дел и сохранению государственной тайны.

Главным арбитром давалась общая характеристика работы арбитража. Проанализируем основные тезисы В. Н. Можейко.

В первом и втором пунктах указывалось на количество, характер и сроки рассмотрения споров. В 1948 году резко возрос объем работы (в Госарбитраж СССР поступило свыше 14 тысяч дел, в 1 кв. 1949 г. — 4 217 дел, что

[1] В 1946 году Совет Народных Комиссаров СССР был преобразован в Совет Министров СССР (О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик — в Советы Министров союзных и автономных республик: Закон СССР от 15 марта 1946 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 10).

[2] Наркомат государственного контроля СССР был создан в 1940 году, в 1946 году преобразован в Министерство государственного контроля СССР (по тексту также — Госконтроль СССР), просуществовал в качестве такового до 1957 года, после стал именоваться Комиссией советского контроля Совета Министров СССР [см.: 9].

[3] ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации). Ф. 8424. Оп. 6. Д. 19. С. 128—129.

[4] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 6783. С. 148.

[5] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 6783. С. 31—33.

[6] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 6783. С. 35.

на 27 % больше, чем в 1 кв. 1948 г.). В характере споров продолжали преобладать споры о финансовых расчетах — 50,6 %, сроки рассмотрения споров сокращались, но в отдельных делах имели место задержки.

В третьей позиции сообщалось о качестве решений. Госарбитраж СССР продолжал стремиться к повышению качества решений. Вместе с тем имелись следующие недостатки: вынесение ошибочных решений, некоторые решения были недостаточно мотивированы, небрежно отредактированы, содержали неточности. Имело место необоснованное прекращение дел, которые приходилось возобновлять.

В четвертом пункте говорилось о борьбе с недостатками в работе хозорганов. В рамках борьбы с недостатками в 1948 г. было направлено 2 236 сообщений, в 1947 — 1 992 сообщения. При этом подчеркивалось, что в последний год работы прошлого главного арбитра Ф. И. Голощекина в 1939 г. было направлено всего 408 сообщений.

Пятая позиция указывала, что госарбитраж продолжал активно участвовать в организации заключения договоров (представлял проекты в Совмин СССР о заключении договоров, понуждал хозорганы к их заключению путем устных и письменных обращений, разрешения преддоговорных споров и т. д.).

В-шестых, говорилось об общей организации работы. Штат Госарбитража СССР состоял из 85 единиц (из них 23 члена ВКП(б), 7 членов ВЛКСМ). Имели законченное высшее образование — 28 работников. По стажу работы от 5 до 10 лет числилось 16 работников, от 10 до 15 лет — 7 работников, свыше 15 лет — 14 работников.

В седьмом пункте указывалось, что инструктирование государственных и ведомственных арбитражей осуществлялось Госарбитражем СССР следующими методами: направлялись инструктивные письма, производилось обследование работы Госарбитражей при Советах Министров союзных республик и центральных ведомственных арбитражей (в 1948 г. было обследовано 8 союзных Госарбитражей и 17 центральных ведомственных), проводились совещания с участием руководителей и работников Госарбитражей, изучались письменные отчеты о деятельности арбитражей и направлялись ответы на них.

В пункте восьмом В. Н. Можейко указывал на обстоятельства, затрудняющие работу Госарбитражей:

— не был урегулирован вопрос о сети государственных арбитражей и руководстве ими. Часть Госарбитражей была не укомплектована кадрами, руководство Госарбитражами было децентрализованным (органы Госарбитража были подчинены не Госарбитражу при Совмине СССР, а исполнительным органам, при которых они состоят — Советам Министров союзных и автономных республик и т. п.);

— штаты органов Госарбитража явно не соответствовали объему их работы, были сильно перегружены. Обусловлено это было тем, что в начале войны поступало меньше дел, поэтому кадры были сокращены, а в период и после войны штат не был увеличен;

— заработная плата работников Госарбитража была ниже оплаты работы других работников юстиции. Постановлением СНК СССР № 1354 от 27 июля 1936 г. была установлена заработная плата сотрудникам Госарбитражей, которая была равна заработной плате работников суда и органов прокуратуры. Однако заработная плата судебных и прокурорских работников с 1936 г. неоднократно повышалась в отличие от работников Госарбитража СССР. Например, главный арбитр Госарбитража при Свердловском облисполкоме рассматривал сложные споры крупных предприятий тяжелой индустрии Урала и получал должностной оклад — 830 руб., что было в два раза меньше заработной платы областного прокурора, меньше председателя и членов областного суда. Как отмечал в отчете В. Н. Можейко, данную неравноценную оплату труда нельзя было признать обоснованной, так как в органах Госарбитража работало много пожилых людей, а при действующем окладе новые кадры не приходили, что в итоге создало негативную штатную ситуацию по взаимозаменяемости кадров;

— также отставали другие виды материального обеспечения работников Госарбитражей: ряд руководящих работников не получали денежного довольствия в отличие от работников судебных органов; не обслуживались в Кремлевской столовой, были открепленны от Центральной поликлиники Лечебно-санитарного управления (Лечсанупра) Кремля, а остальные работники — от ее филиала;

— объедение и направление работы арбитражей крайне затруднялось отсутствием ранее выпускаемого журнала «Арбитраж» (с 1941 г. и после войны, несмотря на обращения В. Н. Можейко об издании, данный журнал не издавался).

В итоговом разделе отчета В. Н. Можейко предлагал мероприятия по улучшению работы органов Госарбитража: было необходимо пересмотреть вопрос штатов соразмерно увеличенному объему работы; обязать исполни-

тельные органы власти усилить руководство работой Госарбитражей; расширить инструктирование Госарбитража при Совмине СССР по отдельным делам в целях единообразия судебной практики; восстановить равенство заработной платы между работниками Госарбитражей и судебно-прокурорскими работниками; изменить подсудность Госарбитража при Совмине СССР при рассмотрении споров при цене иска с 50 000 руб. до 100 000 руб.; разрешить созвать общесоюзное собрание арбитров в 4 квартале 1949 г. и утвердить новое Положение о Госарбитраже[7].

Проведенная проверка работы арбитража Министерством государственного контроля СССР показала противоположные результаты. За 1948 г. и 1 кв. 1949 г. были установлены отказы Госарбитража от рассмотрения преддоговорных споров по 83 делам, в связи с чем комиссией был сделан вывод об уклонении арбитража от рассмотрения части преддоговорных споров между хозорганами по количеству, ассортименту и срокам поставки продукции. Как отмечалось в материалах проверки № 377/1 от 11 мая 1949 г., данная практика была не случайной. Так, В. Н. Можейко была издана Инструкция № ГА-28 от 9 декабря 1940 г., фактически отменившая Постановление Правительства от 19 декабря 1933 г. (по мнению Министерства госконтроля). Впоследствии главный арбитр не отменил данной Инструкции, несмотря на изданное Постановление СМ СССР «О заключении хозяйственных договоров» № 1586 от 21 апреля 1949 г.

Проверка также установила отсутствие практики возбуждения арбитражных дел Госарбитражем СССР; длительное рассмотрение споров; разбирательства дел с пропуском сроков исковой давности; неявку в судебный процесс руководителей спорящих сторон; системное привлечение сторонних лиц за плату в качестве консультантов; допуск арбитров, не утвержденных Правительством и пр.[8] Резюмируя, комиссия пришла к выводу о плохой работе руководства Госарбитража СССР[9].

В ответ на данные материалы проверки В. Н. Можейко направил в Бюро СМ СССР возражения № 1604с от 18 мая 1949 г., где справедливо отмечал, что в решении нет вывода Госконтроля СССР о неправильности линии Госарбитража по разрешению споров и неудовлетворительном качестве решений. В части отсутствия рассмотрения преддоговорных споров, связанных с согласованием условий поставки (при этом все остальные преддоговорные споры рассматривались арбитражем) он подчеркивал, что изъятие из компетенции Госарбитража перечисленных преддоговорных споров вытекало из ряда указаний, ранее данных Правительством: Постановления Экономсовета при СНК СССР от 9 июля 1938 г., Постановления от 20 июля 1938 г., отменившего распоряжение от 20 июля 1936 г. № 300. Также Положение о Госарбитраже не предусматривало разрешение органами арбитража преддоговорных споров[10].

Про участие руководителей сторон в судебном процессе В. Н. Можейко указывал, что Госконтролем СССР не учтена статья 6 Положения о Госарбитраже СССР, предусматривавшая возможность рассмотрения дела в отсутствие неявившихся руководителей сторон. Кроме того, на практике не было необходимости являться на каждое судебное заседание руководителям сторон. Требование о явке не было осуществимо, так как при наличии сотен тысяч дел повлекло бы массовый отрыв руководителей от работы.

Отвечая на замечания госконтролеров, главный арбитр сообщал, что они, например, ошибочно указывали на срок исковой давности, так как приведенное Госконтролем дело Главнефтеснаба к Главному Артиллерийскому управлению Министерства Вооруженных сил о взыскании 11 980 руб. было заявлено в пределах срока исковой давности и т. п.

Аналогичные возражения на материалы проверки, но в более краткой форме, он лично представлял в письмах от 18 мая 1949 г. и 30 мая 1949 г. к заместителю Председателя СМ СССР Л. М. Кагановичу и просил назначить специальную комиссию и внести изменения в проект материалов проверки[11], а также обращался в ЦК ВКП(б)[12], но данные обращения к результату не привели.

В анонимном письме к Л. П. Берии № 298-967 от 24 мая 1949 г. неизвестное лицо предложило новую кандидатуру на пост главного арбитра Госарбитража СССР — И. Е. Баранова — с биографическими сведениями и рекомендацией освободить от рабо-

[7] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 6783. С. 116—147.
[8] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 6783. С. 20—115.
[9] ГАРФ. Ф. 8424. Оп. 1. Д. 239. С. 2—21.

[10] Положение о государственном арбитраже : Постановление ЦИК СССР № 5, СНК СССР № 298 от 3 мая 1931 г. // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик (СЗ СССР). 1931. № 26. Ст. 203.
[11] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 6783. С. 13—89.
[12] РГАСПИ (Рос. гос. арх. соц.-полит. истории). Ф. 5. Оп. 21. Д. 73. С. 244.

ты ряд сотрудников: С. Е. Ильину, Я. А. Донде, С. Л. Кессельмана, М. И. Красносельского и Э. М. Фрейдмана[13].

В итоговом постановлении СМ СССР «О неудовлетворительной работе Госарбитража при СМ СССР» № 2230 от 29 мая 1949 г. за подписями И. В. Сталина и М. Т. Помазнева было принято решение о снятии с работы В. Н. Можейко в качестве Главного арбитра Госарбитража СССР в связи с плохим руководством, а взамен был назначен И. Е. Баранов, которого, в свою очередь, освободили от обязанностей заместителя Министра финансов СССР. В данном постановлении Правительства указывались следующие мотивы недостатков в работе, обнаруженные по итогам проверки Министерства государственного контроля СССР:

— вопреки Постановлению СМ СССР арбитраж на протяжении многих лет самоустранился от рассмотрения части преддоговорных споров и ограничил свою роль в этом содействием организациям к заключению соглашений;

— главный арбитр В. Н. Можейко не только сам не использовал предусмотренное ему право возбуждения арбитражных дел, но и тормозил инициативу госарбитражей союзных республик в этом вопросе;

— в нарушение положения о Госарбитраже СССР В. Н. Можейко издал 21 марта 1940 г. инструктивное письмо, предусматривавшее возможность участия в процессе «второстепенных» представителей: юрисконсультов, бухгалтеров и др., а не руководителей хозяйственных органов;

— при рассмотрении дел имела место волокита, при этом В. Н. Можейко самоустранился от инструктажа республиканских, местных и ведомственных Госарбитражей и от рассмотрения жалоб, возложив данные обязанности на второстепенных работников госарбитража; аппарат был плохо укомплектован квалифицированными кадрами[14].

В. Н. Можейко по данному постановлению впоследствии обращался к Л. П. Берии с просьбой проверить его возражения на материалы проверки Министерства госконтроля СССР, на предмет наличия данных, не соответствующих действительности[15].

Тем не менее, 4 июня 1949 г. между В. Н. Можейко и И. Е. Барановым был подписан акт сдачи-приемки дел Госарбитража при СМ СССР[16], и бывший главарбитр покинул должность. Примечательно, что И. Е. Баранов в прошлом занимался проверкой Госарбитража СССР как заместитель Народного комиссара Госконтроля СССР и отказывал В. Н. Можейко в пересмотре результатов проверки[17]. Данный опыт деятельности впоследствии ему пригодился. При его руководстве сменилась тактика поведения главного арбитра относительно проверок Госконтролем СССР с полного несогласия с результатом проверки на согласие и принятия мер для устранения недостатков. И. Е. Баранов также составлял свои проекты актов проверок Госконтроля, которые существенно не менялись и впоследствии представлялись в Правительство[18].

Постановлением СМ СССР «Вопросы Госарбитража при СМ СССР» № 2323 от 10 июня 1949 г. было решено образовать коллегию Госарбитража СССР в составе И. Е. Баранова (председателя), М. П. Шалюпы (первый зам. глав. арбитра), Г. Г. Есипова (зам. глав. арбитра), З. Ф. Чернышевой и С. П. Галкина, а часть работников (П. С. Уралец и пр.) была освобождена от трудовых обязанностей[19]. Протоколом № 1 заседания коллегии Госарбитража СССР от 14 июня 1949 г. были распределены обязанности между заместителями главарбитра[20]. Смена руководства Госарбитража при СМ СССР повлекла за собой смену руководителей и в других Госарбитражах (например, в Госарбитраже при СМ РСФСР 20 июня 1949 г. руководителем стал В. И. Одинцов в связи с переходом М. П. Шалюпы в Госарбитраж СССР, а 23 ноября 1950 г. его место занял И. И. Герасимов[21]).

Для закрепления результатов смены руководства арбитража СССР с 16 августа по 18 августа 1949 г. в Москве проводилось всесоюзное совещание главных арбитров во главе с И. Е. Барановым во исполнение постановлений Правительства от 21 апреля 1949 г. №1586 и 29 мая 1949 г. № 2230[22]. В докладе И. Е. Баранова указывалось на три главные ошибки бывшего руководства Госарбитража. Первая ошибка связана с непринятием к рассмотрению преддоговорных споров по согласованию условий поставки (количеству, ассортименту, срокам и т. д.). Как отмечал И. Е. Баранов, данные вопросы «повисали в

[13] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 6783. С. 155—156.
[14] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 6783. С. 164—168.
[15] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 6783. С. 8—12.
[16] ГАРФ. Ф. 8424. Оп. 1. Д. 240а. С. 1—19.
[17] ГАРФ. Ф. 8424. Оп. 1. Д. 72. С. 18—20.
[18] ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 11. Д. 164. С. 35.
[19] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 6783. С. 163.
[20] ГАРФ. Ф. 8424. Оп. 1. Д. 232. С. 1—2.
[21] ГАРФ. Ф. А512. Оп. 1. Д. 30. С. 44—51.
[22] ГАРФ. Ф. 8424. Оп. 1. Д. 229. С. 1—153.

воздухе», что вызывало неопределенность у хозорганов. Большинство арбитражей все же принимали к рассмотрению данные споры: «выходит так, что вся рота шла не в ногу, лишь один командир шел в ногу». Вторая ошибка заключалась в непринятии Госарбитражем к рассмотрению споров, вызванных уклонением хозорганов от заключения договоров, третья — в неиспользовании права Госарбитража самостоятельно возбуждать арбитражные дела[23]. Данные ошибки, указанные Правительством, активно обсуждались и другими главными арбитрами в рамках всесоюзного совещания, которые теперь не должны были допускать их в своей работе и довести новые установки до сведения сотрудников.

Можно ли считать освобождение от обязанностей руководителя союзного арбитража В. Н. Можейко обоснованным?

Во-первых, по отказу от рассмотрения арбитражем части преддоговорных споров, связанных с согласованием условий поставки продукции, имели место не только противоречивые указания Правительства и недостатки плановой экономики. Госарбитраж СССР как подотчетный Правительству орган также не обращался к нему за указаниями в данном спорном вопросе. Из материалов проверок и пояснений самого В. Н. Можейко мы видим, что руководитель считал Госарбитраж СССР органом правоприменительным, не вмешивающимся в планирование, с чем нельзя не согласиться. Тем не менее, учитывая установленные в Положении о Госарбитраже общие принципы деятельности, функции и роль Госарбитража в стабилизации хозяйственных отношений, он все же обязался принимать данные споры к рассмотрению и направлять обращения в Правительство о разъяснении каждой спорной правовой ситуации. При данных обстоятельствах представляется, что Госарбитраж СССР действовал бы в соответствии с отведенной ему компетенцией, не вмешиваясь в планирование.

Во-вторых, в части отсутствия практики возбуждения арбитражных дел, полагаем, что отсутствие данной практики было обусловлено наличием большой нагрузки на органы арбитража, которая из года в год только росла. Также наблюдался явный дефицит кадров, а имеющиеся сотрудники были плохо материально обеспечены, что усиливало кадровый голод. При этом В. Н. Можейко с окончанием войны неоднократно обращался в Правительство по данным вопросам, но существенных мер принято не было, поэтому обвинение в данной части руководства Госарбитража СССР можно считать необоснованным.

В-третьих, по обвинению В. Н. Можейко в издании инструктивного письма, предусматривающего возможность участия в арбитражном процессе «второстепенных представителей», можно согласиться с МКГ СССР в том, что данный ведомственный акт арбитража напрямую противоречил Положению о Госарбитраже. С другой стороны, само по себе участие представителей хозорганов, а не руководителей — с учетом большого объема работы у последних, является вполне обоснованным, так как бухгалтеры и юрисконсульты могли предоставить арбитражу больше сведений и документов в силу своей ежедневной занятости расчетами, работой с документами и т. д. Руководству достаточно было подробно докладывать о наличии проблем в организации для принятия необходимых мер. Тем не менее, с данным выводом не согласно было Правительство СССР, так как, по мнению последнего, явка руководства хозорганов в арбитражный процесс способствовала бы непосредственному исправлению недостатков в их работе.

В-четвертых, с наличием волокиты в ведении дел; самоустранением В. Н. Можейко от инструктажа республиканских, местных и ведомственных арбитражей, рассмотрения жалоб; неудовлетворительным укомплектованием квалифицированными кадрами и т. д. можно согласиться лишь в части. Главной причиной являлось плохое материальное обеспечение работников арбитража при наличии большой загруженности арбитражными делами. По сравнению с рядом других арбитражей, которые в основном занимались разрешением арбитражных дел и решением организационных вопросов, Госарбитраж СССР осуществлял руководство над ними, принимал множество ведомственных актов, то есть выполнял все функции руководящего органа. Данное обстоятельство могло также повлиять на качество ведения арбитражных дел союзным арбитражем, равно как и на его руководящую деятельность.

После смены руководства Госарбитража СССР и смерти И. В. Сталина в 1953 г. начался новый этап развития органов Госарбитража, которые были включены в состав Министерства юстиции СССР[24].

Таким образом, учитывая плодотворную работу Госарбитража СССР по разрешению

[23] ГАРФ. Ф. 8424. Оп. 1. Д. 240. С. 1 — 10.

[24] ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 9. Д. 166. С. 61 — 62.

споров, связанных с поставкой военной продукции, оборонных заказов и т. п. в военные годы, в то же время по наличию несущественных недостатков в деятельности арбитража после войны можно предположить, что смена руководства Госарбитража при СМ СССР в 1949 г. была обусловлена проведением кампании в соответствии с Постановлением Правительства по смене руководящих работников.

Стоит отметить, что работа Госарбитража СССР была затруднена отсутствием у него полномочий по непосредственному руководству нижестоящими арбитражами; наличием большой нагрузки по разрешению арбитражных споров, что уменьшало время на косвенное управление другими арбитражами; отсутствием системы «выращивания кадров»; отсутствием издания с 1 января 1941 г. журнала «Арбитраж», в котором отражалась единая арбитражная практика. Госарбитраж не был приоритетным органом финансирования для Советского государства (отсюда и проблема с кадрами). Органы арбитража нуждались в утверждении нового Положения о Госарбитраже, попытка принятия которого была осуществлена в связи с переходом в 1953 г. органов арбитража в состав Министерства юстиции СССР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева Е. С. Становление и развитие арбитражных судов в России в период с 1922 г. по 1993 г.: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Москва, 2002. — 197 с.

2. Арбитраж в СССР : учеб. пособие / под ред. А. Ф. Клейнмана. — Москва : Изд-во Московского университета, 1960. — 192 с.

3. Воронин Д. В. Развитие института государственного арбитража и его влияние на советскую экономику: союзно-республиканский и региональный аспекты (1922—1991 гг.) : дис. ... д-ра юрид. наук : 07.00.02. — Томск, 2016. — 553 с.

4. Воронин Д. В. Из практики решения кадрового вопроса в 1949 г. (на примере Государственного арбитража при Совете Министров СССР) // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2014. — Т. 7, вып. 2 (34). — С. 134—140.

5. Воронин Д. В. Роль системы государственного арбитража в экономическом развитии Западной Сибири (1920—1950-е годы). — Томск : «РГ «Графика», 2012. — 280 с.

6. Григорьева Т. А. Проблемы арбитражной юрисдикции в России : История возникновения и пути решения на современном этапе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. — Саратов, 2002. — 475 с.

7. Каллистратова Р. Ф. Государственный арбитраж (проблемы совершенствования организации и деятельности) : монография. — Москва : Юридическая литература, 1973. — 206 с.

8. Рассказов В. Л. Экономическое правосудие в российском государстве: историко-правовое исследование (вторая половина XVII — конец XX вв.) : дис. ... д-ра юрид. наук. — Белгород, 2023. — 380 с.

9. Тарасов А. М. Государственный контроль в советский период: его сущность и этапы развития // История государства и права. — 2003. — № 1. — С. 8—16.

10. Усманова Л. М. Правовой механизм разрешения экономических споров в России: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. —Москва, 2012. — 213 с.

11. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее / М. И. Клеандров. — Москва : Волтерс Клувер, 2006. — 579 с.

REFERENCES

1. Andreeva E. S. *Stanovlenie i razvitie arbitrazhnykh sudov v Rossii v period s 1922 g. po 1993 g.: istoriko-pravovoi aspekt. Kand. Diss.* [The Formation and Development of Arbitration Courts in Russia in the Period from 1922 to 1993: Historical and Legal Aspect. Cand. Diss.]. Moscow, 2002. 197 p.

2. Kleinman A. F. (ed.). *Arbitrazh v SSSR* [Arbitration in the USSR]. Moscow State University Publ., 1960. 192 p.

3. Voronin D. V. *Razvitie instituta gosudarstvennogo arbitrazha i ego vliyanie na sovetskuyu ehkonomiku: soyuzno-respublikanskii i regionalnyi aspekty (1922—1991 gg.). Dokt. Diss.* [The Development of the State Arbitration Institute and Its Impact on the Soviet Economy: Union-Republican and Regional Aspects (1922—1991). Doct. Diss.]. Tomsk, 2016. 553 p.

4. Voronin D. V. Practice of Personnel Matters in 1949 (For Example, the State Arbitration under the Council of Ministers of the USSR). *Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie = Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 2014, vol. 7, iss. 2 (34), pp. 134—140. (In Russian).

5. Voronin D. V. *Rol sistemy gosudarstvennogo arbitrazha v ekonomicheskom razvitii Zapadnoy Sibiri (1920—1950-e gody)* [The role of the state arbitration in economic development in Western Siberia (1920—1950)]. Tomsk, Grafika Publ., 2012. 280 p.

6. Grigoreva T. A. *Problemy arbitrazhnoi yurisdiktsii v Rossii: Istoriya vozniknoveniya i puti resheniya na sovremennom ehtape. Kand. Diss.* [Problems of arbitration Jurisdiction in Russia : The history of Occurrence and Solutions at the Present Stage. Cand. Diss.]. Saratov, 2002. 475 p.

7. Kallistratova R. F. *Gosudarstvennyi arbitrazh. Problemy sovershenstvovaniya organizatsii i deyatelnosti* [State Arbitration. Problems of Improving the Organization and Activities]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1973. 206 p.

8. Rasskazov V. L. *Ehkonomicheskoe pravosudie v rossiiskom gosudarstve: istoriko-pravovoe issledovanie (vtoraya polovina 17-go — konets 20-go vv.). Dokt. Diss.* [Economic justice in the Russian State: a Historical and Legal study (the second half of the 17th - the end of the 20th centuries). Doct. Diss.]. Belgorod, 2023. 380 p.

9. Tarasov A. M. State Control in the Soviet Period: Its Essence and Stages of Development. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and law*. 2003, no. 1, pp. 8 — 16. (In Russian).

10. Usmanova L. M. *Pravovoi mekhanizm razresheniya ehkonomicheskikh sporov v Rossii: istoriko-pravovoe issledovanie. Kand. Diss*. [The Legal Mechanism for Resolving Economic Disputes in Russia: Historical and Legal Research. Cand. Diss.]. Moscow, 2012. 213 p.

11. Kleandrov M. I. (ed.). *Ehkonomicheskoe pravosudie v Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Economic justice in Russia: Past, Present, Future]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2006. 579 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильченко Виктория Николаевна (Санкт-Петербург) — соискатель ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1 Теоретико-исторические правовые науки в Санкт-Петербургском институте (филиале) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 10 линия, д. 19, лит. А, e-mail: vvn-lawyer@yandex.ru); стажер адвоката Санкт-Петербургской Объединенной коллегии адвокатов (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 11-я линия, д. 32/44, e-mail: vvn-lawyer@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasilchenko, Victoria N. (Saint Petersburg) — Applicant for a Degree Candidate of Law Sciences in the field of 5.1.1 Theoretical and Historical Legal Sciences at the St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (19, lit. A 10th Line of Vasilievsky Island, St. Petersburg, 199178, Russia, e-mail: vvn-lawyer@yandex.ru); Trainee Lawyer of the St. Petersburg United Bar Association (32/44 11th Line of Vasilyevsky Island, St. Petersburg, 199178, Russia, e-mail: vvn-lawyer@yandex.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342.71/.543 (470+571)

Г. Д. Федосеев
Иркутский государственный университет,
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0009-0004-2003-909X
ResearcherID: MSW-8435-2025

ГРАЖДАНСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ЦЕНЗ РАВНОДОСТУПНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЫ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 16—26.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.2.16-26
Дата поступления 16.03.2025, дата принятия к печати 19.09.2025, дата онлайн-размещения 30.09.2025.

АННОТАЦИЯ

В научной статье исследована динамика развития понятия гражданства в контексте его значимости в служебной деятельности в рамках реализации конституционного права граждан России на равный доступ к публичной службе. Отмечается, что на протяжении длительного периода времени понятие и принципы гражданства эволюционировали, пройдя путь от политической принадлежности человека государству до свободного правоотношения между человеком и государством. Установлено, что право равного доступа к государственной службе не следует рассматривать как простое равенство претендентов на замещение определенной должности, так как содержание конституционной равнодоступности реализуется не только при поступлении на службу, но и в период ее прохождения и прекращения публично-служебной деятельности. Выявлено, что акцентное значение в современных условиях приобретает качественное содержание равного доступа к публично-служебной деятельности, поскольку в современных условиях учитывается не простое соответствие установленным требованиям-цензам, но и внутренняя, глубинная сущность каждого такого требования. Установлена многогранность понятия гражданства, позволяющая рассматривать его не только в политическом, но и в социально-культурном и нравственно-психологическом аспекте. Сделан вывод, что учет всех составляющих в рамках равнодоступности способствует формированию российского гражданина-служащего, обладающего реальным достоинством, а также знающего действующее законодательство, уважающего русский язык, историю Отечества, культуру и традиции народов России. Рекомендовано внести изменения в публично-служебное законодательство в целях его синхронизации с Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации» в части дополнения принципа профессионализма и компетентности служащих нравственно-патриотическим началом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Гражданство, государство, государственный служащий, публично-служебная деятельность, равнодоступность, ценз, достоинство.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Федосеев Г. Д. Гражданство как ценз равнодоступности публичной службы // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 16—26. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.2.16-26.

UDC 342.71/.543 (470+571)

G. D. Fedoseev
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0009-0004-2003-909X
ResearcherID: MSW-8435-2025

CITIZENSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A QUALIFICATION FOR EQUAL ACCESSIBILITY OF PUBLIC SERVICE

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 3, pp. 16—26.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.2.16-26
Received 16.03.2025, accepted 19.09.2025, available online 30.09.2025.

ABSTRACT The scientific article examines the dynamics of the development of the concept of citizenship in the context of its importance in official activities within the framework of the implementation of the constitutional right of Russian citizens to equal access to public service. It is noted that over a long period of time the concept and principles of citizenship have evolved, going from a person's political affiliation to the state to a free legal relationship between a person and the state. It is established that the right of equal access to public service should not be considered as a simple equality of applicants for a certain position, since the content of constitutional equal access is realized not only upon admission to the service but also during its passage and termination of public service activities. It is revealed that the emphasis in modern conditions is on the qualitative content of equal access to public service activities, since in modern conditions not only compliance with established requirements, but also the inner, deep essence of each such requirement is taken into account. The multifaceted nature of the concept of citizenship has been established, which makes it possible to consider it not only in a political, but also in a socio-cultural, moral and psychological aspect. It is concluded that taking into account all the components within the framework of equal access contributes to the formation of a Russian citizen-state employee who has real dignity, as well as who knows the current legislation, respects the Russian language, the history of the Fatherland, culture and traditions of the peoples of Russia. It is recommended to amend the public service legislation in order to synchronize it with the Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation" in terms of supplementing the principle of professionalism and competence of state employees with a moral and patriotic principle.

KEYWORDS Citizenship, state, state employee, public service, equal access, qualification, dignity.

FOR CITATION Fedoseev G. D. Citizenship of the Russian Federation as a Qualification for Equal Accessibility of Public Service. *Prologue: Law Journal, 2025*, no. 3, pp. 16—26. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.2.16-26.

Главной задачей в свете вызовов современной эпохи социально-экономического, правового, экологического, военно-политического и иного характера является развитие России как правового государства, обеспечивающего демократические начала правового равенства во всех сферах, включая публичную службу. Действующая российская Конституция распространяет принцип равенства и равноправия на систему служебных отношений, устанавливая в части 4 статьи 32 принцип равного доступа граждан к государственной службе. При этом саму основу публичной (государственной и муниципальной) службы составляют отношения власти и подчинения, где ключевыми компонентами выступают иерархичность, субординационность и дисциплина.

Современное законодательство предъявляет к государственным и муниципальным служащим ряд вполне оправданных требований — цензов — без которых их публично-служебная деятельность не состоится. Научное определение цензов звучит как «комплекс конституционно детерминированных, законодательно конкретизированных универсальных и специализированных требований, адресованных гражданам, претендующим на осуществление и профессионально осуществляющим функции в органах государственной власти и местного самоуправления» [2, с. 9]. Иначе говоря, цензы доступности представляют собой определенные законом требования, условия, ограничения или запреты, учитываемые при реализации гражданами права на доступ к публичной службе. Сущностная природа устанавливаемых цензов связана с особым правовым статусом служащих, осуществляющих публично-правовые функции с учетом специальных принципов построения и организации государственной и муниципальной службы.

Системный подход, примененный в настоящем исследовании, позволил выстроить систему взаимосвязанных элементов: государство — гражданство — публичная служба — служащий — достоинство. Большинство указанных элементов имеют прямое отношение к публичной, политической сфере общественных отношений, за исключением естественно-правовой категории «достоинство», неразрывно связанной с личностью. Поиск баланса публичных и частных (личностных) интересов, а также между равенством (равным доступом к публичной службе) и неравенством (подчинение, дисциплина при прохождении службы) в сфере публично-служебной деятельности, значимость гражданства в правовом статусе государственного служащего — предмет исследования многих советских, постсоветских и современных отечественных ученых: С. А. Авакьяна [1], С. А. Дробышевского [7], В. А. Патюлина [13], В. Е. Чиркина [14], Б. С. Эбзеева [15] и др. В современной зарубежной науке был высказан критичный взгляд на существование института гражданства, как на «пережиток мира», который «обречен кануть в вечность» [10, с. 14]. Представляется, что изложенный резко полярный взгляд и крайний подход к пониманию и сущности гражданства не может объективно соответствовать развитию современного общества и государства. Лицо, обладающее статусом гражданина, приобретает чувство причастности к решению государственных дел, а также возможность принятия участия в управлении делами государства. Право равного доступа к публичной службе не следует рассматривать в узком ключе, как равенство претендентов на замещение определенной должности. Содержание конституционной равнодоступности реализуется не только на «входе» при поступлении на службу, но и «в процессе» ее замещения, а также «на выходе» при увольнении служащего. Приоритетное значение в современных условиях приобретает качественное содержание равного доступа к публично-служебной деятельности. Сегодня учитывается не простое соответствие установленным требованиям-цензам, но и внутренняя, глубинная сущность каждого такого требования. Отсюда вполне объясним, например, главный лейтмотив действующего публично-служебного законодательства, связанный с наличием гражданства и близкой его составляющей — видом на жительство. Современный законодатель идет по пути установления жестких требований относительно гражданства. Так, его прекращение означает и прекращение государственной или муниципальной службы. Кроме того, законом предписана необходимость отсутствия гражданства иного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Установленное требование видится справедливым, так как речь идет не просто о формировании системы управления публичной власти, но и, прежде всего, об обеспечении безопасности государства. В связи с этим представляет особый интерес динамика развития правового института гражданства вообще и в публично-служебной сфере в частности, с определением степени влияния на данный институт государственных политико-правовых приемов и средств.

Новейшее законодательство в сфере российского гражданства во взаимосвязи со служебно-публичным законодательством позволяет выделить качественную составляющую гражданства, наполненную не только правовым, но и духовно-нравственным содержанием. В связи с этим необходимо кратко рассмотреть проявление многогранности понятия гражданства в публично-служебной сфере, основанной на принципе равнодоступности, что, безусловно, представляет как теоретический, так и практический интерес.

Наличие гражданства — основное требование, содержащееся в российском публично-служебном законодательстве, в соответствии с которым по общему правилу на государственную и муниципальную службу вправе поступать граждане Российской Федерации. Вместе с тем согласно ст. 1 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» установлена возможность для иностранных граждан (граждане иностранных государств — участников международных договоров РФ[1]) претендовать на должность в муниципальной службе. Кроме того, в России в соответствии со ст. 32 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» предусмотрена военная служба по контракту, как для российских, так и иностранных граждан[2]. Установленное правовое регулирование направлено на гибкое и разумное сочетание в публично-служебной сфере, во-первых, приоритетной деятельности граждан государства, а во-вторых, допуск к служебной деятельности неграждан, добровольное желание и компетенции которых позволяют им создавать личное благо для себя, а также быть полезными для общества и государства.

Стоит отметить, что понятие гражданства, изменяясь исторически, приобрело новый современный смысл, пройдя путь от монархического состояния «подданство», где все население именовалось «подданные Его (или Ее) Величества», а на верность государю приносилась присяга: «верно служить», «хочу и должен ... верным и послушным рабом и подданным быть» [6, с. 83]; советского гражданства, ярко характеризующегося понятием императивной принадлежности населения своему государству, и современного состояния гражданства, в своей сущности понимаемого как правоотношение, возникающее между государством и гражданином.

Начиная с XVIII века в государстве зародилось осмысление морально-этических начал деятельности государственного служащего: изначально нравственная составляющая проявилась в принесении присяги на верность Императору и Отечеству в военной службе, но с течением времени к присяге приводили чиновников Сената, губернаторов, воевод и других[3]. От служащего требовались «верность к службе», «усердие к общему добру», «добрую волю в отправлении порученного», «человеколюбие», «честность, бескорыстие и воздержание от взяток». Стоит отметить, что право на очередной чин служащие приобретали при наличии следующего комплекта правовых и нравственных оснований: выслуга лет, успешная служба, «добрая нравственность». На верность принимали присягу и иностранцы, которые не только давали клятву «... быть верным и послушным», но и «...вечно подданным с моею фамилией быть и никуда за границу не отъезжать и в чужестранную службу не вступать» [4, с. 58]. Клятва произносилась иностранцами на русском языке и чаще всего на Евангелии. Представители других вероисповеданий клялись Российской Империи на своем родном языке и в присутствии священнослужителя, представляющего это вероисповедание.

Принимаемый в подданство должен был поклясться «Всемогущим Богом, пред святым его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству ... верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови ...». Как отмечают историки, «при поступлении на государственную или военную службу принявшие подданство Российской Империи приносили клятвы наравне с подданными страны, получившими это право при рождении» [3, с. 23].

Присягали на верность монарху и своему Отечеству русские солдаты и офицеры. Присяга военнослужащих привела к формированию понятия воинской чести, категории, имеющей морально-нравственное содержание. Фундаментальной составляющей воинской чести являлось осознание каждым военнослужащим, независимо от чина, обязан-

[1] О муниципальной службе в Российской Федерации : Федер. закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (в ред. от 30 сент. 2024 г.) // Российская газета. 2007. 7 марта.

[2] О воинской обязанности и военной службе : Федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (в ред. от 7 июля 2025 г.) // Российская газета. 1998. 2 апр.

[3] О присяге на верность службы : Указ Петра Первого 1729 г // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1-е. Санкт-Петербург, 1830. Т. V: 1713 — 1719 гг. № 3393.

ности быть верным слугой своего Отечества, выполнять свой воинский долг не за страх, а за совесть. Проникновенность духовно-нравственным стержнем воинской чести способствовала искоренению человеческих пороков, формировала у солдат и офицеров позитивные нравственные и профессиональные качества гражданина-воина. Заложенные во времена Петра I исторические традиции верности присяге, чести и доблести, товарищества и заботы о личном составе имеют, безусловно, важное значение для современных военнослужащих граждан РФ, что учитывается законодателем. Так, в ст. 19 актуальной версии Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» предусмотрено, что гражданами Российской Федерации признаются «военнослужащие, которые принесли присягу на верность СССР или Российской Федерации и проходили по состоянию на 6 февраля 1992 года службу в воинских частях, находившихся под юрисдикцией Российской Федерации и располагавшихся на территориях других государств ...»[4].

Итак, в монархический период развития Российского государства сложилось понимание «подданства» как формы политико-правовой принадлежности населения государству, основанного на нравственно-правовых началах. Подданство способствовало формированию внутреннего этического, культурного и правового стержня у лиц, осуществлявших государственную публичную деятельность, и прежде всего находящихся на военной службе.

Пришедшая на смену монархии советская власть законодательно закрепила категорию «гражданство», тем самым формально придав более демократичный характер взаимоотношениям «человек-государство». Официально объективировав понятие «гражданство», законодатель зафиксировал комплекс прав и свобод гражданина, что позволило признать личность внешне свободной[5]. Советские исследователи определяли гражданство как «личную связь индивида с государством; возможность определяемости данного лица всеми элементами правовой и политической системы страны» [8, с. 13]. Иная научная интерпретация гражданства сводилась к его определению как юридической принадлежности физического лица к определенному государству. Расшифровывая понятие юридической принадлежности, исследователи обычно имеют в виду «распространение на граждан, находящихся как на территории соответствующего государства, так и за его пределами, законодательства данного государства» [11, с. 25].

Акты советского периода о гражданстве предусматривали равные права и равные обязанности для всех граждан. Советское равноправие существовало в тесной связке с жестким средством воздействия на граждан, именуемом «институт лишения гражданства». Так, в ст. 7 Закона СССР «О гражданстве СССР» 1938 г. указаны такие основания лишения гражданства, как «по приговору суда или в силу особого в каждом случае Указа Президиума Верховного Совета»[6]. Закон СССР 1978 г. в ст. 18 предусматривал довольно расплывчатые формулировки, такие как «совершение действий, порочащих высокое звание гражданина СССР», «нанесение ущерба престижу или государственной безопасности СССР»[7]. Указанные формулировки могли быть применимы к любым действиям советского гражданина[8]. Все это порождало правовое состояние человека, вынужденного повиноваться детальным властным велениям, государственным приказам. Следствием такого подхода к пониманию гражданства стало отсутствие дружеских, партнерских отношений между государством и гражданином, содержание которых выражалось бы во взаимности прав и обязанностей сторон. Напротив, гражданину отводилась роль малозаметная, зависимая. Преобладающими являлись навязанные запреты и ограничения, при этом большинство нормативных правовых актов, затрагивающих права и свободы гражданина, были засекречены.

С аксиологической точки зрения следует отметить глубокий патриотический характер советского гражданства. Иначе говоря, помимо широко признанной и устоявшейся

[4] О гражданстве Российской Федерации : Федер. закон от 28 апр. 2023 г. № 138-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Российская газета. 2023. 3 мая.

[5] О приобретении прав российского гражданства : Декрет ВЦИК от 5 апр. 1918 г. (утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 31. Ст. 405. (Утратил силу).

[6] О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик : Закон СССР от 19 авг. 1938 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1938. № 11. (Утратил силу).

[7] О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик : Закон СССР от 1 дек. 1978 г № 8497-IX // Там же. 1978. № 49.

[8] О лишении гражданства СССР Тарсиса В. Я. : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февр. 1966 г. // Там же. 1966. № 8. Ст. 135 ; О лишении гражданства СССР Рабина О. Я. : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1978 г. // Там же. 1978. № 26. Ст. 412 и др.

политико-правовой принадлежности человека к государству, в советское время термин «гражданство СССР» был наполнен патриотическим смыслом любви к своему Отечеству, Родине, государству. Как подчеркивал советский поэт-классик: «Читайте, завидуйте, я — гражданин ...» [12, с. 31]. Сложившееся годами уважительное отношение к гражданству и его патриотической составляющей в настоящее время практически повсеместно утрачено, не воспринимается молодежью как ценность. Все это явилось побудительным мотивом для внесения законодателем изменений в ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», где красной нитью обозначена потребность формирования у обучающихся чувств патриотизма и гражданственности[9].

Первый законодательный акт о гражданстве — Закон РФ «О гражданстве Российской Федерации», вступивший в юридическую силу на постсоветском российском пространстве 6 февраля 1992 года, отличался своей прогрессивной направленностью, четко сформулированными универсальными принципами (основные базовые идеи о признании норм международного права в сфере гражданства, невозможности лишения гражданства, создание благоприятных правовых условий для каждого гражданина, защита и покровительство граждан за рубежом и др.), конкретными основаниями приобретения и прекращения гражданства. Согласно ст. 13 данного законодательного акта все, постоянно проживающие на территории России бывшие советские граждане были автоматически признаны гражданами РФ[10]. Такое основание приобретения гражданства получило название «в порядке признания». Однако на практике возникло немало случаев, связанных с отсутствием у гражданина постоянной «прописки», то есть регистрации по месту жительства по разным причинам: гражданин снялся с учета в связи с переездом и не успел встать на учет по новому месту жительства; лицо было снято с учета (например, в общежитии в связи с непроживанием) и т. д. В этом случае граждане вынуждены были в судебном порядке подтверждать факт проживания на 6 февраля 1992 г. на территории РФ.

Законодательная дефиниция изначально определила гражданство как «политико-правовую принадлежность лица государству». Из буквальной интерпретации данного понятия следовало, что человек принадлежит государству, что шло вразрез с принятой в 1993 году конституционной нормой о человеке как высшей ценности, составившей базовую основу конституционного строя. Требовалась существенная трансформация понятия гражданства. Постепенно из него исчезли слова «политико-правовая принадлежность», а ключевая фраза в обновленном варианте заключалась в определении гражданства как правовой связи лица с Российской Федерацией. Острым атакам в науке и практике подверглось законодательное положение, изложенное в статье 2, о наличии гражданства республик в составе РФ. На первый взгляд могло показаться, что возможность приобретения гражданства республики есть благо для людей, предоставляющее им дополнительные возможности. Однако практика доказала обратное. Мысль законодателя сводилась к следующему. Население республик имеет гражданство этих республик и одновременно имеет гражданство РФ. Такое двойное правовое состояние вовсе не определялось как «двойное гражданство», а скорее всего, как двуединое. Это означало, что при прекращении лицом российского гражданства автоматически прекращалось и республиканское гражданство. Однако на практике были выявлены серьезные противоречия, не соответствующие конституционным нормам. Абсурдная ситуация сложилась в сфере реализации гражданами избирательного права, возникшая на стыке противоречий федерального и регионального законодательств. В последнее десятилетие ушедшего века, например, закон республики Башкортостан предоставлял возможность гражданам быть избранным на должность Президента Республики Башкортостан при условии, что кандидат в Президенты имеет гражданство данной республики. На практике могла возникнуть такая ситуация: гражданин РФ, не имеющий гражданства республики, но по национальности этнический башкир, тем не менее не мог принять участия в выборах Президента Республики в качестве кандидата на данную должность. Это, конечно же, ограничивало политические возможности граждан. Учитывая все вышеизложенное, гражданство республик в составе РФ было упразднено.

Еще два законодательных акта, регулирующих общественные отношения в сфере гражданства (ФЗ «О гражданстве Российской

[9] Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Российская газета. 2012. 31 дек.

[10] О гражданстве Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 28 нояб. 1991 г. № 1948-1 // Там же. 1992. 6 февр. (Утратил силу).

Федерации» 2002 г.[11] и ныне действующий Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138) наиболее полно и содержательно закрепили определение гражданства, систему ключевых его принципов, основания приобретения и прекращения гражданства, выделили круг органов, ведающих вопросами гражданства и т. д. За 20-летний период своего действия Закон 2002 г. динамично развивался, показывая «живой» характер: законодатель стремился приблизить правовые нормы к реальной жизни, учитывая политическую ситуацию в зарубежных государствах и прежде всего в бывших союзных республиках. Ныне действующий закон также отвечает духу времени с учетом современной геополитической, миграционной, военно-политической ситуации.

Итак, историко-правовой анализ развития законодательства о гражданстве показывает, что на протяжении времени понятие и принципы гражданства эволюционировали, пройдя путь от политической принадлежности человека государству до свободного правоотношения между человеком и государством, которое возникает при определенных условиях, и также может прекратиться, как любое другое правоотношение.

Гражданство — многозначное понятие. Прежде всего, гражданство рассматривается как государственно-правовой институт, то есть совокупность норм, регулирующих определенный вид общественных отношений в публичной сфере. В данном случае речь идет о взаимоотношениях государства и гражданина. Гражданство — это также субъективное право, понимание которого связано с определением «права на гражданство», то есть возможности, принадлежащей конкретному лицу. В конституционно-правовой науке подчеркивается, что «каждый человек имеет право на гражданство, что трактуется как возможность иметь гражданство, приобретать его либо выйти из гражданства» [1, с. 14]. Кроме того, гражданство, по мысли законодателя, представляет собой правоотношение, то есть устойчивую правовую связь лица с Российской Федерацией. Характер такой связи выражается именно в правоотношении, участниками которого является, с одной стороны, лицо, а с другой — государство. По общепринятому в науке мнению, «гражданство — это также правовое состояние лица, то есть важная часть его правового статуса» [14, с. 77]. Исходя из указанных значений, можно сделать вывод, что гражданство — это комплексный институт, существующий в единстве указанных категорий. Гражданство выступает неотъемлемой составляющей правового статуса личности, а также взаимоотношений, возникающих между гражданином и государством.

Современный законодатель четко и последовательно определяет российское гражданство как устойчивую правовую связь лица с Российской Федерацией. Содержание такой связи выражается в совокупности взаимных прав и обязанностей гражданина и государства. Некоторые авторы подвергают критике данное законодательное определение гражданства, считая его несостоятельным, «не характеризующим полно гражданство, как правовое явление» [5, с. 26]. Изложенная авторская позиция вызывает возражение. Федеральный закон в первой статье четко, конкретно и недвусмысленно определил понятие гражданства. Данная дефиниция выражает саму сущность гражданства (сущность — это самое главное в правовом институте), рассматривая его как правоотношение, и соответственно, подчеркивая свободный характер этой связи. Содержание такого правоотношения выражается в наличии взаимных прав и обязанностей, что достаточно подробно предусмотрено в действующем законодательстве. Поэтому существующее законодательное определение гражданства является емким и содержательным, в связи с чем вносить изменения в данную дефиницию нет необходимости. Современное понятие гражданства демократично показывает специфичность правовой связи гражданства, акцентирующей наличие партнерских отношений между государством и гражданином. Партнерство, с одной стороны, основывается на активном участии граждан в управлении государством, а с другой стороны, гарантирует деятельность государства по обеспечению такого участия. Подчеркивает партнерский характер взаимоотношений государства и публичных служащих и Конституционный Суд РФ, указывая на «специальный правовой статус служащих (совокупность прав и свобод, гарантируемых государством, а также обязанностей и ответственности), содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним и их обязанности по отношению к государству»[12].

[11] О гражданстве Российской Федерации : Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». (Утратил силу).

[12] По делу о проверке конституционности части 1 статьи 65 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и части второй статьи 379.5 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Елисеева : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 окт. 2023 г. № 47-П // СПС «КонсультантПлюс».

Осветив основные нормативные положения, характеризующие гражданство как государственно-правовой институт, то есть систему принципов и норм, регулирующих определенный вид общественных отношений (гражданин-государство), следует признать и многогранность данного института, позволяющую рассматривать его в социально-культурном и нравственно-психологическом аспекте. Затрагивая тему отношений человек-государство, Б. С. Эбзеев еще в советское время писал о гражданстве как «о социальной, нравственной, психологической и политико-юридической общности личности и государства, выражающейся в обладании личностью гарантированными правами и свободами, а также защитой государством своих граждан за границей» [15, с. 51].

Ценностные характеристики современного гражданства проявляются при принесении «Присяги гражданина Российской Федерации» лицом, принимающим гражданство России. Ее текст, изложенный в ст. 21 Федерального Закона «О гражданстве Российской Федерации» достаточно емкий и лаконичный. Смысл произносимого текста наполнен патриотическим содержанием. В частности, лицо торжественно обязуется «быть верным России, уважать ее культуру, историю». Следует отметить, что уважение культуры, истории и традиции рождается, прежде всего, из знаний, а также нравственного и правового воспитания человека.

Современный законодатель идет по пути привития таких знаний иностранным гражданам задолго до принятия российского гражданства. Так, в соответствии со ст. 15.1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» знание русского языка, основ истории России и законодательства требуется для многих трудовых мигрантов, например, работающих в РФ по патенту или находящихся в России на основании разрешения на временное проживание, а также вида на жительство[13]. Для приема в российское гражданство согласно ст. 15 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» требуется знать историю России и основы законодательства Российской Федерации.

Рассмотренный аспект гражданства также проявляется не только в отношении лиц, принимающих гражданство России, но и граждан, являющихся таковыми по рождению. Речь идет о том, что современный гражданин должен обладать развитым правовым и нравственным сознанием. Нравственный аспект личности гражданина позволяет сформировать такие качества, как совесть, честь, ответственность и др. Правосознание ориентирует на правомерное активное поведение гражданина, который мог бы активно, творчески и инициативно реализовывать в жизни различные социальные роли. Одной из таких ролей выступает роль гражданина — претендента на должность или уже состоявшегося государственного или муниципального служащего. Побуждающая энергия гражданина-претендента должна быть уже «подзаряжена» позитивным набором нравственных и правовых элементов: правовыми знаниями и умениями, правовыми чувствами и правовой активностью, патриотизмом, развитым стратегическим мышлением, совестью и ответственностью. Именно в таком ключе сегодня должен реализовываться ценз гражданства в рамках равного доступа при поступлении на государственную или муниципальную службу. Учет всех этих составляющих способствует формированию гражданина-служащего, обладающего реальным достоинством, а также знающим действующее законодательство, уважающего русский язык, историю Отечества, культуру и традиции народов России.

Нормативные требования, установленные в отношении публичных служащих, направлены не только на их профессиональные качества, но и обращены к морально-нравственной стороне. Например, служебное и внеслужебное поведение сотрудника органов внутренних дел фундаментально основывается на его высоком морально-нравственном облике, и совершение поступков, порочащих честь, достоинство и репутацию сотрудника правоохранительного органа, недопустимо[14]. Об этом свидетельствует и правоприменительная практика. Так, Конституционный Суд РФ указывает на «необходимость комплектования правоохранительных органов лицами, имеющими высокие морально-нравственные качества и способными надлежащим образом выполнять принятые на себя обязательства по защите прав и свобод человека и гражда-

[13] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Российская газета. 2002. 31 июля.

[14] Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : Приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 (ред. от 2 мая 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

нина...»[15]. Именно такой современный служащий будет особенно востребован в публично-служебной деятельности и полезен как для государства, так и для общества. Иначе говоря, гражданин-служащий должен быть действительно, по меткому указанию Н. А. Некрасова, «Отечества достойный сын».

Государство, деятельность которого обеспечивают достойные служащие, само будет более достойным. Как отмечает профессор С. А. Дробышевский, «увеличение достоинства государства поспособствует уважительному отношению к России в сфере внешних отношений: внешней политике, внешней торговли, участию РФ в международных организациях» [7, с. 116].

Таким образом, рассмотренное понятие гражданства как ключевое условие при поступлении на службу и в период ее прохождения, начав свое историческое движение с института «подданство», сменив его на продолжительное время на советское гражданство в форме принадлежности гражданина государству, трансформировалось в более качественное состояние устойчивой правовой связи, выражающейся в наличии взаимных прав и обязанностей государства и гражданина.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд следующих выводов.

Исторически развивающееся законодательное определение гражданства отражает суверенную волю государства с ярко выраженной приоритетностью отношений «гражданин — государство»: от «политической принадлежности» до «правовой связи». Отказ от политической составляющей в определении гражданства — показатель проявления новых смыслов в государственном строительстве России, содержательно наполненных значимостью роли гражданина в современном государстве.

Многогранность гражданства как государственно-правового института выражается не только в императивных отношениях «гражданин — государство», но и получает развитие в диспозитивных возможностях, реализуемых в социально-культурной сфере, а также проявляющихся в нравственно-психологическом аспекте. Учет всех составляющих в рамках равнодоступности способствует формированию гражданина-служащего, обладающего реальным достоинством, а также знающего действующее законодательство, уважающего русский язык, историю Отечества, культуру и традиции народов России.

Государственный аппарат, состоящий из достойных служащих, будет способствовать формированию достойного государства, уважительное отношение к которому будет принято во всех международных сферах: внешнеполитической, внешнеэкономической, международно-организационной и др.

Таким образом, заметна прямая взаимосвязь: государство — гражданство — публичная служба — служащий — достоинство. Все это говорит о том, что современное понимание гражданства применительно к публичной службе вышло далеко за рамки формального политико-правового статуса. Законодатель и правоприменитель наполняют его социально-культурным и нравственно-психологическим содержанием, предъявляя к служащим требования быть не просто квалифицированными исполнителями, но и моральными авторитетами, носителями духовных ценностей.

Развитие выстроенного алгоритма видится в синхронизации Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» и публично-служебного законодательства. В связи с чем изложенный в Федеральных законах «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ст. 4) и «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ст. 4) принцип профессионализма и компетентности служащих предлагается дополнить фразами: «исполнять обязанности служащего на благо государства и общества», «быть верным России». Указанные законодательные формулировки наиболее полно отразят истинный смысл ценза гражданства, установленного в российской публично-служебной сфере.

[15] По делу о проверке конституционности пункта 9 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Я. Ю. Бычковой : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 нояб. 2023 г. № 51-П // Российская газета. 2023. 29 нояб.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авакьян С. А. Российское гражданство: опыт и проблемы // Законодательство. — 1997. — № 5. — С. 12—18.

2. Афанасьева М. П. Обеспечение в России конституционного права на равный доступ к публичной службе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. — Белгород, 2022. — 23 с.

3. Аширова Э. Как становились российскими подданными в прежние времена // Родина. — 2025. — № 1. — С. 23—25.

4. Бенда В. Н. «Присяга на верность...» как одно из средств формирования русских традиций и патриотизма в Российской Армии XVIII века // Вестник Челябинского университета. История. — 2009. — № 12 (150), вып. 31. — С. 56—62.

5. Бердникова К. Л. Гражданство в системе прав и свобод человека и институтов публичной власти // Современное право. — 2012. — № 2. — С. 26—30.

6. Васенева Е. Н. Понятие российского гражданства в различные исторические этапы развития государства // Марийский юридический вестник. — 2018. — № 2(25). — С. 81—85.

7. Дробышевский С. А., Протопопова Т. В. Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве : монография. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2009. — 160 с.

8. Кишкин С. С. Советское гражданство / под ред. В. И. Яхонтова. — Москва : Юридическое изд-во Наркомюста РСФСР, 1925. — 97 с.

9. Кормина Ж. В. Воинская присяга: к истории одного перформатива // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. — 2004. — № 1. — С. 100—105.

10. Коченов Д. Гражданство. От равенства и достоинства к унижению и разделению : монография / пер. с англ. С. А. Мирошниченко. — Москва : Эксмо, 2021. — 368 с.

11. Махненко А. Х. Основные институты государственного права европейских стран народной демократии : учеб. пособие. — Москва : Всесоюзный юридический заочный институт, 1964. — 326 с.

12. Маяковский В. В. Стихи о советском паспорте. — Москва : Мысль, 1990. — 230 с.

13. Патюлин В. А. Государство и личность в СССР (правовые аспекты взаимоотношения) : монография. — Москва : Наука, 1974. — 246 с.

14. Чиркин В. Е. Конституционное право в Российской Федерации : учебник. — Москва : Юристъ, 2002. — 480 с.

15. Эбзеев Б. С. Конституционные основы свободы личности в СССР / под ред. И. Е. Фарбера. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1982. — 137 с.

REFERENCES

1. Avakyan S. A. Russian Citizenship: Experience and Challenges. *Zakonodatelstvo = Legislation*, 1997, no. 5, pp. 12—18. (In Russian).

2. Afanaseva M. P. *Obespechenie v Rossii konstitutsionnogo prava na ravnyi dostup k publichnoi sluzhbe. Avtoref. Kand. Diss.* [Ensuring the Constitutional Right to Equal Access to Public Service in Russia. Cand. Diss. Thesis]. Belgorod, 2022. 23 p.

3. Ashirova Eh. How did people become Russian subjects in the old days. *Rodina = Homeland*, 2025, no. 1, pp. 23—25. (In Russian).

4. Benda V. N. "The Oath of Allegiance" as one of the means of forming the traditions of the Russian army and patriotism in Russia in the 18th century. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Herald of Chelyabinsk State University. History*, 2009, no. 12 (150), iss. 31, pp. 56—62. (In Russian).

5. Berdnikova K. L. Citizenship in a system of rights and freedoms of individuals and institutions of public power. *Sovremennoe pravo = Modern law*, 2012, no. 2, pp. 26—30. (In Russian).

6. Vaseneva E. N. The Concept of Russian Citizenship in Various Historical Stages of Development of the State. *Mariiskii Yuridicheskii vestnik = Mari law vestnik*, 2018, no. 2, pp. 81—85. (In Russian).

7. Drobyshevskii S. A., Protopopova T. V. *Ideya chelovecheskogo dostoinstva v politiko-yuridicheskikh doktrinakh i prave* [The Idea of Human Dignity in Political and Legal Doctrines and Law]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University (SibFU) Publ., 2009. 160 p.

8. Kishkin S. S.; Yakhontov V. I. (ed.). *Sovetskoe grazhdanstvo* [Soviet citizenship]. Moscow, Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR Publ., 1925. 97 p.

9. Kormina Zh. V. Military oath: On the history of one performative. *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i culture = The Untouchable Reserve: A Debate About Politics and Culture*, 2004, no. 1, pp. 100—105. (In Russian).

10. Kochenov D. *Citizenship*. Cambridge, MA, 2019, 321 p. (Russ. ed.: Kochenov D.; Miroshnichenko S. A. (ed.). *Grazhdanstvo. Ot ravenstva i dostoinstva k unizheniyu i razdeleniyu*. Moscow, Ehksmo Publ., 2021. 368 p.).

11. Makhnenko A. Kh. *Osnovnye instituty gosudarstvennogo prava evropeiskikh stran narodnoi demokratii* [The Main Institutions of State Law in European Countries of Popular Democracy]. Moscow, All-Union Correspondence Institute of Law Publ., 1964. 326 p.

12. Mayakovskii V. V. *Stikhi o sovetskom pasporte* [Poems about the Soviet passport]. Moscow, Mysl Publ., 1990. 230 p.

13. Patyulin V. A. *Gosudarstvo i lichnost v SSSR (pravovye aspekty vzaimootnosheniya)* [The State and Personality in the USSR (Legal Aspects of the Relationship)]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 246 p.

14. Chirkin V. E. *Konstitutsionnoe pravo v Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional law in the Russian Federation]. Moscow, Yurist Publ., 2002. 480 p.

15. Ehbzeev B. S.; Farber I. E. (ed.). *Konstitutsionnye osnovy svobody lichnosti v SSSR* [The Constitutional Foundations of Individual Freedom in the USSR]. Saratov State University Publ., 1982. 137 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Федосеев Георгий Дмитриевич (Иркутск) — аспирант кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета (664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, e-mail: fedoseevgeorgi@gmail.com).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fedoseev, Georgy D. (Irkutsk) — Postgraduate Student of the Constitutional Law and Theory of Law Department, Law Institute, Irkutsk State University (10 Ulan-Batorskaya St., Irkutsk, 664082, Russia, e-mail: fedoseevgeorgi@gmail.com).

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ
PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

УДК 347.441.44

В. Г. Нестолий
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7927-1994
ResearcherID: J-8536-2016

ПОНУЖДЕНИЕ ЗАКЛЮЧИТЬ ДОГОВОР НА РОЗНИЧНЫХ РЫНКАХ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 27—40.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.3.27-40
Дата поступления 02.09.2025, дата принятия к печати 19.09.2025, дата онлайн-размещения 30.09.2025.

АННОТАЦИЯ

Научная новизна статьи состоит в квалификации иска о понуждении заключить договор в качестве обоюдного (action duplices), предъявив данный иск, истец, не будучи ответчиком, ставит себя в положение ответчика, оставаясь при этом истцом по предъявленному иску. Содержание иска рассматривается как система процессуальных действий, о совершении которых истец просит суд при предъявлении иска. В статье излагаются основы концепции иска о понуждении заключить договор в сфере электроснабжения. Основной тезис концепции — понуждение не является принуждением. Понуждение к заключению договора осуществляется судом в исковой форме. Метод понуждения называется арбитрированием. Методом арбитрирования суд убеждает ответственных представителей ответчика согласиться с предъявленным к нему требованием о заключении договора, если ответчик действительно обязан договор заключить. При этом согласие ответчика с требованием о заключении договора суд формально не оценивает в качестве признания иска. Одновременно суд рассматривает имеющиеся между сторонами разногласия по условиям будущего договора, фиксируя ход обсуждения в протоколе. Необходимость и возможность понуждения к заключению договора существует, так как договор есть не только инструмент свободного товарного обмена, но и инструмент организации народного хозяйства, гарантирующий интересы и субъективные права субъектов розничных рынков электроэнергии. Статья продолжает работы автора по правовому регулированию снабжения электроэнергией, о понуждении к заключению договора и об урегулировании разногласий по заключаемым договорам на розничных рынках электроэнергии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Понуждение заключить договор, арбитрирование, квазидоговор, суррогат договора, обоюдный иск (action duplices), арбитрарный иск (action arbitrariae), отзыв на исковое заявление.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Нестолий В. Г. Понуждение заключить договор на розничных рынках электроэнергии // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 27—40. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.3.27-40.

UDC 347.441.44

V. G. Nestoliy
Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7927-1994
ResearcherID: J-8536-2016

COMPULSION TO CONCLUDE A CONTRACT IN THE RETAIL ELECTRICITY MARKETS

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 3, pp. 27—40.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.3.27-40
Received 02.09.2025, accepted 19.09.2025, available online 30.09.2025.

ABSTRACT The scientific novelty of the article consists in the qualification of a claim for coercion to conclude a contract as mutual (action duplices), by filing this claim, the plaintiff, not being a defendant, puts himself in the position of a defendant, while remaining a plaintiff in the filed claim. The content of the claim is considered as a system of procedural actions, which the plaintiff requests the court to perform when filing a claim. The article outlines the basics of the concept of a claim for coercion to conclude a contract in the field of electricity supply. The main thesis of the concept is that coercion is not coercion. The court shall enforce the conclusion of a contract in the form of a claim. The method of coercion is called arbitration. By the method of arbitration, the court convinces the responsible representatives of the defendant to agree to the demand for the conclusion of the contract, if the defendant is indeed obliged to conclude the contract. At the same time, the court does not formally assess the defendant's agreement with the requirement to conclude a contract as recognition of the claim. At the same time, the court considers the differences between the parties on the terms of the future contract, recording the discussion in the protocol. There is a need and possibility to force the conclusion of a contract, since the contract is not only a tool for free commodity exchange, but also a tool for organizing the national economy, guaranteeing the interests and subjective rights of subjects of retail electricity markets. The article continues the author's work on the legal regulation of the supply of electricity, on forcing the conclusion of a contract and on the settlement of disputes over concluded contracts in the retail electricity markets.

KEYWORDS Compulsion to conclude a contract, arbitration, quasi-agreement, contract surrogate, mutual action (action duplices), arbitration action (action arbitrariae), review of the statement of claim.

FOR CITATION Nestoliy V. G. Compulsion to Conclude a Contract in the Retail Electricity Markets. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 3, pp. 27—40. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.3.27-40.

Предмет и тема настоящей статьи есть юридическая природа иска о понуждении заключить договор (п. 4 ст. 445 Гражданского кодекса Российской Федерации[1]). Иском о понуждении заключить договор могут именовать также иск об урегулировании разногласий по заключаемому договору, иск об обязании заключить договор. Данные иски в статье не рассматриваются.

Эмпирическая база статьи — постановления арбитражных судов, принятые по результатам судебных разбирательств с участием автора в 2007—2008 гг., иные судебные акты по преддоговорным спорам на розничных рынках электроэнергии.

Теоретическая основа — учение об иске (М. А. Гурвич, А. А. Добровольский), учение о государственном арбитраже (Р. Ф. Каллистратова, П. В. Логинов), а также учение о гражданско-правовом договоре (О. А. Красавчиков, М. И. Кулагин, С. А. Хохлов).

Юридическая природа иска о понуждении заключить договор определяется его местом в процессуальной классификации исков, отраслевой принадлежностью и содержанием. Значимость вопроса о юридической природе подтверждается хотя бы тем, что в литературе имеется следующее высказывание: «Название искового требования (понуждение к заключению договора), видимо, не вполне корректно, так как намекает на то, что иск носит характер иска о присуждении, в то время как фактически он является преобразовательным» [15, с. 1103]. Понуждение к заключению договора — это не принуждение к договору, иск о понуждении к заключению договора есть иск преобразовательный, слово «фактически» здесь лишнее. Понуждение к осуществлению договора осуществляется судом посредством арбитрирования в исковом производстве на основании и в соответствии с действующим законодательством.

Почему понуждение отождествляют с принуждением? Профессор И. Б. Новицкий писал: «В немецкой литературе сложилось понятие так называемого принуждения к заключению договора (Kontrahierungs*zwang*) и, в связи с этим, понятие принудительного договора» [20, с. 154]. Приравнивание понуждения и принуждения, вероятно, основано на том, что в немецком языке понуждение и принуждение обозначаются одним термином (Zwang). Однако у данного термина, помимо значений «принуждение», «нажим», «насилие», есть другие, а именно «необходимость» и «обязательность». Отсюда понятие договора, заключаемого в обязательном порядке (ст. 445 ГК РФ).

Преобразовательные, или конститутивные иски. Процессуальной классификацией исков именуется разделение исков по содержанию, то есть по форме защиты, которую истец просит у суда.

Иски, решения по которым служат основанием для выдачи исполнительного листа, являются исками о присуждении, иначе такие иски могут именоваться исполнительными исками[2].

Иски, решения по которым только подтверждают наличие или отсутствие спорных материальных правовых отношений, являются исками о признании, иначе называют данные иски установительными.

Иски, которые направлены на изменение и прекращение правовых отношений, относятся к преобразовательным искам. Такие иски именуют также конститутивными исками[3]. Профессор М. А. Гурвич подчеркивал, что невозможность принудительного исполнения является важной чертой преобразовательного решения, то есть положительного решения по преобразовательному иску, которое объясняется тем, что правовое отношение, измененное, то есть преобразованное, решением суда, является окончательным результатом, которого желает истец, предъявляя соответствующий иск [10, с. 278—280, 293].

Правовое отношение, изменения (преобразования) которого добивается истец, есть обязательство заключить договор[4]. После

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301 (далее — ГК РФ).

[2] Не выдаются судом исполнительные листы на основании судебных актов о понуждении к заключению договора, о признании судом права на имущество. См.: пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 (ред. от 19 нояб. 2024 г.) «О применении судами законодательства некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» (Российская газета. 2015. 30 нояб.).

[3] «Суть теории так называемых преобразовательных исков, — писал профессор А. А. Добровольский, — заключается в том, что суд своим решением может изменить, прекратить и даже в некоторых случаях создать новое право. В силу этого судебное решение становится тем юридическим (конститутивным) фактом, на основе которого спорное правоотношение преобразуется» [12, с. 488]. Как известно, А. А. Добровольский отрицал существование преобразовательных исков.

[4] Данное обязательство возникает по предварительному договору, административному акту, по воле третьего лица (в силу завещательного отказа), закон может указывать, что заключение договора обязательно, если имеются определенные законом фактические условия (факты) [см., например: 20, с. 126—128].

вступления положительного решения суда по иску о понуждении к заключению договора, первоначальное правовое отношение изменяется, обязательство заключить договор новируется, то есть заменяется, обязательством *квазидоговорным*[5]. «Было бы вполне логичным признать, что обязательный для заключения договор может быть заменен (при уклонении стороны, обязанной к его заключению, от такового) вступившим в законную силу судебным актом о его заключении», — пишет профессор В. А. Белов. Такое судебное решение есть *суррогат договора*, поскольку, не будучи договором, решение заменяет собой договор [5, с. 694, 846—847].

Квазидоговорным обязательством, или квазидоговором, именуется обязательство, подобное договорному, которые возникает не из договора, а по другому основанию, в нашем случае по решению суда. Отметим, что в литературе по римскому праву квазидоговоры (квазиконтракты) могут называть источниками обязательств [см., например: 21, с. 288] В действительности квазидоговоры — не источники обязательств, а обязательства, регулируемые подобно обязательствам из договоров[6]. Например, квазидоговорными являются отношения по хранению без заключения договора, указанные в п. 2 ст. 924 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку к данным отношениям применяются правила об обязательствах по договору хранения[7]. В соответствии с п. 1 ст. 540 ГК РФ если абонентом по договору энергоснабжения является гражданин, то договор считается заключенным с момента первого фактического подключения в установленном порядке к присоединенной сети. Если гражданин приобретает в собственность объект (домовладение), энергопринимающие устройства которого подключены в установленном порядке к сети, то договор энергоснабжения считается заключенным в тот момент, когда у гражданина возникает владение объектом. В названных случаях договор энергоснабжения не заключается, а считается заключенным. Обязательство по энергоснабжению здесь квазидоговорное до тех пор, пока оно не оформлено договором.

Иски и притязания. По своей отраслевой принадлежности требование о понуждении заключить договор является гражданско-правовым иском (*Actio, Klage*), то есть материально-правовым требованием, которое обращено к суду. Иск есть материально-правовое требование, поскольку иск основан на материально-правовом притязании (*Anspruch*). Лицо, обязанное заключить договор, связано с потенциальным контрагентом обязательством заключить договор. В силу данного обязательства потенциальный контрагент имеет притязание, то есть право требовать заключения договора, а должник обязан заключить договор. Если должник уклоняется от исполнения своей обязанности, кредитор может предъявить требование (иск) к суду о понуждении должника к заключению договора[8].

К суду сторона предъявляет требование о понуждении к заключению договора, а к должнику предъявляется притязание о заключении договора. Материальное правовое притязание на заключение договора есть предмет судебной защиты, а иск о понуждении заключить договор есть требование о понуждении к заключению договора[9].

Иск как правомочие возникает одновременно с обязательством заключить договор и является его составной частью.

---

[5] Обязательство заключить договор может быть новировано в сервитутное правоотношение по иску об установлении сервитута (п. 3 ст. 274 ГК РФ), а также в обязательство вносить плату за пользование сервитутом (п. 5 ст. 274 ГК РФ).

[6] Юридические факты, которые вызывают к жизни квазидоговорные обязательства, невозможно охватить каким-либо общим понятием. «Quasi contractus, вместе взятые, не представляют ничего систематического, целого», — писал К. Д. Кавелин. «Ограничиваясь лишь теми, которые по римскому праву считались как бы договорами, — сказано автором, — мы найдем и в них такое разнообразие, такую разнородность оснований, что без очевидной натяжки невозможно предположить, будто бы римские юристы составили эту группу обязательных отношений систематически, по обдуманному плану, имея в виду какое-нибудь одно общее начало» [13, с. 133].

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410 (далее — ГК РФ).

[8] «Требование о понуждении к заключению договора может быть удовлетворено судом при наличии у ответчика обязанности заключить такой договор», — разъясняется в п. 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (Российская газета. 2019. 11 янв.).

[9] Парафраз тезиса проф. Р. Е. Гукасяна: «В момент возбуждения гражданского дела ясно прослеживается отличие материального субъективного права от процессуального. Первое выступает как предмет судебной защиты, а второе — как средство достижения этой цели; существование первого лишь предположительно, а существование второго реально: оно в действии» [9, с. 357].

Иск как процессуальное отношение возникает при обращении в суд за судебной защитой, после принятия к производству искового заявления о понуждении заключить договор, и прекращается (исчерпывается) в момент вступления решения суда в законную силу[10].

Разумеется, можно согласиться с позицией профессора А. А. Добровольского: «Право на иск ... неразрывно связано с процессом, с исковым производством, возбужденным для защиты нарушенного или оспоренного права» [11, с. 274], уточнив, что лицо, обладающее правом на иск, может и не осуществить его, например, когда должник добровольно подчинится притязанию, в нашем случае, исполнит свою обязанность заключить договор.

Фиксация в законодательстве правил о требовании к понуждению заключить договор является не только достаточной гарантией соблюдения интересов государства и общества, как полагает А. А. Богустов [6, с. 360], но и гарантией соблюдения интересов субъектов, действующих на рынках электроэнергии в качестве частных лиц.

Повод к иску. Возможно, коллеги станут возражать тезису о том, что иск является составной частью субъективного права, ведь для того, чтобы предъявить иск в суд, следует иметь *повод к иску*. Однако существуют или могут существовать иски, которые могут быть предъявлены в суд сразу же после возникновения субъективного права. К их числу относится, например, иск о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, который не требует повода[11]. Иск о понуждении заключить договор таковым иском не является, для его предъявления необходим повод. «Чтобы право на иск обратилось из потенциального, то есть возможного к его установлению в будущем, в наличное, то есть подлежащее к осуществлению немедленно, по учению римских юристов, ... было необходимо, чтобы к этому основанию иска присоединился еще повод к иску или нарушение того материального права, охраной которого он должен служить», — сказано К. Н. Анненковым [1, с. 103].

Поводом к иску служит нарушение субъективного права на заключение договора. Повод возникает, когда обязанная сторона, получившая оферту в соответствии с п. 1 ст. 445 ГК РФ, сообщает другой стороне о своем отказе от акцепта, не направляет извещения об акцепте или об акцепте на иных условиях (протокол разногласий к проекту договора). Нарушение права на заключение договора становится очевидным, и заинтересованная сторона обращается к суду с требованием о понуждении обязанной стороны к исполнению обязанности заключить договор.

Предмет иска. Предмет иска о понуждении заключить договор сложный. Профессор М. А. Гурвич учил: «Предмет преобразовательного иска и решения имеет как бы двухэтажную структуру, в которой нижний этаж представляет собой «материнское» правоотношение, в состав которого входит преобразовательное правомочие, а верхний — возникшее или постоянно существующее в нем преобразовательное правомочие. Как правило, первое из них служит условием существования второго, приобретающего активную форму под влиянием указанных законов дополнительных фактов» [10, с. 303]. «Материнское» правоотношение, являющееся «первым этажом» предмета иска о понуждении заключить договор, есть обязательство заключить договор. «Дочернее» правоотношение «на втором этаже» есть обязательство, возникновения которого желает сторона, обратившаяся в суд с иском о понуждении к заключению договора.

Предмет иска — это то правовое отношение, по поводу которого возник спор. В свою очередь, спор по иску о понуждении к заключению договора возникает в связи с тем, что сторона, обязанная к заключению договора, отрицает существование данной обязанности, отрицает договор, на заключение которого притязает управомоченная сторона. Кроме того, сторона может возражать не только против заключения договора, но и против условий, предложенных стороной, требующей

---

[10] К. Н. Анненков цитирует знатока пандектов Юлиуса Барона: «С точки зрения судопроизводства под иском разумеется процессуальное действие истца, которым он требует защиты суда против ответчика с целью понудить последнего к признанию и удовлетворению его права, с точки зрения права материального под иском разумеется уже правомочие субъекта права требовать в случае надобности судебной защиты для осуществления своего права» [1, с. 90]. Далее у профессора Ю. Барона читаем: «Право на иск существует раньше возможности своего осуществления, оно возникает, как возможное, потенциальное, вместе с самим правом; ибо всякий субъект права имеет притязание на защиту и осуществление своего права» [3, с. 236].

[11] Уплата родителем средств на содержание ребенка в добровольном порядке при отсутствии нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов не является препятствием для рассмотрения судом требования о взыскании алиментов», — сказано в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» (Российская газета. 2017. 29 дек.).

заключения договора. Изложенное позволяет наглядно продемонстрировать противоречивость позиции, согласно которой «материальное правоотношение не может рассматриваться в качестве предмета иска». «Чтобы охарактеризовать предмет иска, — правильно указывает А. Б. Бабаев, — необходимо ответить на вопрос: чего добивается истец, на что направлено его требование» [2, с. 943, 944]. Требование истца по иску о понуждении заключить договор направлено на возникновение правоотношения (обязательства) в силу обязанности ответчика заключить договор.

Основание иска. «Основание иска, — писал М. А. Гурвич, — составляют юридические факты, с которыми истец связывает свое материально-правовое требование к ответчику, или правоотношение в целом, составляющее предмет иска» [10, с. 273]. Предметом иска о понуждении заключить договор является, как было сказано выше, правоотношение в силу которого ответчик обязан заключить договор, и будущее правоотношение, которое возникнуть в связи со вступлением решения суда в законную силу. Следовательно, основанием иска являются юридические факты, которые вызвали к жизни обязательство заключить договор, а также юридические факты, которые подтверждают возникновение права на предъявление соответствующего иска. Юридические факты определяются законами, устанавливающими право предъявить требование о понуждении к заключению договора.

Правовое основание иска. В соответствии с п. 9 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии (постановление Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 442[12]) гарантирующий поставщик обязан заключать договор энергоснабжения (купли-продажи, поставки) электрической энергии (мощности) с любым обратившимся к нему физическим или юридическим лицом в отношении энергопринимающих устройств, расположенных в границах зоны деятельности гарантирующего поставщика. В п. 2 ст. 539 ГК РФ сказано, что договор энергоснабжения заключается с абонентом при наличии у него энергопринимающего устройства, присоединенного к сетям энергоснабжающей организации, другого необходимого оборудования, а также обеспечения учета потребления энергии. Пункт 2 ст. 37 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»[13] устанавливает, что при необоснованном уклонении гарантирующего поставщика от заключения договора обратившееся к нему лицо вправе обратиться в суд с требованием о понуждении гарантирующего поставщика заключить договор.

Фактическое основание иска. Основанием иска о понуждении гарантирующего поставщика заключить договор энергоснабжения является наличие у ответчика статуса гарантирующего поставщика, наличие у истца энергопринимающих устройств, расположенных в зоне деятельности гарантирующего поставщика, а также наличие технологического присоединения к электрическим сетям, благодаря которому имеется технологическая возможность исполнения договора, а также иного необходимого оборудования, в том числе обеспечивающего учет потребления энергии.

Если указанные выше обстоятельства будут доказаны, суд может сделать вывод о наличии юридических фактов, с которыми действующее законодательство связывает существование обязательства заключить договор.

Кроме того, обращаясь с иском о понуждении заключить договор, истец должен доказать возникновение фактов повода к иску, то есть наличие обстоятельств, благодаря которым возникло право на предъявление иска. Таким юридическим фактом является отказ ответчика от исполнения обязательства заключить договор. Этот факт может быть установлен судом в результате исследования молчания ответчика или его извещения ответчика об отказе или об акцепте на иных условиях.

Наконец, к основанию иска о понуждении заключить договор относятся факты, подтверждающие, с точки зрения истца, обоснованность условий (пунктов), составляющих содержание обязательства, которое возникнет после вступления в законную силу решения суда об удовлетворении иска.

Содержание иска. Согласно учению профессора М. А. Гурвича, в основной состав иска входит истребуемое истцом действие суда. Данное действие, именуемое содержанием иска, в его «чистом» или «изолирован-

[12] О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии : постановление Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 442 (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Основными правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») (ред. от 27. дек. 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 23. Ст. 3008.

[13] Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 13. Ст. 1177.

ном» виде излагается в просительном пункте искового заявления [10, с. 271].

На первый взгляд, когда говорят о содержании иска, то говорят о том действии, которое, с точки зрения истца, должно быть указано в резолютивной части решения суда: взыскать денежные средства, признать право собственности и т. д. В действительности, содержание иска — это система процессуальных действий, которые суд должен совершить, предоставляя защиту. Иск — это не только требование о предоставлении защиты в материальном смысле этого термина, но и требование о предоставлении защиты в процессуальном смысле, требование о совершении судом процессуальных действий в соответствии с установленной формой (которая не всегда является исковой. — *В. Н.*). В свою очередь, процессуальная защита по иску о преобразовании обладает особенностями в сравнении с защитой по искам о присуждении и признании.

Свобода договора и социальная (организационная) функция договора. Особенности исковой формы защиты, которой просит истец, обращаясь к суду с требованием о понуждении к заключению договора, определяются принципом свободы договора, согласно которому понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена гражданским кодексом, законом или добровольно принятым обязательством (п. 1 ст. 421 ГК РФ). Понуждение заключить договор рассматривается в литературе как ограничение действия принципа свободы договора. Между тем понуждение заключить договор существует, поскольку существует свобода договора, поэтому понуждение не является ограничением свободы. Уместно вспомнить, что договор есть не только юридическая форма товарного обмена (свобода договора), но и инструмент организации рыночного хозяйства (понуждение к заключению договора)[14]. Если конкретный договор не выполняет организационной функции, это означает, что не может быть и понуждения заключить договор. Организационная функция договора является его социальной функцией. Существует позиция, согласно которой свобода договора «подлежит подчинению принципу социальной функции, обязывающему договаривающихся участников заключаемого договора учитывать то, что составляет общее благо и социально значимые цели» [4, с. 464]. Понуждение к заключению договора возможно, если того требуют интересы «рыночного хозяйства».

Руководствуясь принципом свободы договора, суд, с одной стороны, обязан обеспечить возникновение обязательства, добиваясь реального исполнения обязательства заключить договор. С другой стороны, суд обязан обеспечить ответчику, обязанному к заключению договора, реальную возможность воздействовать на возникновение обязательства и его содержание, поскольку стороны договора есть субъекты (управляющие звенья) и объекты управления, призванные исполнять совместные решения [23, с. 38]. Договор есть инициативный акт, инициативность проявляется не только в том, что стороны инициируют заключение договора, руководствуясь законом, согласно которому заключение договора является обязательным. Договор есть инициативный акт в связи с тем, что стороны определяют содержание обязательства, возникающего по договору, составляют программу своего поведения посредством координации (взаимоувязки) своих интересов [16, с. 178—180].

Проект договора. Если истец не предоставил суду проект договора, то спор о понуждении к заключению договора является беспредметным, поскольку неизвестно договор какого содержания желает заключить истец, к заключению какого именно договора истец просит понуждать ответчика. Поэтому суд, получив исковое заявление, должен оставить его без движения, предложив предоставить в течении определенного срока проект с доказательствами, подтверждающими направление его направление стороне, обязанной к заключению договора.

Отзыв на исковое заявление. Чтобы ответчик мог воздействовать на содержание обязательства, суд должен предложить ответчику не только заблаговременно предоставить отзыв на исковое заявление в соответствии со ст. 131 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[15], но и протокол

[14] Парафраз слов М. И. Кулагина: «Западное договорное право вынуждено было поступиться частью своих принципов ... расширились функции гражданского договора. Он используется в настоящее время не только в качестве юридичекой формы обмена, но и как правовой инструмент организации рыночного хозяйства, опосредующий процессы концентрации капитала и производства» [17, с. 259]. Свобода договора есть оборотная сторона принципа неприкосновенности собственности. Лицо, необоснованно уклоняющееся от заключения договора, тем самым создает препятствия собственнику надлежащим образом пользоваться своим имуществом. Поэтому понуждение к заключению договора пребывает в единстве, во взаимосвязи с принципом свободы договора.

[15] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 1 апр. 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012 (далее — АПК РФ).

разногласий к договору, проект которого предоставил истец. В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации[16] понятие отзыва на исковое заявление отсутствует, однако ответчики и третьи лица могут направлять отзывы суду и другим лицам участвующим в деле. Отзыв должен быть предоставлен заблаговременно. Возражать может представитель в силу того, что является представителем. Подписать и направить отзыв на исковое заявление может представитель, обладающий специальным то полномочием. Отзыв на исковое заявление — квалифицированное возражение против иска.

Объясняются отличия отзыва на исковое заявление от обычных неквалифицированных возражений против иска тем, что отзыв на исковое заявление есть процессуальное действие по распоряжению доказательствами. К отзыву прилагаются доказательства, с которыми суд и другие лица, участвующие в деле, должны познакомиться заранее. Разумеется, коллеги могут сказать, что в отзыве на исковое заявление доказательства могут и отсутствовать. Такой отзыв можно назвать возражениями против иска или объяснениями, ошибки не будет.

Метод арбитрирования. При принятии искового заявления к производству, суд может прийти к выводу о возможности использования в ходе рассмотрения дела методов *арбитрирования* и ответственного представительства. Метод арбитрирования заключается в том, что суд приглашает к участию ответственных представителей к выработке будущего решения по иску[17]. Удовлетворяя требование о понуждении заключить договор, суд излагает в решении условия, на которых договор будет считаться заключенным с момента вступления в законную силу решения суда (п. 4 ст. 445 ГК РФ). Названные условия следует обсудить с *ответственными представителями* в судебном заседании, которые могут выдвинуть аргументы в пользу той или иной редакции каждого пункта договора.

Какие представители являются ответственными и в чем их отличие от обычных судебных представители? Метод *ответственного представительства* состоит в приглашении в судебное заседание, наряду с обычными представителями, представителей ответственных. Последние обладают не только полномочиями вести в суде дело по иску о понуждении заключению договора, но и полномочием вести от имени заинтересованной стороны переговоры о заключении договора и полномочием заключить договор. Ответственными таких представителей именуют потому, что в силу своих функций они обладают знаниями о технологической стороне исполнения договора и способны воздействовать на принятие решения о его заключении. В качестве ответственных представителей субъекты розничного рынка электроэнергии могут направлять в суд руководителей, энергетиков и инженеров. Участие в процессе ответственных представителей объясняется наличием у них специальных знаний в области электроснабжения, которыми могут не обладать юрисконсульты и адвокаты. Практика направления в суд ответственных представителей, наряду с юристами, имеется[18].

Следует отметить, что целесообразность ответственного представительства и арбитрирования в литературе о государственном арбитраже подвергалась сомнению [14, с. 220—221]. Сомнения представляются обоснованными. Отсутствует необходимость направлять для участия в судебных заседаниях ответственных представителей во всех случаях. Направлять или не направлять в суд ответственного представителя решает руководство субъекта розничного рынка индивидуально по каждому конкретному преддоговорному спору, включая иск о понуждении к заключению договора.

В судебное заседание по иску гарантирующего поставщика к хозяйственному обществу о взыскании задолженности за потребленную электроэнергию, муниципальное предприятие электрических сетей (третье лицо) направило в качестве представителей начальника юридического отдела и ведущего инженера. Гарантирующий поставщик направил в суд помимо юрисконсультов начальника отдела метрологии, обслуживания приборов учета и связи. Хозяйственное общество —

[16] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532 (далее — ГПК РФ).

[17] В советской правовой науке одни юристы полагали, что арбитрирование есть принцип рассмотрения хозяйственным споров государственным арбитражем, другие считали, что арбитрирование — метод рассмотрения хозяйственных споров, третьи называли арбитрирование функцией государственного арбитража [18, с. 87].

[18] См., например: Решение Арбитражного суда Камчатского края от 15 июля 2021 г. по делу № А24-7340/2019 // Мой арбитр. Банк решений арбитражных судов (дата обращения: 28.08.2025). Среди представителей по делу генеральный директор организации.

первого заместителя заведующего филиалом и заместителя директора.

В иске было отказано полностью, поскольку договор купли-продажи электроэнергии между гарантирующим поставщиком и хозяйственным обществом не заключен, хозяйственное общество заключило соответствующий договор с другой энергосбытовой организацией (третьим лицом). В свою очередь, энергосбытовая организация связана с муниципальным предприятием электрических сетей договором об оказании услуг по передаче электроэнергии и предъявила иск к гарантирующему поставщику об урегулировании разногласий по заключаемому договору. Несмотря на то, что был предъявлен иск о взыскании задолженности по договору, предмет судебного разбирательства по данному делу есть вопрос о существовании договора между гарантирующим поставщиком (истцом) и хозяйственным обществом (ответчиком). Если договор существует, то имеется задолженность по данному договору, если договора с гарантирующим поставщиком не существует, это означает, что задолженности не имеется[19].

В действующем процессуальном законодательстве институт ответственного представительства отсутствует. По общему правилу представителями в суде общей юрисдикции могут быть адвокаты и иные лица с высшим юридическим образованием либо ученую степень по юридической специальности. Дела организаций могут вести их органы, обладающие полномочиями, предоставленными федеральными законами, иными правовыми актами или учредительными документами (ст. 48, 49 ГПК РФ, ст. 59 АПК РФ). В законодательстве о судебном представительстве следует установить правило, согласно которому вести дела организаций и граждан вместе с адвокатами и иными, оказывающими юридическую помощь лицами, могут иные граждане, обладающие соответствующими полномочиями[20].

Важно отметить, что в советской литературе метод арбитрирования понимался несколько иначе. В соответствии с методом арбитрирования ответственные представители сторон включаются в состав государственного арбитража, арбитраж принимает согласованное решение. Следовательно, ответственные представители становятся на положение арбитров, которые разбирают спор совместно с государственным арбитром. Согласно ст. 5 Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами[21] рассмотрение споров производилось государственным арбитражем в составе государственного арбитра и представителей сторон.

Для сравнения, стороны, желающие разобрать возникший между ними спор, могут сформировать арбитраж, избрав для себя третейских судей. Арбитры, избранные сторонами, избирают третьего, голос которого будет решающим при принятии решения (ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ[22]). Коль скоро ответственные представители выступают в качестве арбитров, то, будучи арбитрами, ответственные представители сторон должны, гипотетически, подписать арбитражное решение, резолютивная часть которого может быть изложена не только отдельном документе, но и в протоколе арбитражного заседания. В свою очередь, подпись ответственного представителя в протоколе арбитражного заседания, может расцениваться как согласие с принятым решением. Высказанные соображения компетентный читатель может посчитать фантастическими, поскольку ст. 77 Правил рассмотрения хозяйственных споров предписывали подписывать решение государственного арбитража только государственным арбитрам. Однако названные правила не содержали запрета ответственным представителям сторон подписывать формулировки пунктов договора, с которыми они согласны или против которых у них отсутствуют возражения.

---

[19] См.: Решение Арбитражного суда Тверской области от 20 ноября 2007 г. по делу № А66-1440/2007 // Мой арбитр. Банк решений арбитражных судов (дата обращения: 28.08.2025).

[20] Например, Конституционный Суд Российской Федерации допустил возможность участия в судебном разбирательстве в качестве представителя организации ее участника или работника, в случаях когда ее интересы в том же процессе одновременно представляет адвокат или иное лицо с юридическим образованием или ученой степенью по юридической специальности. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2020 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Александра" и гражданина К. В. Бударина» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 5000.

[21] Об утверждении Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами и Положения о Государственном арбитраже при Совете Министров СССР : Постановление Совета Министров СССР от 5 июня 1980 г. № 440 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1980. № 16-17. Ст. 104 (далее — Правила рассмотрения хозяйственных споров) (утратили силу).

[22] Об арбитраже (третейском разбирательстве) : Федер. закон от 29 дек. 2015 г. № 382-ФЗ (ред. от 8 авг. 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1,ч. 1. Ст. 2 (далее — Закон об арбитраже).

Сегодня в протоколе судебного заседания уместно фиксировать предлагаемые стороной условия, с которыми соглашается сторона с противоположным интересом, поскольку у нее нет обоснованных возражений.

Для сравнения, в соответствии с процессуальным законодательством при коллегиальном рассмотрении дела решение подписывается всеми судьями, в том числе судьями, оставшимся при особом мнении (ч. 2 ст. 197 ГПК РФ, ч. 3 ст. 176 АПК РФ, ч. 2 ст. 177 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации[23]). Согласно о третейском разбирательстве может быть подписано не всеми, а большинством арбитров, составляющих коллегию, принявшую решение, с указанием причин отсутствия других подписей (ч. 1 ст. 34 Закона об арбитраже). Сказанное выше относится не к содержанию, а к форме арбитрирования.

Понуждение и убеждение. Содержание арбитрирования заключается в убеждении ответственных представителей сторон к принятию согласованного решения по предъявленному исковому требованию. Убеждение идет посредством исследования судом собранных по делу доказательств в присутствии ответственных представителей и с их участием. Исследование доказательств сопровождается обсуждением доводов сторон. В ходе исследования доказательств в сознании ответственного представителя чаще всего формируется обоснованный вывод о существе решения, которое будет принято. В результате, позиция ответственного представителя, первоначально возражавшего против заключения договора, может измениться.

В литературе по психологии гражданского процесса правильно писали о том, что ликвидация спора посредством принятия решения не всегда приводит к ликвидации конфликта. (Самоочевидно, что если принятое решение обжаловано в суд апелляционной или кассационной инстанции, то конфликт между сторонами не ликвидирован. — *В. Н.*). Если же конфликт ликвидирован, то спор между сторонами «затухает» [22, с. 18].

В свою очередь отметим, что ликвидация конфликта не всегда приводит к прекращению производства по делу. Объясняется это тем, что ответчик, убедившись в необоснованности возражений против обязанности заключить договор, может формально не признавать предъявленный к нему иск. Тем не менее, ответчик в лице своего ответственного представителя включается в обсуждение условий будущего договора, возражает против условий, предложенных оппонентом, и предлагает свои формулировки. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил в п. 58 постановления от 4 марта 2021 г. № 2[24], что суды при рассмотрении исков об обязании заключить договор, об изменении условий договора не связаны условиями, которые предлагают стороны. Из названного правоположения следует, что ответчик может предлагать собственную редакцию обсуждаемых условий договора не только по названным искам, но и по иску о понуждении к заключению договора. Принятие судом условий в редакции ответчика, а не истца, не влечет за собой отказ в иске. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в постановлении от 19 мая 2025 г. по делу № А03-78693/2024[25] подчеркнул: «Суд не может отказать истцу в иске и в том случае, когда предложенные им редакции условий договора не соответствуют требованиям действующего законодательства».

Action arbitrariae. Использование метода арбитрирования при рассмотрении дел о понуждении к заключению договора позволяет поставить вопрос: не относится ли разбираемый иск к числу арбитражных исков, называемых также арбитрарными исками (*action arbitrariae*). При рассмотрении арбитражного иска судья был уполномочен выполнять функции посредника. Профессор С. А. Муромцев раскрывал метод работы суда по арбитражным искам следующим образом: «В судопроизводстве по раздельным искам (искам о разделе имущества. — *В. Н.*) выработался особый тип судьи-посредника, который пользовался особенной властью и при помощи ее оказывал особенное влияние и образ действий тяжущихся... Прежде чем произнести окончательное решение, посредник добивался по многим вопросам добровольного соглашения, страшая несговорчивых невыгодными сторонами судебного раздела; в конце концов, судебный приговор устанавливал лишь те пункты, по которым не могли столковаться сами тяжущие-

[23] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 7 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

[24] О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 5. С. 2—21.

[25] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19 мая 2025 г. по делу № А03-78693/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

ся» [19, с. 470]. Невзирая на то, что метод работы по арбитражному иску подобен методу работы по иску о понуждении к заключению договора, автор настоящей статьи не готов сказать, что разбираемый иск можно назвать арбитражным иском. По словам профессора Д. Д. Гримма *action arbitrariae* утратили значение, т. к. сегодня решения суда по искам о присуждении подлежат принудительному исполнению.

Арбитражные иски могли быть как вещными, так и личными (обязательственными) [7, с. 140]. Иск о разделе общего имущества можно считать вещным иском, поскольку он опирается на нормы вещного права. Иск о понуждении к заключению договора есть обязательственный иск. Арбитражные иски интересны тем, что судья до принятия решения по делу предлагал ответчику выдать спорную вещь добровольно. Если ответчик отказывался добровольно удовлетворить требование, суд мог своим решением присудить его к уплате стоимости вещи, которую устанавливал произвольно. Нет сомнений в том, что арбитражные иски могли быть двухсторонними, то есть обоюдными исками (*actiones duplices*).

Actiones duplices. Иск о понуждении заключить договор относится к числу двухсторонних (обоюдных) исков, если не при его предъявлении, то при его рассмотрении. Для двухсторонних исков характерно то, что «каждая сторона по необходимости соединяет в своем лице роль истца и ответчика» [3, с. 243]. Д. Д. Гримм писал, что роли истца и ответчика по данному иску зависит от того, кто раньше успеет предъявить иск [7, с. 138]. Таковым иском является, например, иск о разделе имущества, которые предъявляются потому, что стороны не заключают соответствующий договор. По делу о понуждении к заключению договора об оказании услуг по передаче электроэнергии между смежными сетевыми организациями, истцом выступает та сторона обязательства заключить договор, которая первой предъявила иск к другой стороне. Согласно п. 36 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 861[26]) заключение договоров между сетевыми организациями обязательно для каждой из сторон, каждая сторона может обратиться к другой стороне с требованием о понуждении заключить договор и возмещении причиненных убытков.

Представляется, однако, что в большинстве случаев обоюдные иски характеризуются не тем, что каждая сторона спорного материального правоотношения имеет право на предъявление иска к другой стороне. Для обоюдного иска характерно то, что, предъявив такой иск, сторона ставит себя в положение ответчика, но статус ответчика не приобретает. Например, если суд удовлетворяет иск о разделе совместно нажитого имущества, то своим решением, соглашаясь с вариантом раздела, который был предложен истцом, он может взыскать с истца компенсацию в пользу ответчика (п. 3 ст. 38 Семейного кодекса Российской Федерации[27]). Либо суд удовлетворяет иск о разделе совместной собственности, но соглашается с вариантом раздела, который был предложен ответчиком. Иск о понуждении заключить договор есть иск обоюдный в связи с тем, что суд может в решении указать на то, что все условия договора или некоторые из них принимаются в редакции ответчика.

Решение суда. Формулы. Положительное решение по иску о понуждении заключить договор в резолютивной своей части должно содержать приказ суда: «Иск удовлетворить. Договор считать заключенным на нижеуказанных условиях»[28]. Дополнительных действий сторон для заключения договора более не требуется. Неверна формула резолютивной части, используемая арбитражными судами, а именно: «Обязать публичное акционерное общество «Одуванчик» заключить с акционерным обществом «Ромашка» договор технологического присоединения в редакции акционерного общества «Ромашка» (далее излагается текст договора)[29]. Обязательство по технологическому присоединению возникнет после вступления в решения суда в законную силу, нет необходимости обязывать ответчика

[26] Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 52, ч. 2. Ст. 5525.

[27] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 нояб. 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

[28] В п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 сказано, что при принятии решения об обязании заключить договор или об урегулировании разногласий при заключении договора, суд в резолютивной части решения указывает условия этого договора, который считается заключенным на этих условиях с момента вступления в законную силу решения суда.

[29] См., например: Решение Арбитражного суда Алтайского края от 25 сентября 2024 г. по делу № А03-8768/2024 // Мой арбитр. Банк решений арбитражных судов (дата обращения: 28.08.2025).

заключать договор. Не случайно, в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 разъясняется, что никаких дополнительных действий сторон более не требуется. Скорее всего, формула «обязать заключить договор» возникает, поскольку до настоящего времени не претерпела изменений ст. 173 АПК РФ («По спору о понуждении заключить договор указываются условия, на которых стороны обязаны заключить договор»). Правильная редакция такова: «По спору о понуждении заключить договор указываются условия, на которых договор считается заключенным».

В мотивировочной части решения важно подчеркнуть, какие условия приняты судом в редакции истца или ответчика, какие условия — в редакции суда. Если состоявшееся решение будет обжаловано, то суд вышестоящей инстанции может расценить протокол разногласий, предоставленный ответчиком, не как признание иска о понуждении заключить договор, а как как имплицитное, то есть явно не выраженное, согласие со своей обязанностью заключить договор. Такую же оценку могут получить и условия, предложенные ответчиком для фиксации в резолютивной части решения.

Так, в постановлении Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда отмечено, что в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции истец и ответчик подписали протокол согласования разногласий по спорному договору о снабжении электрической энергией. В результате арбитражный суд второй инстанции оставил решение арбитражного суда без изменений, апелляционную жалобу без удовлетворения[30].

Заключение. Иск о понуждении заключить договор является двухсторонним (обоюдным) преобразовательным иском об арбитрировании. По данному иску в суд в качестве представителей помимо юрисконсультов и адвокатов целесообразно направлять руководителей и специалистов в области электротехники, дабы они могли вести переговоры об условиях спорного договора со знанием дела. Статью 173 АПК РФ следует привести в соответствии с действующим гражданским законодательством.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анненков К. Иск и возражение, как средства осуществления и защиты гражданских прав // Журнал Гражданского и Уголовного права. — 1893. — Кн. 6 (Июнь). — С. 90—128.
2. Бабаев А. Б. Очерк 24. Проблемы общего учения об иске и праве на иск // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. — Москва : Юрайт, 2009. — С. 918—956.
3. Барон Ю. Система римского гражданского права : в 6 кн. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2005. — 1102 с.
4. Безбах В. В. Гражданский кодекс Бразилии: социальная функция договора и декларация прав экономической свободы // Гражданское право социального государства : сб. статей, посвящ. 90-летию со дня рождения проф. А. Л. Маковского (1930—2020) / отв. ред.: В. В. Витрянский и Е. А. Суханов. — Москва : Статут, 2020. — С. 463—476.
5. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть : учебник. — Москва : Юрайт, 2011. — Т. II: Лица, блага, факты. — 1093 с. — (Серия: Магистр).
6. Богустов А. А. Понуждение к заключению договора в законодательстве стран СНГ: сравнительно-правовой анализ // Практика применения общих положений об обязательствах : сб. статей / отв. ред. М. А. Рожкова. — Москва : Статут, 2011. — С. 343—360. — (Серия: Анализ современного права).
7. Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права : пособие для слушателей. — 5 изд., испр. и доп. — Петроград : Государственная типография, 1916. — 409 с.
8. Гримм Д. Д. Actio. II. Главные виды римских исков (genera actionum) // Словарь юридических и государственных наук / под ред. А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. — Санкт-Петербург : Изд. Товарищества «Общественная польза», [1901]. — Т. 1: [А—В]. — Стлб. 187—198.
9. Гукасян Р. Е. Соотношение материального и процессуального права — важная проблема юридической науки на современном этапе // Избранные труды по гражданскому процессу. — Москва : Проспект, 2008. — С. 353—360.
10. Гурвич М. А. Учение об иске (состав, виды) : учеб. пособие // Избранные труды : в 2 т. — Москва : Советская Кубань, 2006. — Т. I. — С. 265—316. — (Серия: Классика российской процессуальной науки).
11. Добровольский А. А. Исковая форма защиты права (Основные вопросы учения об иске) // Избранные труды : в 2 т. — Краснодар, 2011. — Т. 1. — С. 191—404. — (Серия: Классика российской процессуальной науки).

[30] См.: Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 июля 2008 г. по делу № А66-3369/2007 // Мой арбитр. Банк решений арбитражных судов (дата обращения: 28.08.2025).

12. Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права // Добровольский А. А. Избранные труды : в 2 т. — Краснодар, 2011. — Т. 1. — С. 405—595. — (Серия: Классика российской процессуальной науки).

13. Кавелин К. Д. Что есть гражданское право и где его пределы // Избранные произведения по гражданскому праву. — Москва : Центр ЮрИнфоР, 2003. — С. 65—175. — (Серия: Научное наследие).

14. Каллистратова Р. Ф. Государственный арбитраж. Проблемы совершенствования организации и деятельности : монография. — Краснодар : Советская Кубань, 2008. — 560 с.

15. Карапетов А. Г., Церковников М. А. Комментарий к статье 445 // Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420—453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — Москва : М-Логос, 2020. — С. 1002—1028. — (Серия: Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса).

16. Красавчиков О. А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции // Антология уральской цивилистики. 1925—1989 : сб. статей. — Москва : Статут, 2001. — С. 166—182.

17. Кулагин М. И. Предпринимательство и право: опыт Запада // Избранные труды. — Москва : Статут, 1997. — С. 183—323. — (Серия: Классика российской цивилистики).

18. Логинов П. В. Арбитрирование — метод разрешения хозяйственных споров // Советское государство и право. — 1970. — № 3. — С. 87—90.

19. Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. — Москва : Статут, 2003. — 685 с. — (Серия: Классика российской цивилистики).

20. Новицкий И. Б. Обязательство заключить договор // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. — Москва : Статут, 2006. — Т. 1. — С. 125—179. — (Серия: Классика гражданской цивилистики).

21. Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право (базовый учебник) : пер. с макед. / под ред. В. А. Томсинова. — Москва : Зерцало, 1999. — 448 с.

22. Резниченко И. М. Основные проблемы психологии гражданского процесса. — Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1978. — 99 с.

23. Хохлов С. А. Организация договорной работы в народном хозяйстве // Избранное / сост. П. В. Крашенинников. — Москва : Статут, 2017. — С. 13—173. — (Серия: Юристы, изменившие право, государство и общество).

REFERENCES

1. Annenkov K. Lawsuit and Objection as Means of Exercising and Protecting Civil Rights. *Zhurnal Grazhdanskogo i Ugolovnogo prava = Journal of Civil and Criminal Law*, 1893, bk. 6, pp. 90—128. (In Russian).

2. Babaev A. B. Essay 24. Problems of the general doctrine of the Lawsuit and the right to a Lawsuit. In Belov V. A. (ed.). *Grazhdanskoe pravo: aktualnye problemy teorii i praktiki.* [Civil Law: Current Problems of Theory and Practice]. Moscow, Yurait Publ., 2009, pp. 918—956. (In Russian).

3. Baron Yu. *Sistema rimskogo grazhdanskogo prava* [The System of Roman civil law]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2005. 1102 p.

4. Bezbakh V. V. The Brazilian Civil Code: The Social Function of the Contract and the Declaration of the Economic Freedom Rights. In Vitryanskii V. V., Sukhanov E. A. (eds). *Grazhdanskoe pravo sotsialnogo gosudarstva. Cbornik statei, posvyashchennyi 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora A. L. Makovskogo (1930—2020)* [The Civil Law of the Welfare State. Collection of Articles Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of Professor A. L. Makovsky (1930-2020)]. Moscow, Statut Publ., 2020, pp. 463—476. (In Russian).

5. Belov V. A. *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast* [Civil Law. General Part]. Moscow, Yurait Publ., 2011. Vol. 2. 1093 p.

6. Bogustov A. A. The Compulsion to Conclude a Contract in the Legislation of the CIS Countries: A Comparative Legal Analysis. In Rozhkova M. A. (ed.). *Praktika primeneniya obshchikh polozhenii ob obyazatelstvakh* [The Practice of Applying General Provisions on Obligations]. Moscow, Statut Publ., 2011, pp. 343—360. (In Russian).

7. Grimm D. D. *Lektsii po dogme rimskogo prava* [Lectures on the Dogma of Roman Law]. 5th ed. Petrograd, State Printing House, 1916. 409 p.

8. Grimm D. D. Actio. II. The Main Types of Roman Lawsuits (Genera Actionum). In Volkov A. F., Filippov Yu. D. (eds). *Slovar yuridicheskikh i gosudarstvennykh nauk* [Dictionary of Law and Public Sciences]. Saint Petersburg, Obshchestvennaya polza Publ., 1901, vol. 1, col. 187—198. (In Russian).

9. Gukasyan R. E. The Relationship Between Substantive and Procedural Law is an Important Problem of Legal Science at the Present Stage. In Gukasyan R. E. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure]. Moscow, Prospekt Publ., 2008, pp. 353—360. (In Russian).

10. Gurvich M. A. The Doctrine of the Lawsuitm (Composition, Types). In Gurvich M. A. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Krasnodar, Sovetskaya Kuban Publ., 2006, vol. I, pp. 265—316. (In Russian).

11. Dobrovolskii A. A. The Form of the Lawsuit for the Right Protection (The Main Issues of the Lawsuit Doctrine). In Dobrovolskii A. A. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Krasnodar, 2011, vol. 1, pp. 191—404. (In Russian).

12. Dobrovolskii A. A., Ivanova S. A. The Main Problems of the Legal Protection Lawsuit Form. In Dobrovolskii A. A. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Krasnodar, 2011, vol. 1, pp. 405—595. (In Russian).

13. Kavelin K. D. What Is Civil Law and Where Are Its Limits? In Kavelin K. D. *Izbrannye proizvedeniya po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law]. Moscow, Tsentr YurInfoR Publ., 2003, pp. 65—175. (In Russian).

14. Kallistratova R. F. *Gosudarstvennyi arbitrazh. Problemy sovershenstvovaniya organizatsii i deyatelnosti* [State Arbitration. Problems of Improving the Organization and Activities]. Krasnodar, Sovetskaya Kuban Publ., 2008. 560 p.

15. Karapetov A. G., Tserkovnikov M. A. Commentary to Article 445. In Karapetov A. G. (ed.). *Dogovornoe pravo (obshchaya chast). Postateinyi kommentarii k statyam 420—453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Contract Law (General Part). Article-by-Article Commentary to Articles 420-453 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, M-Logos Publ., 2020, pp. 1002—1028. (In Russian).

16. Krasavchikov O. A. Civil Law Contract: Concept, Content and Functions. In *Antologiya uralskoi tsivilistiki. 1925—1989* [Anthology of Ural Civil Studies. 1925—1989]. Moscow, Statut Publ., 2001, pp. 166—182. (In Russian).

17. Kulagin M. I. Entrepreneurship and Law: The Experience of the West. In Kulagin M. I. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Statut Publ., 1997, pp. 183—323. (In Russian).

18. Loginov P. V. Arbitration is a Method of Resolving Economic Disputes. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1970, no. 3, pp. 87—90. (In Russian).

19. Muromtsev S. A. *Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima* [The Civil Law of Ancient Rome]. Moscow, Statut Publ., 2003. — 685 c.

20. Novitskii I. B. Obligation to Conclude a Contract. In Novitskii I. B. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 2006, vol. 1, pp. 125—179. (In Russian).

21. Pukhan I., Polenak-Akimovskaya M.; Tomsinov V. A. (ed.). *Rimskoe pravo (bazovyi uchebnik)* [Roman Law (Basic Textbook)]. Moscow, Zertsalo Publ., 1999. 448 p.

22. Reznichenko I. M. *Osnovnye problemy psikhologii grazhdanskogo protsessa* [The Main Problems of the Civil Procedure Psychology]. Vladivostok, Far Eastern University Publ., 1978. 99 p.

23. Khokhlov S. A. Organization of Contractual Work in the National Economy. In Khokhlov S. A.; Krasheninnikov P. V. (ed). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Statut Publ., 2017, pp. 13—173. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Нестолий Вячеслав Геннадьевич (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: nestoliy1@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nestoliy, Vyacheslav G. (Irkutsk) — Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor of the Civil Law and Procedure Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (4 Nekrasov St., Irkutsk, 664011, Russia, e-mail: nestoliy1@yandex.ru).

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ
PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

УДК 347

Е. В. Михайлова
Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0313-3813
ResearcherID: HMD-3152-2023

ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА КАК УЧАСТНИКА ИНВЕСТИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 41—50.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.4.41-50
Дата поступления 12.12.2024, дата принятия к печати 19.09.2025, дата онлайн-размещения 30.09.2025.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются природа и разновидности инвестиционных правоотношений, их субъектный состав и отраслевая принадлежность. Обосновывается, что инвестиционные правоотношения могут иметь как частноправовой, так и публично-правовой характер, в силу чего часть из них является неарбитрабельными. Акцентировано внимание на чрезвычайно широкой трактовке понятия «инвестиции» в международной арбитражной практике. В связи с этим отмечена важность определения при заключении международных инвестиционных соглашений круга споров, которые допускается передавать в международный арбитраж. Споры, возникающие из правоотношений по реализации мер государственной (муниципальной) поддержки инвестиционной деятельности, имеют административный характер и не могут передаваться в международные арбитражи. Государство как субъект частноправовых инвестиционных отношений нуждается в повышенных мерах правовой защиты, поскольку в их рамках реализует публичный (общественный) интерес. Действующее российское законодательство, в противовес этому, нацелено исключительно на защиту прав инвесторов. Положительно оценивается правовая позиция Конституционного Суда о применимости исключительно государственной (судебной) защиты участников международных соглашений, подписанных Российской Федерацией, но еще не ратифицированных. Поддерживается новелла, наделяющая Генеральную прокуратуру Российской Федерации правом представлять интересы России в международных судах. В то же время отмечается, что данная норма пока недостаточно имплементирована в российское законодательство. Научная новизна статьи состоит в обосновании того, что инвестиционный арбитраж как форма защиты государственных интересов должен обладать гарантиями, основной из которых должен выступать прокурорский надзор.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Инвестиционная деятельность, инвестиционное соглашение, частноправовое и публично-правовое инвестиционное отношение, инвестиционный арбитраж, прокуратура, защита интересов государства, неарбитрабельные споры, государственная поддержка инвесторов.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Михайлова Е. В. Защита интересов государства как участника инвестиционных отношений // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 41—50. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.4.41-50.

UDC 347

E. V. Mikhailova
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0313-3813
ResearcherID: HMD-3152-2023

PROTECTION OF THE STATE INTERESTS AS A PARTICIPANT IN INVESTMENT RELATIONS

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 3, pp. 41—50.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.4.41-50
Received 12.12.2024, accepted 19.09.2025, available online 30.09.2025.

ABSTRACT The article analyzes the nature and types of investment legal relations, their subject composition and industry affiliation. It is substantiated that investment legal relations can have both private and public law character, due to which some of them are non-arbitrable. Attention is focused on the extremely broad interpretation of the concept of "investments" in international arbitration practice. In this regard, the importance of determining the scope of disputes that can be referred to international arbitration when concluding international investment agreements is noted. Disputes arising from legal relations on the implementation of measures of state (municipal) support for investment activities are of an administrative nature and cannot be referred to international arbitration. The state as a subject of private law investment relations needs increased measures of legal protection, since within their framework it implements a public (social) interest. The current Russian legislation, in contrast to this, is aimed exclusively at protecting the rights of investors. The legal position of the Constitutional Court on the applicability of exclusively state (judicial) protection of participants in international agreements signed by the Russian Federation but not yet ratified is assessed positively. The innovation granting the Prosecutor General's Office of the Russian Federation the right to represent Russia's interests in international courts is supported. At the same time, it is noted that this norm has not yet been sufficiently implemented in Russian legislation. The scientific novelty of the article consists in the substantiation that investment arbitration as a form of protecting state interests should have guarantees, the main one of which should be prosecutorial supervision.

KEYWORDS Investment activity, investment agreement, private and public-law investment relations, investment arbitration, prosecutor's office, protection of state interests, non-arbitrable disputes, state support for investors.

FOR CITATION Mikhailova E. V. Protection of the State Interests as a Participant in Investment Relations. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 3, pp. 41—50. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.4.41-50.

История арбитража (третейского разбирательства) уходит корнями в глубокое прошлое. Этот способ защиты прав и интересов возник даже раньше, чем государственное судопроизводство. Как указывает Е. В. Васьковский, он состоит в том, что спорящие стороны избирают по взаимному соглашению третье, постороннее лицо, которому они оба доверяют для того, чтобы оно разрешило их спор, обязуясь при этом подчиниться его решению [4, с. 2]. Конституционный Суд РФ отмечал, что третейское разбирательство является альтернативной, а не судебной формой защиты[1].

Арбитраж дифференцируется на «внутренний» и «внешний». «Внутренний арбитраж» представляет собой третейское разбирательство гражданских дел с участием российских граждан и организаций. «Внешний арбитраж» — это третейское разбирательство с участием «иностранного элемента» (международный коммерческий арбитраж). При этом в арбитраж — как «внешний», так и «внутренний» — могут быть переданы не все споры[2]. В этой связи в научной литературе высказано мнение о том, что публично-правовые образования не могут выступать стороной «внутреннего» третейского разбирательства[3].

Однако с этим подходом нельзя согласиться. В соответствии со ст. 124 Гражданского кодекса РФ публично-правовые образования могут участвовать в гражданских правоотношениях «на равных» с другими субъектами гражданского права[4]. В этом случае они могут становиться участниками третейского разбирательства, конечно, при условии, что примут соглашение об этом. Кроме этого, в межгосударственных отношениях — в зависимости от их природы — третейское разбирательство (арбитраж) является узаконенным международным правом способом защиты. Следует учитывать, что в рамках межгосударственных отношений реализуется два типа правоотношений: частноправового характера (отношения, основанные на равенстве государств) и публично-правовые (властеотношения, основанные на подчинении государства международному органу или организации) [11, с. 128—137].

Третейские суды (арбитражи) по общему правилу самостоятельно определяют свою компетенцию. Однако, если они рассмотрят неарбитрабельный спор (спор, который в силу его природы не может быть предметом третейского разбирательства), вынесенное ими решение будет отменено государственным компетентным судом. Следует подчеркнуть, что точно такое же правило действует в отношении «внешних арбитражей» — международных коммерческих арбитражей[5].

---

[1] Конституционный Суд РФ указал, что «передача спора, который возник или может возникнуть между сторонами какого-либо конкретного правоотношения, на рассмотрение третейского суда остается альтернативной формой защиты права и не превращает сам по себе порядок третейского разбирательства в судебную форму защиты права» (См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 8 июня).

[2] Часть 3 статьи 1 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (Российская газета. 2015. 31 декабря) устанавливает: «В арбитраж (третейское разбирательство) по соглашению сторон могут передаваться споры между сторонами гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено федеральным законом».

[3] Так, С. А. Курочкин пишет: «Российская Федерация, ее субъекты, муниципальные образования, выступая в качестве субъектов гражданско-правовых отношений, не могут быть стороной третейского разбирательства (во «внутренних» третейских судах), поэтому дела с их участием подведомственны государственным судам» [10, с. 326—328].

[4] Часть 1 статьи 124 ГК РФ устанавливает: «Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений — гражданами и юридическими лицами».

[5] Часть 3 статьи 1 Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (Российская газета. 1993. 14 авг.) устанавливает: «В международный коммерческий арбитраж по соглашению сторон могут передаваться споры сторон, возникающие из гражданско-правовых отношений, при осуществлении внешнеторговых и иных видов международных экономических связей, если коммерческое предприятие хотя бы одной стороны находится за границей либо если любое место, где должна быть исполнена значительная часть обязательств, вытекающих из отношений сторон, или место, с которым наиболее тесно связан предмет спора, находится за границей, а также споры, возникшие в связи с осуществлением иностранных инвестиций на территории Российской Федерации или российских инвестиций за границей».

В современный период особое значение имеют вопросы разрешения инвестиционных споров — особенно международного характера. Некоторые ученые небезосновательно заявляют даже о формировании новой правовой отрасли — международного инвестиционного права [14, с. 85—99].

Для того, чтобы определить процессуальный порядок защиты прав как инвестора, так и государства, субъекты которого используют иностранные инвестиции, необходимо определить природу инвестиционных споров.

Определение понятия «инвестиционная деятельность» содержится в законе[6]. Инвестиционная деятельность является разновидностью предпринимательской деятельности, но при этом, помимо извлечения прибыли, она может преследовать и иные полезные цели. Однако она всегда связана с предпринимательством, на это прямо указывает законодательная дефиниция иностранной инвестиции[7].

Природа инвестиционного соглашения (договора) Гражданским кодексом РФ не определяется. Однако это совсем не означает, что оно имеет иную правовую природу, чем поименованные в ГК РФ гражданско-правовые сделки. Как известно, во-первых, в гражданско-правовой сфере применяется аналогия закона. Во-вторых, нормы гражданского законодательства применяются не только к поименованным в ГК РФ сделкам, но вообще к любым другим частноправовым отношениям, в том числе с иностранным элементом[8].

Вместе с тем следует помнить, что само по себе отнесение инвестиционного договора к гражданско-правовым сделкам не является свидетельством его частноправовой природы. Нормами гражданского законодательства регулируется целый ряд отношений, имеющих публично-правовой характер.

Основные признаки публично-правовых отношений сформулированы в правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ[9]. Отталкиваясь от указанных признаков, неизбежен вывод, что правоотношения, складывающиеся в процессе принудительного изъятия неиспользуемых собственником земельных участков или принудительного изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд, хотя и регулируются Гражданским кодексом, основаны на одностороннем принятии решений и определении условий сделки публично-властным субъектом и имеют публично-правовой характер. То же касается отношений в области пенсионного и иного социального обеспечения, сделок с недвижимым имуществом в свете необходимости их государственной

[6] Согласно ст. 1 Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 9. Ст. 1096), «инвестиционная деятельность — вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта».

[7] Ст. 2 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 28. Ст. 3493) даёт следующее определение: «иностранная инвестиция — вложение иностранного капитала, осуществляемое иностранным инвестором непосредственно и самостоятельно, в объект предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в виде объектов гражданских прав, принадлежащих иностранному инвестору, если такие объекты гражданских прав не изъяты из оборота или не ограничены в обороте в Российской Федерации в соответствии с федеральными законами, в том числе денег, ценных бумаг (в иностранной валюте и валюте Российской Федерации), иного имущества, имущественных прав, имеющих денежную оценку исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность), а также услуг и информации».

[8] Так, ч. 1 ст. 2 ГК РФ устанавливает: «Гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав), регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения), договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. ...Правила, установленные гражданским законодательством, применяются к отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено федеральным законом».

[9] Пленум Верховного Суда РФ указал: «К административным делам, рассматриваемым по правилам КАС РФ, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику» (О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сент. 2016 г. № 36 // Российская газета. 2016. 3 окт.).

регистрации, предоставления жилья по договору социального найма и проч.

«Внутренняя» инвестиционная деятельность осуществляется субъектами, указанными в законе — инвесторами, которые могут вступать в правоотношения с пользователями объектов капитальных вложений[10].

Как видно, к числу субъектов инвестиционной деятельности отнесены, помимо субъектов частного права, также публично-правовые образования. Причем их правовой статус не всегда равен статусу других участников указанной деятельности. Например, в случаях, когда публично-правовые образования выступают в качестве пользователей объектов капитальных вложений, нельзя сказать, что они в любом случае действуют как частные лица, поскольку такие объекты предназначены не для личного, а для общественного пользования — следовательно, они служат удовлетворению не частного, а публичного интереса[11].

Как уже было сказано, российское законодательство о третейских судах основано на том, что они вправе рассматривать только дела частноправовой природы. Такого же мнения придерживается большинство ученых[12].

Между тем, Конституционный Суд РФ, рассмотрев вопрос о праве третейских судов рассматривать дела по спорам о правах на недвижимое имущество, подтвердил компетенцию третейских судов в этом вопросе, однако разграничил собственно гражданско-правовые сделки о правах на недвижимое имущество (которые могут быть предметом третейского разбирательства) и правоотношения в связи с государственной регистрацией прав на недвижимое имущество и сделок с ним (споры из которых не подлежат рассмотрению третейскими судами)[13]. Соответственно, многосторонние соглашения могут быть подразделены на арбитрабельные и неарбитрабельные «элементарные» соглашения.

В. Н. Ануров отмечает, что в настоящее время сложная система трансграничных отношений потребовала разработки новых моделей, коренным образом отличающихся от традиционных представлений о международном инвестиционном арбитраже. Он описывает три модели, особенность которых заключается в противоположных подходах к определению роли иностранного инвестора и государства, принимающего инвестиции, в создании предпосылок для проведения третейского разбирательства: «В первой модели предпринимается попытка преодолеть разрыв между обязательством принимающего государства, выступающего в качестве договаривающегося государства в МДИ (международные договоры о поощрении и взаимной защите инвестиций — *Е. М.*) или носителя суверенной власти в НЗИ (национальное законодательство о поощрении и защите инвестиций — *Е. М.*), и его обязательством как участника третейского разбирательства, статус которого оно автоматически получает при подаче иска иностранным инвестором в выбранный им третейский суд. Намек на этот разрыв отражен в самом названии первой модели — арбитраж без общего интереса. Вторая модель не ставит себе задачу объяснить метаморфозы в положении принимающего государства при разрешении спора,

[10] Части 2 и 5 статьи 4 ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» устанавливают: «Инвесторами могут быть физические и юридические лица, создаваемые на основе договора о совместной деятельности и не имеющие статуса юридического лица объединения юридических лиц, государственные органы, органы местного самоуправления, а также иностранные субъекты предпринимательской деятельности (далее — иностранные инвесторы). ... Пользователи объектов капитальных вложений — физические и юридические лица, в том числе иностранные, а также государственные органы, органы местного самоуправления, иностранные государства, международные объединения и организации, для которых создаются указанные объекты. Пользователями объектов капитальных вложений могут быть инвесторы».

[11] Об этом замечательно точно в свое время написал Н. М. Коркунов: «Все характеристические особенности частного и публичного права вполне объясняются различием поделения объекта и его приспособления. ... Если государству предоставляется власть над данным объектом ради его приспособления к общему пользованию — это право публичное: таково право государство на дороги. Если же, напротив, данный объект предоставляется государству только для пользования самим правительством ради извлечения из него средств для приспособления других объектов — это право частное: таково право государств на государственное имущество, доходы с которого идут на удовлетворение тех или других задач государственного управления» [9, с. 224, 226—227].

[12] Так, Е. В. Васьковский писал: «Из числа юридических лиц лишены права предоставлять свои дела третейскому суду казенные управления, городские, земские и сельские общества. Предметом рассмотрения третейского суда могут быть все гражданско-правовые споры, кроме дел, находящихся в соприкосновении с общим государственным интересом» [4, с. 371].

[13] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 г. № 10-П.

а делает акцент на его публично-правовых функциях, что в свою очередь влияет на характер арбитража, который из добровольного превращается в обязательный. Третья модель преимущественно используется при разрешении внутринациональных инвестиционных споров и содержит ряд значительных ограничений для участников третейского разбирательства» [2, с. 27—28].

Отношения в сфере инвестиционной деятельности могут иметь как частноправовой, так и публично-правовой характер (в зависимости от субъектного состава и реализуемого интереса), а инвестиционный договор — это гражданско-правовая сделка (международное соглашение). В. Н. Ануров отмечает, что описанные им модели международного инвестиционного арбитража посвящены «рассмотрению преимущественно публично-правовых требований иностранного инвестора, предъявляемых им к принимающему государству» [2, с. 35].

«Внешняя» инвестиционная деятельность осуществляется иностранными юридическими лицами, иностранными гражданами и организациями, лицами без гражданства, постоянно проживающими за пределами Российской Федерации, международными организациями и иностранными государствами (ст. 2 ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»).

Межгосударственные инвестиционные соглашения — это соглашения, заключаемые несколькими государствами с целью поощрения и защиты инвестиций. Разумеется, как и в любых других правоотношениях, субъекты инвестиционного правоотношения — в том числе и суверенные государства — могут столкнуться с нарушением своих прав и законных интересов[14].

В нашем государстве отношения, связанные с привлечением и использованием иностранных инвестиций, регулируются специальным законом[15]. Подчеркну, что о защите интересов Российской Федерации закон умалчивает. В целом закон выстроен так, что посвящен практически полностью гарантиям защиты прав иностранных инвесторов[16].

Однако иностранные инвесторы могут осуществлять свою деятельность в Российской Федерации с нарушениями законодательства и, соответственно, прав и интересов Российского государства. Необходимо предусмотреть гарантии, способы и процессуальные формы защиты интересов нашего государства как участника инвестиционных отношений с иностранным элементом. Как отмечают исследователи, государства не обязаны принимать иностранные инвестиции, но вправе свободно принимать их в соответствии со своим законодательством [8, с. 97].

«Внешние» инвестиционные соглашения в качестве своей неотъемлемой части должны содержать регламентацию способа и порядка разрешения возникающих из них споров[17]. Закон закрепляет, что к международным инвестиционным правоотношениям, как и к «внутренним» инвестиционным отношениям, применимы два способа защиты нарушенных или оспоренных прав и законных интересов их субъектов: государственный (в форме арбитражного судопроизводства) и негосударственный (в форме третейского разбирательства)[18].

---

[14] При этом, как справедливо отмечают авторы, «слабо урегулированными остаются отношения на уровне практического осуществления внешних сношений государственных органов РФ с государственными органами иностранных государств, а главное — правовое регулирование процедуры принятия решения по различным вопросам внешних сношений» [11, с. 120].

[15] В Преамбуле Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» сказано, что он «определяет основные гарантии прав иностранных инвесторов на инвестиции и получаемые от них доходы и прибыль, условия предпринимательской деятельности иностранных инвесторов на территории Российской Федерации».

[16] Специалисты указывают: «Инвестиционный арбитраж как способ разрешения споров между иностранными инвесторами и государствами, принимающими инвестиции, традиционно воспринимается как дорога с односторонним движением для инвесторов, а не государств. Государствам зачастую отводится роль "вечного ответчика" ...» [2, с. 209].

[17] Статья 10 ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» устанавливает: «Спор иностранного инвестора, возникший в связи с осуществлением инвестиций и предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации, разрешается в соответствии с международными договорами Российской Федерации и федеральными законами в суде или арбитражном суде либо в международном арбитраже (третейском суде)».

[18] Как указал Конституционный Суд РФ, «право государства осуществлять судебную юрисдикцию на своей территории в отношении возникающих на ней правовых споров и вытекающая отсюда законодательная прерогатива допускать разрешение такого рода споров в зарубежных и международных юрисдикциях — неотъемлемые составляющие государственного суверенитета, который служит конституционной основой для международного сотрудничества и заключения международных договоров» (О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 г. № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 дек. 2020 г. № 2867-О-Р г. Санкт-Петербург // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1, ч. 2. Ст. 291).

Принимая во внимание то обстоятельство, что основным способом разрешения межгосударственных споров является арбитраж (третейское разбирательство), соглашения между государствами, регулирующие правоотношения в области инвестиционной деятельности, должны содержать в себе арбитражную оговорку. При этом передача спора с участием государства в международный арбитраж, безусловно, означает передачу этому арбитражу суверенных полномочий этого государства.

Межгосударственное соглашение о передаче спора в международный арбитраж является международным соглашением. Международные соглашения, заключаемые Российской Федерацией, в обязательном порядке должны быть ратифицированы. Однако закон устанавливает исключение из этого правила, когда разрешается временное применение международного договора до его вступления в силу[19]. Но Конституционный Суд РФ разъяснил, что данное исключение не распространяется на положения международного договора, предусматривающие передачу споров между РФ и иностранными инвесторами на рассмотрение международного арбитража[20].

Будучи ратифицированным, межгосударственное соглашение РФ о передаче инвестиционного спора на рассмотрение и разрешение международного арбитража, приобретает для нашего государства обязательный характер.

Все международные инвестиционные споры, в которых истцом или ответчиком выступает Российская Федерация, целесообразно подразделить на споры с участием отдельных иностранных субъектов предпринимательской деятельности, осуществляющих инвестиции на территории России, и на межгосударственные споры с участием нашего государства.

При этом объектом защиты в любом случае является публичный интерес. Участие государства, субъектов государства в международных инвестиционных соглашениях всегда связано с реализацией государственных задач в области предпринимательской и иной экономической деятельности, направлено на удовлетворение общественных интересов. Даже выступая как участник частноправовых отношений, государство стремится наилучшим, наиболее эффективным образом выполнить онтологически принадлежащие ему функции публично-правового характера[21].

Следует вполне согласиться с тем, что реализация государством своих функций достаточно часто происходит с использованием гражданско-правовых средств, и участвует государство в гражданском обороте не в своих частных интересах, а для наиболее эффективного отправления своих властных, общественных функций[22]. При этом оно добровольно ограничивает свои полномочия, выступая наравне с другими субъектами гражданского оборота [13, с. 69—74].

---

[19] Ст. 23 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757) устанавливает: «1. Международный договор или часть договора до его вступления в силу могут применяться Российской Федерацией временно, если это предусмотрено в договоре или если об этом была достигнута договоренность со сторонами, подписавшими договор. 2. Решения о временном применении Российской Федерацией международного договора или его части принимаются органом, принявшим решение о подписании международного договора, в порядке, установленном статьей 11 настоящего Федерального закона».

[20] Конституционный Суд РФ в Определении от 24 декабря 2020 г. № 2867-О-Р указал следующее: «Конституционно-правовой смысл пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», выявленный Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 27 марта 2012 г. № 8-П, в действующей системе правового регулирования Российской Федерации: не допускает временного применения положений международного договора Российской Федерации, которые предусматривают разрешение международным арбитражем споров между Российской Федерацией и иностранными инвесторами, возникших в связи с осуществлением ими инвестиций и предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации, даже если данный международный договор был официально опубликован, без принятия федерального закона о его ратификации; не предполагает, что согласие Правительства Российской Федерации на временное применение международного договора Российской Федерации, оговоренное при его подписании, распространяется на положения данного международного договора, предусматривающие передачу споров между Российской Федерацией и иностранными инвесторами на рассмотрение международного арбитража».

[21] Специалисты отмечают: «Существенной особенностью публичных интересов является то, что они имеют официальное признание и поддержку со стороны государства и обеспечиваются его правовой защитой» [1, с. 100].

[22] Правильным является и мнение о том, что «публичные собственники, в отличие от субъектов права частной собственности, имеют целью не только эффективное использование принадлежащей им собственности в имущественном обороте в своем интересе. Государству (и муниципалитетам) приходится решать судьбу публичного имущества исходя из потребностей экономического развития в целом» [6, с. 108].

Таким образом, представляется несомненным, что участие государства как стороны дела в международном арбитраже означает определенную уступку им части своих суверенных прав, а также то, что объектом защиты будут являться не частные права хозяйствующих субъектов, а права государственные (публичные). Эти обстоятельства должны оказывать серьезное влияние как на решение вопроса о подписании арбитражного международного соглашения (все-таки приоритет должен отдаваться разрешению споров российской судебной системой), так и на выбор процедуры арбитража.

Также крайне важно учитывать, что далеко не все споры, возникающие из международной инвестиционной деятельности, могут быть переданы в международный арбитраж. Например, согласно ст. 2 ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений», органы государственной власти и местного самоуправления должны оказывать инвесторам содействие в реализации инвестиционной и (или) хозяйственной деятельности в целях повышения социально-экономического эффекта от указанной деятельности. Очевидно, что такие меры государственной (муниципальной) поддержки реализуются в рамках административных правоотношений, путем издания нормативных и ненормативных правовых актов, принятия соответствующих властных решений, совершение органом публичной власти действий или его бездействие. Отказ в мерах государственной (муниципальной) поддержки может быть инвестором обжалован, но исключительно в компетентный суд Российской Федерации, так как третейское разбирательство споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, действующим отечественным законодательством не допускается. Конкретные меры по государственной и муниципальной поддержке инвесторов перечислены в ст. 4 указанного Закона, перечень не закрыт и весьма обширен. Все они имеют ярко выраженный административный характер, а отношения, возникающие из их реализации, являются безусловно неарбитрабельными.

Международный арбитраж по итогам переданного на его рассмотрение инвестиционного спора может установить ответственность государства[23]. При этом, как указывают, в ряде дел государства-участники пытались оправдаться тем, что незаконные действия были совершены местными или региональными властями, над которыми государство не имеет контроля. Однако арбитражи рассматривают действия региональных и местных органов власти в качестве действий самого государства и указывают даже, что иной подход не был бы совместим с целью соглашений о защите инвестиций [15, с. 30]. Также пишут, что «межгосударственные споры из толкования или применения инвестиционного договора регулируются исключительно международным правом» [7, с. 79].

Сказанное свидетельствует о необходимости представления интересов государства в международных арбитражах на самом высоком уровне. В этом вопросе наиболее эффективно могут выступать органы прокуратуры. Следует безусловно одобрить включение в текст ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» пункт 3.1, в соответствии с которым Генеральная прокуратура Российской Федерации в пределах своей компетенции обеспечивает представительство и защиту интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах).

Однако имплементация данной нормы недостаточна. Необходимо предусмотреть гарантии ее реализации, в том числе в инвестиционных арбитражах. Представляется целесообразным предусмотреть в рамках отечественного законодательства обязательное участие в деле, возникшем из международного соглашения об инвестиционной деятельности, представителя Генеральной прокуратуры.

Исследователи также отмечают, что чрезвычайно широко в международной арбитражной практике трактуется понятие «инвестиции» [2, с. 262—269], под которыми фактически понимают едва ли не любые экономические отношения: «Осталось ли еще что-нибудь, что не представляет собой инвестицию?» [5, с. 38].

В этой связи при заключении международных инвестиционных соглашений важно четко очерчивать круг споров, которые передаются, при необходимости, в международный арбитраж. Согласно положениям российского законодательства, решение третейского суда (арбитража), принятое по спору, который не охватывается третейским (арбитражным) соглашением, может быть отменено государственным компетентным судом.

[23] Авторы отмечают: «Отправной точкой является то, что государство должно подчиняться международным обязательствам ... даже если конкретное действие является законным по местному законодательству, оно может, тем не менее, составлять нарушение международного обязательства соответствующего государства» [15, с. 9].

Итак, инвестиционная деятельность является разновидностью предпринимательской и иной экономической деятельности, в силу чего споры, возникающие в связи с ее осуществлением, относятся к компетенции государственных арбитражных судов.

Инвестиционная деятельность может носить как частноправовой, так и публично-правовой характер, что является основным критерием разграничения споров, возникающих из нее, на арбитрабельные и неарбитрабельные. По общему правилу, только частноправовые конфликты могут быть переданы на рассмотрение третейского суда (арбитража). Публично-правовые конфликты допускают исключительно государственный, судебный способ защиты.

Инвестиционные правоотношения также могут быть «внутренними» и «внешними». «Внешние» инвестиционные соглашения заключаются либо с участием иностранных физических и юридических лиц, лиц без гражданства, проживающих за пределами Российской Федерации, международных организаций; либо с участием иностранных государств-инвесторов. Применимыми способами защиты в этом случае являются как государственно-правовой (в форме арбитражного судопроизводства), так и негосударственный, в форме арбитража (третейского разбирательства). Арбитражное (третейское) соглашение в этом случае представляет собой международное соглашение, по которому наше государство передает часть своих суверенных полномочий, и подлежит ратификации. Вплоть до его ратификации все споры подлежат российской судебной юрисдикции.

Отдельного внимания заслуживает то, что далеко не все споры, возникающие в сфере осуществления инвестиционной деятельности с «иностранным элементом» могут быть переданы в инвестиционный арбитраж. Установленные специальным законом меры государственной и муниципальной поддержки инвесторов реализуются в рамках осуществления ими властных, административных полномочий, а потому споры, из них возникающие, не могут быть предметом третейского разбирательства.

Рассмотрение международного инвестиционного спора в арбитраже может повлечь привлечение к ответственности государства, причем деятельность региональных и местных властей традиционно рассматривается арбитрами как деятельность самого государства. В этой связи следует высоко оценить новеллу о том, что правом представлять Российскую Федерацию в иностранных судах наделяется Генеральная прокуратура Российской Федерации. В то же время представляется необходимым более детально проработать вопрос о гарантиях реализации данной новеллы и внести соответствующие изменения в законодательство. В предшествующих публикациях о международном инвестиционном арбитраже данный вопрос не поднимался.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Альхименко В. В., Салищева Н. Г., Гришковец А. А. Публичный интерес в административном праве // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2011. — № 4. — С. 98—129.
2. Ануров В. Н. Компетенция третейского суда : монография : в 3 т. — Москва : Проспект, 2022. — Т. 2: Инвестиционные споры. — 350 с.
3. Бурова Е. С. Встречные иски в спорах между иностранными инвесторами и государствами: в поисках баланса в инвестиционном арбитраже // Вестник международного коммерческого арбитража. — 2017. — № 1. — С. 209—222.
4. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса / под ред. В. А. Томсинова. — Москва : Зерцало, 2003. — 464 с.
5. Гертцфельд Дж. М. О некоторых основополагающих вопросах, рассматриваемых в ходе арбитражей по двусторонним инвестиционным договорам // Вестник международного коммерческого арбитража. — 2007. — № 4. — С. 29—47.
6. Голубцов В. Г. Институт публичной собственности в современном гражданском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2010. — Вып. 2 (8). — С. 106—112.
7. Дуглас З., Климов Я. Ю. Инвестиционный арбитраж с участием государств // Вестник международного коммерческого арбитража. — 2005. — № 4. — С. 78—112.
8. Канг Тайвук. Основные концепции для понимания международного инвестиционного арбитража: инвестиционное соглашение и инвестиция // Аграрное и земельное право. — 2019. — № 3 (171). — С. 92—98.
9. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. — 430 с.
10. Курочкин С. А. Подведомственность дел третейским судам // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. — 2003. — № 2. — С. 322—331.
11. Михайлова Е. В. Способы и формы разрешения межгосударственных споров // Государство и право. — 2023. — № 3. — С. 128—137. — DOI: https://doi.org/10.31857/S102694520024819-1.

12. Павлов Е. Я. Конституционно-правовой механизм осуществления внешних сношений РФ (теоретические основы) // Вестник МГИМО Университета. — 2012. — № 2 (23). — С. 156—162.

13. Садриева Р. Р. К вопросу о сущности государства как субъекта гражданского права // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 5 (54). — С. 69—74.

14. Тити К. Арбитр как нормотворец: правотворческий процесс в инвестиционном арбитраже // Международное правосудие. — 2015. — № 2 (14). — С. 85—99.

15. Хобер К. Ответственность государства и инвестиционный арбитраж // Вестник Международного коммерческого арбитража. — 2007. — № 3. — С. 7—30.

REFERENCES

1. Alkhimenko V. V., Salishcheva N. G., Grishkovets A. A. Public interest in administrative law. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2011, no. 4, pp. 98—129. (In Russian).

2. Anurov V. N. *Kompetentsiya treteiskogo suda* [Competence of the arbitration court]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. Vol. 2. 350 p.

3. Burova E. S. Counterclaims in disputes between foreign investors and states: in search of a balance in investment arbitration. *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha = International Commercial Arbitration Review*, 2017, no. 1, pp. 209—222. (In Russian).

4. Vaskovsky E. V.; Tomsinov V. A. (ed.). *Uchebnik grazhdanskogo protsessa* [Textbook of civil procedure]. Moscow, Zertsalo Publ., 2003. 464 p.

5. Gertzfeld J. M. On some fundamental issues considered in the course of arbitrations under bilateral investment treaties. *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha = International Commercial Arbitration Review*, 2007, no. 4, pp. 29—47. (In Russian).

6. Golubtsov V. G. The institute of public property in contemporary Civil Law. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2010, iss. 2 (8), pp. 106—112. (In Russian).

7. Douglas Z., Klimov Ya. Yu. Investment Arbitration with the Participation of States. *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha = International Commercial Arbitration Review*, 2005, No. 4, Pp. 78—112. (In Russian).

8. Kang Taewook. Basic Concepts for Understanding International Investment Arbitration: Investment Agreement and Investment. *Agrarnoe i zemelnoe pravo = Agrarian and Land Law*, 2019, no. 3 (171), pp. 92—98. (In Russian).

9. Korkunov N. M. *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. Saint Petersburg, Yuridicheskii Centr Press, 2003. 430 p.

10. Kurochkin S. A. Jurisdiction of cases to arbitration courts. *Rossiiskii ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessa = Russia's year book of CIVIL and arbitration procedure*, 2003, no. 2, pp. 322—331. (In Russian).

11. Mikhailova E. V. Methods and forms of resolution of interstate disputes. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2023, no. 3, pp. 128—137. (In Russian). DOI: https://doi.org/10.31857/S102694520024819-1.

12. Pavlov E. Y. The Constitutional Legal Mechanism of the Russian Federation Foreign Affairs (Theoretical Framework). *Vestnik MGIMO Universiteta = MGIMO Review of International Relations,* 2012, no. 2 (23), pp. 156—162. (In Russian).

13. Sadrieva R. R. On the issue of nature of the state as a subject of civil law. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2015, no. 5 (54), pp. 69—74. (In Russian).

14. Titi K. The Arbitrator as a Lawmaker: Jurisgenerative Processes in Investment Arbitration. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2015, no. 2 (14), pp. 85—99. (In Russian).

15. Hober K. State Responsibility and Investment Arbitration. *Vestnik Mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha = International Commercial Arbitration Review*, 2007, no. 3, pp. 7—30. (In Russian).

СВЕДЕНИИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Екатерина Владимировна (Москва) — доктор юридических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего сектором процессуального права Института государства и права РАН, главный научный сотрудник (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10, e-mail: e.v.mihailova@bk.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailova, Ekaterina V. (Moscow) — Dr. Sci. (Law), Docent, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher (10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russia, e-mail: e.v.mihailova@bk.ru).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
CRIMINAL LAW SCIENCES

УДК 343.337(477)

О. И. Александрова
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Российская Федерация
ORCID: 0009-0005-6937-4507
ResearcherID: NWH-1509-2025

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА ПРОТИВ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ ПОСЛЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 2014 ГОДА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 51—58.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.5.51-58
Дата поступления 21.07.2025, дата принятия к печати 19.09.2025, дата онлайн-размещения 30.09.2025.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются преступные деяния киевского режима против мирных граждан Украины, населения Крыма, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, а также приграничных территорий Российской Федерации. Уделяется значительное внимание причинам государственного переворота 2014 г. Важное место в работе отводится становлению и развитию праворадикальных и националистических партий, а также их участию в формировании таких неонацистских вооруженных отрядов, как «Азов»[1], «Айдар»[2], «Кракен» и др. Именно они были включены в состав национальной гвардии Украины и совершают кровавые преступления против мирного населения Украины и приграничных территорий Российской Федерации. Целью данной статьи является анализ преступных деяний украинской армии против гражданского населения и выявление реакции на них отечественных и зарубежных экспертов и политологов. Методологическую основу работы составляют историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Делается вывод о том, что помощь Украине со стороны США и других стран Организации Североатлантического альянса (НАТО) новейшими вооружениями, разведывательными данными и советниками свидетельствует об их непосредственном участии в совершении кровавых преступлений.

[1] Украинское военизированное националистическое объединение «Азов» (другие используемые наименования: батальон «Азов», полк «Азов») признано террористической организацией по решению Верховного Суда Российской Федерации от 2 августа 2022 г. № АКПИ22-411С (вступило в силу 10 сентября 2022 г.) и внесено в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (Федеральная служба безопасности Российской Федерации : [офиц. сайт]. URL: http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm (дата обращения: 12.06.2025).

[2] Террористическое сообщество «Айдар» признано террористической организацией по решению Южного окружного военного суда Российской Федерации от 25 сентября 2023 г. № 1-247/2023 (вступило в силу 22 ноября 2023 г.) и внесено в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (URL: http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Россия, Украина, государственный переворот 2014 года на Украине, преступления, Крым, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, приграничные территории.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Александрова О. И. Преступления киевского режима против гражданского населения Украины после государственного переворота 2014 года // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 51—58. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.5.51-58.

UDC 343.337(477)

O. I. Alexandrova
All-Russian State University of Justice,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0009-0005-6937-4507
ResearcherID: NWH-1509-2025

CRIMES OF THE KIEV REGIME AGAINST THE CIVILIAN POPULATION OF UKRAINE AFTER THE 2014 COUP D'ETAT

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 3, pp. 51—58.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.5.51-58
Received 21.07.2025, accepted 19.09.2025, available online 30.09.2025.

ABSTRACT The article examines the criminal acts of the Kiev regime against peaceful citizens of Ukraine, the population of Crimea, the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic, the Zaporizhia and Kherson regions, as well as the border territories of the Russian Federation. Considerable attention is paid to the causes of the 2014 coup d'etat. An important place in the work is given to the formation and development of right-wing radical and nationalist parties, as well as their participation in the formation of such neo-Nazi armed groups as Azov, Aidar, Kraken, etc. They were the ones who were included in the National Guard of Ukraine and commit bloody crimes against the civilian population of Ukraine and the border territories of the Russian Federation. The purpose of this article is to analyze the criminal acts of the Ukrainian army against the civilian population and identify the reactions of domestic and foreign experts and political scientists to them. The methodological basis of the work consists of historical-legal and comparative-legal methods. It is concluded that the assistance to Ukraine from the United States and other countries of the North Atlantic Alliance (NATO) with the latest weapons, intelligence data and advisers indicates their direct participation in the commission of bloody crimes.

KEYWORDS Russia, Ukraine, 2014 Ukraine coup d'etat, crimes, Crimea, Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, border territories.

FOR CITATION Alexandrova O. I. Crimes of the Kiev Regime Against the Civilian Population of Ukraine After the 2014 Coup D'etat. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 3, pp. 51—58. (In Russian). DOI: 110.21639/2313-6715.2025.3.5.51-58.

Введение

Провозглашение в 1991 г. независимости Украины способствовало не только началу периода становления национальной государственности, но и развитию националистических партий.

Важно отметить, что значительная часть населения Западной Украины сохранила воспоминания о борьбе бандеровских вооруженных отрядов против советских органов власти. Данные обстоятельства привели к возрождению на Украине националистических партий и организаций. Да и первые президенты Украины — Л. М. Кравчук, Л. Д. Кучма и В. А. Ющенко не препятствовали этому. Более того, Л. М. Кравчук признавался, что, будучи подростком, передавал находившимся в подполье бандеровцам продукты и медикаменты. В. А. Ющенко, в свою очередь, приравнял Бандеру и Шухевича к участникам Великой Отечественной войны, а затем присвоил им звание героев Украины.

К сожалению, советское руководство не смогло в послевоенное время искоренить развитие подобных крайне националистических тенденций. Это способствовало бандеризации и нацификации Украины, которые начались после распада СССР.

1. Причины государственного переворота 2014 г. на Украине

21 ноября 2013 г. после приостановки процесса подготовки к подписанию соглашения об ассоциации с Европейским союзом на Украине был организован так называемый Евромайдан. Вместе с представителями партий «Наша Украина» и «Удар» в нем активно участвовали националистические партии и организации.

В декабре 2013 — феврале 2014 г. в Киеве был создан «Правый сектор»[3], объединивший такие националистические партии и организации как «Тризуб»[4], УНА-УНСО[5], «Свобода», «Патриот Украины», «Самооборона Майдана» и др. 21 июля 2015 г. на всеукраинском съезде он был преобразован в партию Национально-освободительное движение «Правый сектор» [6, 10, 11].

Руководителям националистических партий оказывали большую поддержку следующие западные политики: Верховный представитель Евросюза по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон, заместитель госсекретаря США В. Нуланд, сенатор США Дж. Маккейн, министр иностранных дел Польши Р. Сикорский и др. Критикуя президента Украины В. Януковича за якобы чрезмерное применение силы в отношении лиц, штурмовавших здания Администрации президента и Кабинета министров Украины, они достоверно знали, что полицейских и участников выступлений расстреливали организаторы Евромайдана [3].

Как отмечает французский политолог К. Моро, В. Янукович отказался «от своей предвыборной программы по сближению с Россией и приданию русскому языку официального статуса и начал подготовку соглашения об ассоциации с Евросоюзом» [9, с. 63]. В то же время отказ в декабре 2013 г. подписать Соглашение об ассоциации с Евросоюзом не помог В. Януковичу, так как он уже полностью потерял поддержку политических элит Украины.

22 февраля 2014 г. при активном участии США и других западных государств на Украине был совершен государственный переворот. Исполняющим обязанности президента в нарушение Конституции Украины был утвержден спикер Верховной Рады А. В. Турчинов. По мнению бывшего премьер-министра Украины Н. Я. Азарова, «Майдан был прямой диверсией против народа Украины организаторов

---

[3] Украинское военизированное объединение «Национально-освободительное движение «Правый сектор» и его структурные подразделения — организация «Правая Молодежь» и объединение «Добровольческий Украинский Корпус «Правый Сектор» (другое используемое наименование: ДУК ПС) признано террористической организацией по решению Верховного Суда Российской Федерации от 23 января 2025 г. № АКПИ24-1079с (вступило в силу 1 марта 2025 г.) и внесено в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (URL: http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm).

[4] Украинская организация «Тризуб им. Степана Бандеры» признана экстремистской организацией согласно решению Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2014 г. и внесена в Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (Министерство юстиции Российской Федерации : [офиц. сайт]. URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/ (дата обращения: 12.06.2025).

[5] Украинская организация «Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона» (УНА — УНСО) признана экстремистской организацией согласно решению Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2014 г. и внесена в Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/).

переворота, олигархов и их зарубежных покровителей» [1, с. 478]. Избранный президентом в мае 2014 г. П. А. Порошенко не выполнял Минские соглашения по урегулированию положения на Донбассе, в подготовке которых участвовали лидеры Германии, Франции и России. Он повсеместно заявлял, что политика Украины соответствует европейским ценностям и нормам международного права. В то же время не были расследованы такие тяжкие преступления, как расстрел участников майдана, сожжение 48 жителей Одессы, убийство писателя О. А. Бузины и других государственных и общественных деятелей, совершенные боевиками националистических организаций [6, 10, 11].

13 ноября 2014 г. П. А. Порошенко на Одесском телевидении, пытаясь запугать жителей Донецкой и Луганской народных республик, указывал: «У нас будет забота о народе, пенсионерах, детях — у них нет. Наши дети пойдут в школы и детские сады — их дети будут сидеть в подвалах. Они ничего не умеют. И так, именно так мы выиграем эту войну»[6].

В этот период формировались так называемые добровольческие отряды, которые входили затем в состав Национальной гвардии Украины в качестве территориальных батальонов. Они участвовали в боевых действиях на Донбассе, применяя методы ведения карательных операций, которые широко использовались в период Великой Отечественной войны подразделениями фашистской армии и бандеровскими отрядами. К ним относятся прежде всего батальоны «Азов», «Донбасс»[7], «Айдар», «Шахтерск», «Днепр»[8], «Кракен», Добровольческий украинский корпус «Правого сектора», Добровольческий батальон УНСО и др. [3].

К основным причинам государственного переворота 2014 г. на Украине следует отнести: недальновидную политику украинского руководства в отношении националистических партий и движений; отказ от диалога и взаимовыгодного сотрудничества с Россией; принятие стремления США и западных стран, направленного на ее политическое и экономическое подчинение.

2. Преступления киевского режима против украинских мирных граждан и населения приграничных территорий Российской Федерации

Националистические партии и организации Украины добились провозглашения политики русофобии и ненависти ко всему русскому. По их инициативе были приняты законодательные акты, за нарушение которых устанавливались довольно высокие штрафы и суровые наказания. Так, 9 апреля 2015 г. был утвержден закон Украины № 317-VIII о декоммунизации («Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрете пропаганды их символики»). В декабре 2016 г. П. А. Порошенко подписал закон «О внесении изменений в некоторые законы об ограничении доступа на украинский рынок иностранной печатной продукции антиукраинского содержания», по которому запрещались поставки книжной продукции из России, в результате чего пострадали русскоязычные граждане Украины, а в июне 2017 г. был введен в действие закон о георгиевской ленточке, который запрещал ее производство и ношение.

В июле 2017 г. в Гамбурге на пресс-конференции, подводя итоги саммита G 20, Президент России В. В. Путин указывал, что интересы народов России и Украины совпадают, а «не совпадают, может быть, интересы сегодняшнего руководства Украины и некоторых политических кругов сегодняшней

[6] Обращение Порошенко к гражданам на Одесском телевидении 13 ноября 2014 г. URL.: https://infozapad.ru/?p=3498 (дата обращения: 24.09.2023).

[7] Террористическое сообщество 46-й отдельный штурмовой батальон «Донбасс» Вооруженных сил Украины, созданное на базе батальона территориальной обороны «Донбасс» Национальной гвардии Украины признано террористической организацией по решению Южного окружного военного суда Российской Федерации от 22 октября 2024 г. (вступило в силу 21 ноября 2024 г.); Террористическое сообщество 2-ой батальон специального назначения «Донбасс» 15-го отдельного Славянского полка Национальной гвардии Украины (войсковая часть 3035) признано террористической организацией по решению Южного окружного военного суда Российской Федерации от 18 декабря 2024 г. (вступило в силу 30 января 2025 г.). Указанные организации внесены в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (URL: http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm).

[8] Террористическое сообщество «Днепр-1» (батальон «Днепр-1», полк «Днепр-1») признано террористической организацией по решению Южного окружного военного суда Российской Федерации от 14 декабря 2023 г. (вступило в силу 25 июня 2024 г.) и внесено в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (URL: http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm).

Украины». Именно они широко применяют русофобию и «политику разделения России и Украины, растаскивания двух народов и двух государств» [1, с. 1—2].

Неоднократные попытки России найти политическое решение возникшего конфликта не достигли положительного результата. Российская Федерация, выступившая в качестве гаранта Минских соглашений, предлагала урегулировать противостояние и возвратить ДНР и ЛНР под юрисдикцию Украины при взаимном соблюдении договоренностей о предоставлении самопровозглашенным республикам автономии и других полномочий. Однако, Украина не исполняла многие договоры и соглашения, заключенные с Российской Федерацией в период с 1992 по 2021 год. Она использовала Минские соглашения как ширму для их затягивания, чтобы перевооружить свою армию западным оружием и приступить к захвату этих республик. Более того, украинское руководство заявило о намерении получить ядерное оружие и вступить в НАТО, а также начало проводить провокации на границах двух стран. США и западные государства поставляли Украине новейшие виды вооружений, включая кассетное оружие, применение которого запрещено международными конвенциями против гражданского населения. Тем не менее киевский режим его широко применял, причиняя убийства и тяжелые ранения мирным гражданам [2].

Вооруженное противостояние на Донбассе, развязанное украинским руководством при поддержке США и западных стран привело, как указывает Председатель Следственного комитета России А. И. Бастрыкин, «к чудовищным последствиям: по материалам уголовных дел Следственного комитета России, с 2014 года в результате преступных действий украинской стороны погибли более 6 тыс. мирных жителей, ранения различной степени тяжести получили 13,5 тыс. человек» [5, с. 93].

Военные преступления украинской армии против гражданского населения Украины и приграничных областей Российской Федерации следует отнести к серьезным нарушениям законов и обычаев ведения войны: убийства; истязания; захват заложников; изнасилования; нанесение тяжких телесных повреждений; мародерство; грабежи; предумышленное разрушение населенных пунктов, не оправданное военной необходимостью; нападения на предприятия, содержащие опасное оборудование (атомные электростанции, плотины, гидроузлы и др.). Такие преступления совершали прежде всего неонацистские формирования «Азов», «Айдар», «Кракен» и др.

В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации указывал, что одной из бригад украинской армии недавно «присвоили наименование "Эдельвейс"», как гитлеровской дивизии, которая участвовала в депортации евреев, казнях военнопленных, в карательных операциях против партизан Югославии, Италии, Чехословакии и Греции»[9]. Кроме того, «у ВСУ и нацгвардии Украины особой популярностью пользуются, — подчеркивает он, — шевроны Das Reich, «Мертвая голова», «Галичина», других эсэсовских частей, у которых тоже руки по локоть в крови»[10].

Как отмечает А. И. Бастрыкин, «следователями и криминалистами СК России установлена причастность к преступлениям против мира и безопасности человечества 349 лиц из числа представителей высшего командования Вооруженных сил Украины, а также командиров воинских подразделений, отдававших приказы об обстрелах мирного населения. Допрошено более 240 тыс. человек, признано потерпевшими свыше 114 тыс. лиц, в том числе более 16 тыс. несовершеннолетних» [4, с. 6—7].

Таким образом, неонацистский, террористический характер киевского режима, отказавшегося от соблюдения Минских соглашений и готовившего вооруженный захват Донецкой и Луганской народных республик, а также Крыма и явился причиной начала проведения в феврале 2022 г. Россией специальной военной операции на Украине.

Президент РФ В. Путин в обращении от 24 февраля 2022 г. подчеркнул, что «в соответствии со статьей 51 части 7 Устава ООН, с санкции Совета Федерации России и во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием 22 февраля сего года договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой мною принято решение о проведении специальной военной операции»[11]. Он указал, что главной целью этой операции является защита «людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима», и подчеркнул, что Россия будет «стремиться к

[9] Послание Президента Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г. // Президент России : [офиц. сайт]. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/70565 (дата обращения: 02.06.2024).

[10] Там же.

[11] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843 (дата обращения: 28.06.2025).

демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации»[12].

Президент РФ справедливо отмечал, что специальная военная операция не связана «с желанием ущемить интересы Украины и украинского народа», а с необходимостью защиты «самой России от тех, кто взял Украину в заложники и пытается использовать ее против нашей страны и ее народа» [4].

После провала летом 2023 г. так называемого контрнаступления украинской армии от некоторых зарубежных стран стали поступать предложения о необходимости проведения переговоров России с Украиной. Однако при решении этого вопроса важно учитывать печальный опыт Минских соглашений 2015 г. и Стамбульских договоренностей 2022 г., когда украинское руководство и их западные покровители просто нагло обманули Россию, используя переговоры для передышки и подготовки резервов, а затем последующей эскалации конфликта [2].

Украинские войска постоянно совершали кровавые преступления против человечности, осуждаемые в статье 7 Римского статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. Многочисленные примеры ракетных ударов по гражданскому населению свидетельствуют об этом. Так, 30 декабря 2023 г. был нанесен удар по Белгороду двумя ракетами «Ольха» в запрещенном кассетном снаряжении и реактивными снарядами залпового огня Vampire чешского производства, в результате чего погибло 24 человека, включая троих детей, ранено свыше 110 человек. 23 июня 2024 г. по городскому пляжу Севастополя был нанесен удар пятью американскими оперативно-тактическими ракетами ATACMS, снаряженными кассетными боевыми частями, что привело к гибели 4 человек, включая двоих детей, ранения и травмы получили 153 человека, в том числе 27 детей.

31 мая 2025 г. Украинские неонацисты совершили террористический акт на территории Брянской области. Они подорвали мост и железную дорогу, по которой следовал пассажирский поезд в Москву. В результате данного теракта погибло 7 человек, 96 получили ранения и травмы, включая 4 детей [7, с. 11]. Приведенные примеры отражают лишь незначительную часть кровавых преступлений киевского неонацистского режима против гражданского населения.

Важно отметить, что российская и международная общественность отреагировала на кровавые преступления киевских неонацистов против мирных граждан Украины и приграничных территорий Российской Федерации. 1 марта 2022 г. на международной конференции в Общественной палате РФ был учрежден Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов и их пособников. Инициаторами его создания стали российские и зарубежные правозащитники, юристы и журналисты. В его состав вошли представители более 30 государств мира (Австралии, Аргентины, Германии, Израиля, Индии, Испании, Италии, Канады, США, Сербии и др.). Международный общественный трибунал провозгласил главной своей задачей сбор свидетельств о преступлениях киевского режима и представления этой информации на российских и международных форумах. Данный проект получил поддержку Общественной палаты РФ и уже содержит 6 материалов о преступных деяниях украинских неонацистов: «от массовых расстрелов мирных жителей в Селидово до преступлений на Донбассе, а также публикации о преступлениях в Курской области и Угледаре»[13].

Заключение

Таким образом, после распада СССР и провозглашения независимости Украины начала возрождаться нацистская идеология, проводится политика русофобии и ненависти к России и ко всему русскому. Это в конечном итоге привело к гражданской войне на Донбассе после государственного переворота в 2014 г. В такой ситуации на Украине возникли условия для восстановления методов нацистских преступлений при активной поддержке и помощи со стороны США и западных стран.

Отказ киевского режима от выполнения Минских соглашений 2015 г., а их западных спонсоров от разработки системы неделимой безопасности в Европе в декабре 2021 г. привел к тому, что Россия в феврале 2022 г. вынуждена была начать проведение специальной военной операции на Украине. Целенаправленное уничтожение гражданского населения в Крыму, ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях, в приграничных с Украиной областях

[12] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843.

[13] Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов и их пособников. URL: https://www.oprf/ru/detail_project/36 (дата обращения: 27.06.2025).

РФ (Белгородской, Брянской, Курской и др.) потребовало от России усиления мер по его защите от украинских неонацистов и стран НАТО, поставляющих огромное количество оружия и боеприпасов, инструкторов и наемников. Они фактически стали не только вдохновителями, но и непосредственными его организаторами и участниками.

14 июня 2024 г. В. Путин на встрече с руководством МИД РФ и в последующих выступлениях назвал несколько новых условий России для начала проведения переговоров с Украиной: 1) признание российскими территориями Крыма, Севастополя, ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей; 2) Украина должна полностью вывести свои войска с территории Донецкой и Луганской Народных Республик; 3) должны быть осуществлены демилитаризация и денацификация Украины; 4) необходимо в полной мере обеспечить права, свободы и интересы русскоязычных граждан Украины; 5) Украина должна обрести внеблоковый и нейтральный статус, исключив присоединение к блоку НАТО и другим военно-политическим организациям; 6) безусловно должен быть реализован безъядерный статус Украины и отказ от размещения на ее территории ядерного оружия других стран; 7) должны быть отменены все санкции, введенные Западом против России[14]. Однако предложения президента России были сразу отвергнуты Украиной, США и западноевропейскими государствами.

Тем не менее сохраняется надежда, что в условиях устанавливающегося многополярного мира большинство стран осознают бесперспективность политики США и других стран НАТО, направленной на уничтожение России руками украинского режима. И тогда преступления нацистского режима Зеленского и его окружения должны быть осуждены независимым международным трибуналом за геноцид украинского народа и целенаправленное уничтожение гражданского населения приграничных российских территорий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азаров Н. Я. Украина на перепутье. Записки премьер-министра. — Москва : Вече, 2015. — 512 с.

2. Александрова О. И., Бабенко В. Н. Международно-правовые основы проведения Россией специальной военной операции на Украине // Вестник Российской правовой академии. — 2024. — № 2. — С. 10—19. — DOI: https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-10-19.

3. Бабенко В. Н. Правый радикализм в государственной политике современной Украины // Правый радикализм в Восточной Европе : сб. науч. тр. — Москва : ИНИОН РАН, 2018. — 220 с.

4. Бастрыкин А. И. Геноцид советского народа со стороны нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: историческое осмысление и судебная практика // Правда и закон. — 2023. — № 1 (23). — С. 3—9.

5. Бастрыкин А. И. Дело, которому мы служим. Правовая защита национальных интересов Российской Федерации в условиях трансформации миропорядка : сб. ст. — Москва, 2024. — 240 с.

6. Братчик А. С., Курылев К. П. Процесс формирования антироссийской политики на Украине: история и современность // Постсоветские исследования. — 2022. — Т. 5, № 5. — С. 450—463. — DOI: 10.24412/2618-7426-2022-5-450-463.

7. Вяткин Я. Карфаген должен быть разрушен // Аргументы недели. — 2025. — 3 июня (№ 22).

8. Кикнадзе В. Г. Украинский национализм: от истоков до денацификации в ходе специальной военной операции Российской армии // Наука. Общество. Оборона. — 2022. — Т. 10, № 3 (32). — С. 17—17. — DOI: 10.24412/2311-1763-2022-3-17-17.

9. Моро К. Украина: В чем ошиблась Франция? / пер. с фр. А. Л. Астаниной, Е. А. Беляевой. — Москва : Фонд исторической перспективы, 2016. — 159 с.

10. Стрелецкий Я. И. Специальная военная операция России на Украине: идеологический аспект // Военный академический журнал. — 2022. — № 4 (36). — С. 143—148.

11. Шамаров В. М., Шамаров П. В. Суверенная государственность как особый вид государственности в условиях специальной военной операции России на Украине // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 64—72.

REFERENCES

1. Azarov N. Ya. *Ukraina na perepute. Zapiski premer-ministra* [Ukraine is at a Crossroads. Notes of the Prime Minister]. Moscow, Veche Publ., 2015. 512 p.

[14] Путин назвал важное условие для переговоров по Украине // РИА—Новости. 2024. 14 июня. URL: https://ria.ru/20240614/putin-1952871788.html (дата обращения: 28.06.2024).

2. Alexandrova O. I., Babenko V. N. International Legal Bases of Russia's Special Military Operation in Ukraine. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii = Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 2, pp. 10—19. (In Russian). https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-10-19.

3. Babenko V. N. Radical right in state politics of modern Ukraine. *Pravyi radikalizm v Vostochnoi Evrope* [Right-wing Radicalism in Eastern Europe]. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences Publ., 2018. 220 p. (In Russian).

4. Bastrykin A. I. The genocide of the Soviet people by the Nazis and their accomplices during the Great Patriotic War of 1941—1945: historical reflection and judicial practice. *Pravda i zakon = Truth and law*, 2023, no. 1 (23), pp. 3—9. (In Russian).

5. Bastrykin A. I. *Delo, kotoromu my sluzhim. Pravovaya zashchita natsionalnykh interesov Rossiiskoi Federatsii v usloviya transformatsii miroporyadka* [The Cause We Serve. Legal Protection of the Russian Federation National Interests in the Context of the World Order Transformation]. Moscow, 2024. 240 p.

6. Bratchik A. S., Kurylev K. P. The process of forming an anti-Russian policy in Ukraine: history and modernity. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*, 2022, vol. 5, no. 5, pp. 450—463. (In Russian). DOI: 10.24412/2618-7426-2022-5-450-463.

7. Vyatkin Ya. Carthage must be destroyed. *Argumenty nedeli = Arguments of the Week*, 2025, no. 22. (In Russian).

8. Kiknadze V. G. Ukrainian nationalism: from origins to denazification during a Special Military Operation of the Russian army. *Nauka. Obsestvo. Oborona = Science. Society. Defense*, 2022, vol. 10, no. 3, pp. 17—17. (In Russian). DOI: 10.24412/2311-1763-2022-3-17-17.

9. Moreau X. *Ukraine: pourquoi la France śest trompée.* Monaco, Editions du Rocher, 2015. 185 s. (Russ. ed.: Moro K.; Astanina A. L., Belyaeva E. A. (eds). *Ukraina: V chem oshiblas Frantsiya?* Moscow, Historical Perspective Foundation Publ., 2016. 159 p.).

10. Streletsky Ya. I. Special military operation of Russia in Ukraine: Axiological aspect. *Voennyi akademicheskii zhurnal = Military Academic Journal*, 2022, no. 4 (36), pp. 143—148. (In Russian).

11. Shamarov V. M., Shamarov P. V. Sovereign statehood as a special type of statehood in the conditions of Russia's special military operation in Ukraine. *Voennoe pravo = Military Law*, 2023, no. 1 (77), pp. 64—72. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Александрова Ольга Ивановна (Москва) — кандидат юридических наук, доцент, ректор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Заслуженный юрист Российской Федерации (117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, e-mail: rpa@rpa-mjust.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandrova, Olga I. (Moscow) — Cand. Sci. (Law), Docent, Rector, All-Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation (2/1 Azovskaya St., Moscow, 117638, Russia, e-mail: rpa@rpa-mjust.ru).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
CRIMINAL LAW SCIENCES

УДК 343.915

И. В. Пантюхина
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-8901-2910
ResearcherID: MIT-2800-2025

Е. Ю. Кольцова
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7883-8557
ResearcherID: MHQ-1651-2025

О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, ДОСТИГШИХ ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 59—68.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.6.59-68
Дата поступления 11.03.2025, дата принятия к печати 19.09.2025, дата онлайн-размещения 30.09.2025.

АННОТАЦИЯ

Уголовная ответственность несовершеннолетних дифференцирована по двум возрастным категориям. В части 2 статьи 20 УК РФ установлен перечень преступлений с пониженным возрастом субъектов до 14 лет. Такой возраст субъекта и сам перечень деяний, за совершение которых он установлен, являются дискуссионными. Ранней социализацией современных подростков, пониманием ими очевидных запретов, ростом совершения тяжких преступлений лицами, не достигшими 14 лет, некоторые исследователи обосновывают необходимость снижения возраста уголовной ответственности. Другие настаивают на сохранении минимального возраста, аргументируя его оптимальность. Такая дифференциация возрастных критериев уголовной ответственности несовершеннолетних является достаточно устоявшейся. Все составы, включенные в перечень преступлений, предусматривающих ответственность по достижении 14 лет, являются умышленными. К этому возрасту лицо достигает уровня психического развития, позволяющего осознавать характер и общественную опасность своего поведения и руководить им. Однако ряд преступлений, указанного перечня содержит такие квалифицирующие признаки, которые лицо способно осознавать лишь по достижении 16 лет (неосторожные последствия, самостоятельные умышленные преступления и некоторые другие). Кроме того, посягая на ровесника или более старшего несовершеннолетнего четырнадцати-пятнадцатилетний подросток воспринимает его равным себе или более взрослым. Законодатель не учел таких обстоятельств в установленном перечне, в силу чего возрастная дифференциация несовершеннолетних субъектов преступлений представляется незавершенной. Поэтому авторы предлагают ее завершение посредством

дополнения перечня соответствующих преступлений указанием на исключение из него таких квалифицированных составов преступлений, признаки которых в полном объеме способны осознавать лишь лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Субъект преступления, уголовная ответственность, возраст уголовной ответственности, четырнадцатилетний субъект преступления, дифференциация возраста ответственности, неосторожные последствия преступления, уровень психического развития, осознание общественной опасности, квалифицирующие признаки преступлений.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пантюхина И. В., Кольцова Е. Ю. О дифференциации уголовной ответственности лиц, достигших четырнадцатилетнего возраста // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 59—68. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.6.59-68.

UDC 343.915

I. V. Pantyukhina
Ryazan State University named for S. A. Yesenin,
Ryazan, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8901-2910
ResearcherID: MIT-2800-2025
E. Yu. Koltsova
Ryazan State University named for S. A. Yesenin,
Ryazan, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7883-8557
ResearcherID: MHQ-1651-2025

ON DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY OF PERSONS WHO HAVE REACHED THE AGE OF FOURTEEN

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2025, no. 3, pp. 59—68.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.6.59-68
Received 11.03.2025, accepted 19.09.2025, available online 30.09.2025.

ABSTRACT

The criminal liability of minors is differentiated into two age categories. In part 2 of Article 20 of the Criminal Code of the Russian Federation, a list of crimes with a reduced age of subjects under 14 is established. This age of the subject and the very list of acts for which he is charged are debatable. Due to the early socialization of modern adolescents, their understanding of obvious prohibitions, and the increase in the commission of serious crimes by persons under the age of 14, some researchers justify the need to lower the age of criminal responsibility. Others insist on maintaining the minimum age, arguing that it is optimal. This differentiation of the age criteria for the criminal responsibility of minors is quite well-established. All the crimes included in the list of crimes involving responsibility upon reaching the age of 14 are intentional. By this age, a person reaches a level of mental development that allows them to recognize the nature and social danger of their behavior and lead them. However, a number of crimes in this list contain such qualifying features that a person is able to realize only after reaching the age of 16 (reckless consequences, independent intentional crimes, and some others). In addition, encroaching on a peer or an older minor, a fourteen- to fifteen-year-old teenager perceives him as an equal or more adult.

The legislator did not take into account such circumstances in the established list, which makes the age differentiation of juvenile subjects of crimes seem incomplete. Therefore, the authors propose its completion by supplementing the list of relevant crimes with an indication of the exclusion from it of such qualified crimes, the signs of which are fully capable of realizing only persons who have reached the age of sixteen.

KEYWORDS

Subject of crime, criminal responsibility, age of criminal responsibility, fourteen-year-old subject of a crime, differentiation of the age of responsibility, reckless consequences of a crime, the level of mental development, awareness of public danger, qualifying signs of crimes.

FOR CITATION

Pantyukhina I. V., Koltsova E. Yu. On Differentiation of Criminal Liability of Persons Who Have Reached the Age of Fourteen. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 3, pp. 59—68. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.6.59-68.

Возрастные границы уголовной ответственности несовершеннолетних являются достаточно традиционными и устоявшимися для российского законодательства. Вместе с тем они постоянно привлекают к себе внимание исследователей, свидетельством чему является широкий спектр публикаций, посвященных данному вопросу, поиску и выработке критериев дифференциации такого возраста в зависимости от вида совершенного преступления, обоснованию такой дифференциации, а также необходимости снижения возраста уголовной ответственность или аргументации его сохранения и другим вопросам.

Согласно общему правилу, уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 20 УК РФ). За ряд преступлений, перечень которых исчерпывающим образом представлен в ч. 2 ст. 20 УК РФ, уголовная ответственность наступает по достижении четырнадцати лет. Такие преступления содержатся в 32 статьях Особенной части УК РФ. Без учета квалифицированных составов преступлений, вытекающих из составленного законодателем списка, лицо, достигшее четырнадцати лет, может являться субъектом 30 составов преступлений и двух квалифицированных составов преступлений, основные составы которых предполагают его шестнадцатилетний возраст (ч. 2 ст. 167 и ч. 2 ст. 213 УК РФ).

Из положения, установленного в ч. 3 ст. 20 УК РФ, регламентирующего вопрос расхождения (несоответствия) достижения фактического возраста несовершеннолетнего с уровнем его психического развития, следует, что устанавливая указанные возрастные границы уголовной ответственности, в том числе пониженный возраст, законодатель руководствовался тем, что в процессе совершения соответствующих преступлений несовершеннолетний может в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими.

В учебной и научной литературе встречаются дополнения к приведенному объяснению границ установления минимального возраста уголовной ответственности. Например, их основанием указываются особенности физического и психического развития личности, проблемы социализации и осознания места и роли в обществе, категоризация преступлений и статистическая распространенность некоторых деяний среди несовершеннолетних [16]; достижением возраста, с которого лицо по уровню психофизического развития в состоянии действовать на основе здравого рассудка, осознавать общественно опасный характер своих действий и их последствий [13, с. 49]; презумпцией достижения к 14 годам достаточного уровня развития для осознания характера и запрещенности определенных действий [5, с. 92, 95]; наличием в этом возрасте достаточной способности к пониманию противоправности совершаемых поступков и достаточным уровнем развития личности для возможности регулирования своего поведения на основе указанного понимания [17, с. 45]; определённой социальной зрелостью человека, которая формируется к 14-15 годам [3, с. 210].

Несмотря на уже устоявшуюся позицию законодателя относительно возрастных гра-

ниц уголовной ответственности несовершеннолетних, в научных источниках встречаются разные оценки такой дифференциации.

Одни исследователи лишь отмечают, что «возрастные рамки ответственности не соответствуют преобладающим возросшим темпам развития социализации личности несовершеннолетних, криминологическим характеристикам преступности среди молодежи, факторам, обусловливающим снижение возраста наступления уголовной ответственности» [14, с. 105]. Другие констатируют, что «рост числа опасных деяний, совершаемых несовершеннолетними лицами (в частности — не достигшими возраста привлечения к уголовной ответственности), порождает всё большее количество дискуссий о необходимости ужесточения наказаний обозначенных лиц и снижения возраста привлечения к уголовной ответственности» [11, с. 47—49]. Третьи идут дальше и указывают на необходимость понижения возраста уголовной ответственности с его конкретизацией, а также с обозначением категорий или видов преступлений, по которым это необходимо сделать. Так, А. Просвирин, приводя несколько примеров совершения особо тяжких преступлений лицами, не достигшими 14 лет, считает возможным снижение ответственности за убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование — до 10 лет [12]. Д. Е. Ц. Тянь предлагает его снизить до 12 лет за совершение тяжких и особо тяжких преступлений [15, с. 108]; С. Ф. Милюков — до 12-13 лет за совершение убийства и деяний, предусмотренных ст. 209, 277, 281, 317 УК РФ [3, с. 207]; В. Г. Павлов — до 13 лет за убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, кражу, грабеж, разбой и квалифицированное хулиганство [9, с. 380]. Некоторые исследователи предлагают дифференцировать возраст по четырем категориям для лиц до 11 лет; от 11 до 14 лет; от 14 до 16 лет и от 16 до 18 лет [19, с. 100].

Обосновываются такие предложения, как правило, совокупностью нескольких различных аргументов, но один из них называется всеми авторами — рост числа тяжких и особо тяжких деяний, совершаемых лицами до достижения ими возраста уголовной ответственности.

Противники снижения возраста уголовной ответственности также выдвигают различные аргументы (психологические особенности малолетних, неумение применения знаний для адаптации к среде, отсутствие способности свободно реализовывать свою волю, недостаточную способность к прогнозированию и моделированию, слабую критичность мышления результатов своих действий, недостаточное осознание мотивов и целей деятельности и др.). Несмотря на их разносторонность и многообразие, дополним их таким важным фактором как осознанное использование совершеннолетними лиц, не достигших возраста ответственности, в совершении некоторых преступлений (например, в обороте наркотических средств и психотропных веществ, диверсиях, терактах и др.) как исполнителей (именно в силу того, что они не подлежат ответственности). Снижение возраста субъекта таких преступлений способно привести к омоложению лиц, используемых в таких деяниях, что не только не решит рассматриваемую проблему, но еще более усугубит ее.

Еще одним и, на наш взгляд, самым весомым аргументом является особенность физиологического развития малолетних — период их полового созревания, когда мощным фактором, воздействующим на их поведение, становятся половые гормоны. Иногда этот процесс сопровождается неосознанным протестом против изменений в организме и может приводить к нежелательным поведенческим реакциям. Он приходится на возраст с 12 до 18 лет и включает две фазы: негативную (12—15 лет) и позитивную (15—18 лет). Негативная характеризуется повышенной склонностью подростка к необычному и запрещенному. Поэтому еще в советский период отмечалось, что среди подростков 12—15 лет почти вдвое больше лиц с общественно опасным поведением, чем в возрасте 15—18 лет. При этом к более активному негативному поведению по отношению ко взрослым и сверстникам особенно склонны лица мужского пола [4, с. 67, 71—72].

Также будет уместным отметить, что попытки снизить возраст уголовной ответственности неоднократно предпринимались и на законодательном уровне, но они не увенчались успехом. К тому же они были подвергнуты справедливой критике со стороны представителей научного сообщества [2, с. 167—170].

Проанализировав различные позиции относительно снижения и сохранения возраста уголовной ответственности, согласимся с утверждением о том, «что 14-летний возраст является оптимальным для установления нижней границы наступления уголовной ответственности с учётом современных тенденций развития подростков» [3, с. 210].

Возвращаясь к перечню преступлений, за совершение которых установлена ответственность с четырнадцати лет, нельзя не отметить, что у части населения бытует ошибочное мнение о том, что по достижении 14 лет установлена ответственность только за тяжкие

и особо тяжкие преступления. Такое представление формируется в процессе изучения школьниками обществознания и подготовки к ОГЭ и ЕГЭ, поскольку в учебных материалах заявляется, что «за совершение наиболее опасных преступлений подросток может понести уголовное наказание, достигнув возраста 14 лет» [8, с. 175] или, что «за особо тяжкие преступления к уголовной ответственности можно привлечь подростка, достигшего возраста 14 лет» [6, с. 259]. Такие же утверждения, к сожалению, встречаются и в научных исследованиях [1, с. 117; 18, с. 347]. Однако перечень преступлений, установленный законодателем, позволяет констатировать иное. Из числа включенных в него деяний (без учета квалифицированных составов) одиннадцать относятся к категории небольшой и средней тяжести, что составляет чуть более трети от их общего числа.

Перечень преступлений, за совершение которых установлена ответственность с 14 лет, первоначально содержал 20 преступлений. С момента вступления УК РФ в силу он подвергся изменению лишь единожды, в частности, он был расширен посредством включения в него посягательств террористического характера[1]. При этом отмечается, что составы некоторых преступлений были включены в него без достаточных к тому оснований, нормы УК РФ не могут применяться в полном объеме, демонстрируют несогласованность с другими составами преступлений [10, с. 66—72]. Указанное позволяет констатировать, что дифференциацию преступлений, предусматривающих ответственность для несовершеннолетних, нельзя признать в полной мере завершенной. Удивляет тот факт, что исследователи также отмечают ее незавершенность, но при этом указывают на недостаточность перечня преступлений, за которые наступает ответственность с 14 лет, фактически не затрагивая другой аспект ее незавершенности. Наше утверждение о незавершенности дифференциации обусловлено следующими обстоятельствами.

Все преступления, включенные в УК РФ, являются умышленными, что представляется логичным и обоснованным. Лицо, достигшее 14-ти лет, в силу своего психического развития, недостаточного жизненного опыта вряд ли способно всегда предвидеть возможность наступления последствий своих действий (бездействия), рассчитывать на их предотвращение или быть настолько внимательным и предусмотрительным, чтобы их предвидеть и предотвратить эти последствия.

Большинство преступлений рассматриваемого перечня содержат квалифицирующие признаки, за исключением восьми преступлений (ч. 2 ст. 167 (установленное в ней деяние само является квалифицированным составом), ст. 205.3, 205.4, 205.5, 205.6, ч. 2 ст. 208, ч. 2 ст. 212, 277 УК РФ). Некоторые из таких признаков представляют собой общественно опасные последствия, причиняемые по неосторожности, часть из которых являются криминообразующими и положены законодателем в основу самостоятельных преступлений. Также в отдельных из них в качестве квалифицирующих признаков выступают деяния, образующие самостоятельные умышленные преступления (то есть по конструкции — это сложное деяние, образующее учтенную законодателем совокупность преступлений).

К первой разновидности указанных признаков следует отнести последствия, причиняемые по неосторожности:

— смерть потерпевшего: ч. 4 ст. 111, п. «в» ч. 3 ст. 126, п. «а» ч. 4 ст. 131 и 132, ч. 3 ст. 206, ч. 3 ст. 211, ч. 5-6 ст. 267 УК РФ (в качестве самостоятельного состава преступления причинение смерти по неосторожности установлено в ст. 109 УК РФ);

— тяжкий вред здоровью потерпевшего лица, заражение ВИЧ-инфекцией: п. «б» ч. 3 ст. 131 и 132 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности содержится в ст. 109 УК РФ, заражение ВИЧ-инфекцией — в ст. 122 УК РФ);

— легкий вред здоровью, средней тяжести и тяжкий: ч. 2, 3, 4 ст. 267 УК РФ соответственно (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности предусмотрено в ст. 118 УК РФ, другие категории вреда здоровью, причиняемого по неосторожности, криминообразующим признаком не являются);

— иные тяжкие последствия: п. «в» ч. 3 ст. 126, п. «б» ч. 3 ст. 131 и 132, ч. 3 ст. 206, ч. 3 ст. 211 УК РФ (криминообразующим признаком самостоятельных составов преступлений эти последствия не являются, поскольку представляют собой оценочное понятие. Применительно к некоторым преступлениям формы их выражения раскрывает Пленум Верховного Суда РФ. В частности, в половых преступлениях под ними предложено понимать

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : Федер. закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 28. Ст. 4559.

«самоубийство или попытку самоубийства потерпевшего лица, беременность потерпевшей и т. п.»[2]).

К этой же группе следует отнести и состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 167 УК РФ в части такой разновидности общественно опасного последствия преступления, как наступление по неосторожности смерти человека или иных тяжких последствий (такие последствия также являются квалифицирующим признаком, однако состава преступления, за который установлена ответственность с 16 лет, и только за квалифицированный состав возраст субъекта понижен до 14 лет).

Вторую группу признаков составляют следующие:

— соединение основного деяния с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью — п. «б» ч. 2 ст. 131 и 132 УК РФ (в качестве самостоятельного состава преступления регламентировано в ст. 119 УК РФ);

— заражение потерпевшего лица венерическим заболеванием — п. «в» ч. 2 ст. 131 и 132 УК РФ (самостоятельный состав установлен в ст. 121 УК РФ);

— сопряженность с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за исключением деяния, предусмотренного п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ — п. «в» ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ (любые преступления, указанной категории, которые образуют, как правило, некоторые квалифицированные составы преступлений против личности).

Все указанные самостоятельные преступления, которые использованы в качестве квалифицирующих признаков деяний, включенных в перечень, установленный ч. 2 ст. 20 УК РФ, предусматривают ответственность с шестнадцати лет. В результате при привлечении четырнадцатилетнего подростка к ответственности за любое их таких преступлений возникает логическое противоречие, которое проявляется в следующем. По замыслу законодателя, лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста не способно в полной мере понимать и осознавать общественной опасности своего неосторожного преступного поведения, а также наступивших общественно опасных последствий. Так же в силу своего психического развития оно не способно в полной мере оценить своих действий, образующих умышленные преступления, предусмотренные ст. 119, 121 УК РФ или другие посягательства на личность, например, предусмотренные ст. 110 УК РФ (доведение до самоубийства), ч. 2 ст. 117 УК РФ (квалифицированное истязание), ч. 2-3 ст. 127.1 УК РФ (квалифицированная торговля людьми) и др. Однако перечисляя преступления, за которые уголовной ответственности подлежат лица, достигшие 14-летнего возраста, законодатель не учитывает этих обстоятельств. В результате получается, что если неосторожные последствия наступают от совершения умышленного деяния, общественную опасность которого осознает четырнадцатилетний подросток, то он (как следует из закона) также начинает предвидеть (а значит — и осознавать) возможность наступления неосторожных последствий, тех, которых он неспособен ни осознавать, ни предвидеть при других обстоятельствах.

Нам представляется, что если способность осознания каких-либо признаков общественной опасности поведения лица, в том числе осознание и предвидение наступления от него негативных последствий, связывается с возрастным критерием несовершеннолетнего (интеллектуальным уровнем его развития), то какие-либо иные обстоятельства на способность осознания им своего поведения повлиять таким образом, что он их начнет понимать и осознавать в полной мере — не могут. Иными словами, мы убеждены, что если лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста, не способно понимать опасности своего поведения и руководить им, совершая неосторожные действия, приводящие к причинению смерти человека, то оно также не способно понимать, что, например, похищение человека или изнасилование повлекут по неосторожности смерть потерпевшего. Также, если лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста, не осознает в должной степени общественной опасности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, то вряд ли оно начинает ее осознавать, используя такие угрозы для подавления сопротивления потерпевшего при изнасиловании или насильственных действиях сексуального характера.

Использование дифференцированного подхода к установлению возрастных границ субъекта преступления, в основу которого положен уровень его психического (интеллектуального) развития, достаточного для понимания и осознания своего поведения должно быть последовательным и завершенным. Поэтому, если какие-либо обстоятельства

[2] О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 дек. 2014 г. № 16 // Российская газета. 2014. 12 дек.

осознаются лицом только с 16 лет, то они не должны вменяться лицу, не достигшему этого возраста. Значит, если обстоятельство, используемое в качестве квалифицирующего (в составе преступления, уголовная ответственность за которое установлена с 14 лет) осознается лицом с 16 лет (в том числе в рамках самостоятельного состава преступления), то оно не должно вменяться лицу, совершившему преступление в возрасте от 14 до 16 лет. При установлении такого правила ответственности несовершеннолетних дифференциация возраста их уголовной ответственности будет более завершенной (однако опять же не в полном объеме).

Для полной дифференциации ответственности несовершеннолетних следует также обратить внимание на некоторые другие квалифицирующие признаки преступлений, содержащиеся в перечне статей, установленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ. Так, в двух преступлениях (п. «б» ч. 3 ст. 205 и ч. 3 ст. 361 УК РФ) в качестве указанного признака установлено такое последствие как «причинение смерти человеку». Поскольку в нем не определена форма вины по отношению к смерти человека, то предполагается ее причинение как умышленно, так и по неосторожности. В случае ее причинения по неосторожности складывается та же ситуация, что изложена выше и, по нашему мнению, это квалифицирующее обстоятельство нельзя вменять лицу, не достигшему 16 лет. При установлении умышленного отношения к смерти человека соответствующее преступление с таким квалифицирующим признаком должно вменяться с 14 лет.

В некоторых квалифицированных составах преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, предусмотрены достаточно специфические признаки, полное осознание и понимание которых лицами, достигшими только 14 лет, представляется сомнительным: сопряженность с посягательством на объекты использования атомной энергии, потенциально опасные биологические объекты либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических веществ или патогенных биологических агентов (п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ); совершение деяния в отношении объектов социальной инфраструктуры (ч. 2 ст. 207 УК РФ); совершение деяния в целях провокации войны или осложнения международных отношений (ч. 2 ст. 360 УК РФ). Обоснование их полного осознания и понимания лицом, достигшим 14 лет, требует углубленного и всестороннего исследования, на основании которого можно было бы сделать однозначный вывод о возможности их вменения. В случае сомнений правоприменителя в их осознании указанным лицом, ответственность за совершенное преступление должна наступать без них. Обоснованием такого подхода служит конституционное положение о том, что «неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого» (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ).

Кроме того, в четырех составах преступлений, уголовная ответственность за совершение которых наступает с 14 лет, в качестве квалифицирующего признака предусмотрено их совершение в отношении несовершеннолетнего (п. «д» ч. 2 ст. 126, п. «а» ч. 3 ст. 131 и 132, п. «д» ч. 2 ст. 206 УК РФ) и в пяти — в отношении малолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 4 ст. 131 и 132 УК РФ). Указанные категории потерпевших являются наиболее уязвимыми и требующими защиты от преступных посягательств. Вместе с тем, в рассматриваемых нами случаях речь идет о субъекте, который достиг четырнадцати лет. Совершая перечисленные преступления, субъект и потерпевший могут быть ровесниками (и именно таким — равным себе — субъект может воспринимать потерпевшего), и даже более того — потерпевший может быть старше лица, на него посягающего. Поэтому правы авторы, высказывающие мысль о том, что потерпевший в таких случаях не находится по отношению к посягающему в уязвимом или беспомощном состоянии, которое виновный использует для облегчения совершения преступления. Однако суд вынужден вменять указанные квалифицирующие признаки [7, с. 147], без учета указанного обстоятельства, тем самым усугубляя ответственность виновного. Особенно нелогичными представляются случаи, когда потерпевший старше виновного. Исходя из этого, по меньшей мере, при совершении посягательства в отношении лица, достигшего 14 лет и старше, лицом, достигшим 14 лет, более логичным видится и в таких случаях применять дифференцированный подход к возрасту субъекта преступления и исключать ответственность лиц указанной возрастной категории.

Учет всех изложенных обстоятельств позволит реализовать в полной мере дифференциацию возраста уголовной ответственности несовершеннолетних. Он будет соответствовать положению о том, что если лицо неспособно осознавать общественной опасности каких-либо обстоятельств совершаемого деяния, то они не могут быть ему вменены.

Реализация указанной дифференциации представляется возможной в ч. 2 ст. 20 УК РФ посредством дополнения перечисленных в ней статей указанием на то, какие признаки соответствующего преступления составляют исключение. Выглядеть это будет следующим образом: «...умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (статья 111, за исключением части 4 настоящей статьи), ... похищение человека (статья 126, за исключением пункта «д» части 2, если потерпевшим является лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста, а также пункта «в» части 3 настоящей статьи), изнасилование (статья 131, за исключением пункта «б» части 2, если деяние соединено с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; пунктом «в» части 2» пунктами «а» и «б» части 3; пунктом «а» части 4, пунктом «в» (если деяние сопряжено с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за которое предусмотрена ответственность по достижении шестнадцатилетнего возраста) настоящей статьи), ... террористический акт (статья 205, за исключением пункта «б» части 3 настоящей статьи, если смерть причинена по неосторожности) ... » и т.д. Подобные исключения следует указать по всем статьям, в которых содержатся квалифицирующие признаки, которые не могут в полной мере осознаваться лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста.

После перечня преступлений, установленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, в ту же часть указанной статьи предлагаем включить положения следующего содержания:

«Лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста, совершившее преступление в отношении несовершеннолетнего, равного ему по возрасту или в отношении более старшего лица исключает ответственность по квалифицирующему признаку, предусматривающему повышенную ответственность за совершение преступления в отношении несовершеннолетнего.

Лицо, совершившее преступление при наличии обстоятельств, которые исключают ответственность лица, достигшего четырнадцатилетнего возраста, несет уголовную ответственность по другим частям соответствующей статьи настоящего кодекса».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Биноревич В. П. Уголовная ответственность несовершеннолетних // Катановские чтения — 2024 : сб. науч. тр. студентов / науч. ред. С. А. Кырова. — Абакан : Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2024. — С. 117.
2. Бычкова А. М. Законопроект о снижении возраста уголовной ответственности до двенадцати лет в свете анализа реальной общественной опасности деяний малолетних // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2012. — № 2. — С. 167—171.
3. Вартанян Г. А., Онищенко О. Р. К Вопросу о наступлении возраста уголовной ответственности // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2017. — № 1 (50). — С. 206—210.
4. Колесов Д. В. Беседы о половом воспитании. — Москва : Педагогика, 1980. — 190 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. — 12-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2012. — 1359 с.
6. Котова О. А., Лискова Т. Е. ОГЭ. Обществознание. Отличный результат : учеб. книга. — Москва : Национальное образование, 2025. — 304 с.
7. Ларина Л. Ю. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетнего, совершившего посягательство в отношении другого несовершеннолетнего // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2014. — № 4 (8). — С. 143—149.
8. Обществознание: учеб. для 7 кл. / под науч. ред. В. А. Никонова. — Москва : Русское слово — учебник, 2022. — 200 с.
9. Павлов В. Г. Учение о субъекте преступления // Журнал российского права. — 2020. — Т. 23, № 1. — С. 376—386.
10. Пантюхина И. В., Ларина Л. Ю. О снижении возраста ответственности несовершеннолетних за преступления террористической направленности // Законодательство. — 2017. — № 4. — С. 66—72.
11. Полуничев А. И. Рост преступности несовершеннолетних: причины, последствия, меры противодействия // Новый юридический вестник. — 2021. — № 9 (33). — С. 47—49.
12. Просвирин А. Нужно ли привлекать к уголовной ответственности лиц, не достигших 14-ти лет по ряду тяжких преступлений? // Zakon.ru. — 2020. — 9 сент. — URL: https://zakon.ru/blog/ 2020/9/9/ nuzhno_li_privlekat_k_ugolovnoj_otvetstvennosti _lic_ne_dostigshih_14-ti_letpo_ryadu_tyazhkih_ prestup (дата обращения: 20.02.2025).
13. Расторопов С. В., Павлухин А. Н., Перов И. Ф. Уголовное право. Часть общая (Словарь-справочник основных понятий). — Рязань : Рязанский институт права и экономики МВД России, 1998. — 139 с.
14. Тенгизова Ж. А. Некоторые вопросы возрастной дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних // Социально-политические науки. — 2019. — № 1. — С. 104—106.

15. Тянь Д. Е. Ц. Уголовная ответственность несовершеннолетних: проблемы и перспективы // Назначение и исполнение наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы : сб. материалов Всерос. студ. круглого науч.-практ. стола. — Санкт-Петербург, 2024. — С. 104—109.

16. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. С. А. Денисова, Л. В. Готчиной, А. В. Никуленко. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. — URL: https://be5.biz/pravo/u031/index.html (дата обращения: 20.02.2025).

17. Федонкина А. А. Категория возрастной незрелости в юридическом контексте // Психологическая наука и образование. — 2014. — Том 6, № 3. — С. 41—50.

18. Федоренко Е. В. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века : сб. IX Междунар. студ. науч. конф., г. Ачинск, 23 апр. 2021 г. — Ачинск : Изд-во Ачинского филиала ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», 2021. — Вып. 17. — С. 345—347.

19. Хромова Н. М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журнал российского права. — 2018. — № 4 (256). — С. 96—109.

REFERENCES

1. Binorevich V. P. Criminal liability of minors. In Kyrova S. A. (ed.). *Katanovskie chteniya — 2024* [Katanov Readings — 2024]. Khakassian State University named after N. F. Katanov Publ., 2024, p. 117. (In Russian).

2. Bychkova A. M. Bill to lower the age of criminal responsibility to twelve years old in the light of the analysis of real public danger of acts of minors. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Academy of Economics*, 2012, no. 2, pp. 167—171. (In Russian).

3. Vartanyan G. A. Onischenko O. R. The question of the onset of the age of criminal responsibility. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk university. Series "Law"*, 2017, no. 1 (50), pp. 206—210. (In Russian).

4. Kolesov D. V. *Besedy o polovom vospitanii* [Conversations about sex education]. Moscow, Pedagogika Publ., 1980. 190 p.

5. Lebedev V. M. (ed.). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. 12th ed. Moscow, Yurait Publ., 2012. 1359 p.

6. Kotova O. A., Liskova T. E. *OGEH. Obshchestvoznanie. Otlichnyi rezultat. Uchebnaya kniga* [OGE. Social Studies. Excellent Result. Educational Book]. Moscow, Natsionalnoe obrazovanie Publ., 2025. 304 p.

7. Larina L. Yu. Problems of Criminal Liability of a Minor Who Has Committed an Assault Against Another Minor. *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii = A Library of Criminal Law and Criminology*, 2014, no. 4 (8), pp. 143—149. (In Russian).

8. Nikonov V. A. (ed.). *Obshchestvoznanie: uchebnik dlya 7 klassa* [Social Studies: Textbook for 7th Grade]. Moscow, Russkoe slovo — uchebnik Publ., 2022. 200 p.

9. Pavlov V. G. The Doctrine of the Subject of Crime. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, vol. 23, no. 1, pp. 376—386. (In Russian).

10. Pantyukhina I. V., Larina L. Yu. On Lowering Age of Criminal Responsibility for Terrorism Offences. *Zakonodatelstvo = Legislation*, 2017, no. 4, pp. 66—72. (In Russian).

11. Polunichev A. I. The Increase in Juvenile Delinquency: Causes, Consequences, Counteraction Measures. *Novyi yuridicheskii vestnik = New Legal Bulletin*, 2021, no. 9 (33), pp. 47—49. (In Russian).

12. Prosvirin A. Is it Necessary to Bring to Criminal Responsibility Persons under the Age of 14 for a Number of Serious Crimes? *Zakon.ru*, 2020, 9 Sept. URL: https://zakon.ru/blog/2020/9/9/nuzhno_li_privlekat_k_ugolovnoj_otvetstvennosti _lic_ne_dostigshih_14-ti_letpo_ryadu_tyazhkih_prestup. (In Russian).

13. Rastoropov S. V., Pavlukhin A. N., Perov I. F. *Ugolovnoe pravo. Chast obshchaya (Slovar-spravochnik osnovnykh ponyatii)* [Criminal law. General Part (Dictionary of Basic Concepts)]. Ryazan Institute of Law and Economics of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 1998. 139 p.

14. Tengizova J. A. Some questions of the age differentiation of the criminal responsibility of minor. *Sotsialno-politicheskie nauki = Sociopolitical sciences*, 2019, no. 1, pp. 104—106. (In Russian).

15. Tyan D.E.Ts. Juvenile Criminal Liability: Problems and Prospects. *Naznachenie i ispolnenie nakazaniya: ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitelnye problemy. Materialy Vserossiiskogo studencheskogo kruglogo nauchno-prakticheskogo stola* [The Appointment and Execution of Punishment: Criminal Law and Penal Enforcement Problems. Materials of the All-Russian Student Scientific and Practical round table]. Saint Petersburg, 2024, pp. 104—109. (In Russian).

16. Denisov S. A., Gotchina L. V., Nikulenko A. V. (eds). *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast* [Criminal Law. The Common Part]. Saint Petersburg University of the Russian Interior Ministry Publ., 2017. URL: https://be5.biz/pravo/u031/index.html.

17. Fedonkina A. A. The Category of Immaturity in a Legal Context. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2014, vol. 6, no. 3, pp. 41—50. (In Russian).

18. Fedorenko E. V. *Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. Nauchno-obrazovatelnyi potentsial molodezhi v reshenii aktualnykh problem 21-go veka. Materialy 9-i Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchnoi konferentsii, g. Achinsk, 23 aprelya 2021 g.).* [Scientific and Educational Potential of Youth in Solving Urgent Problems of the 21st Century. Proceedings of the 9th International Student Scientific Conference, Achinsk, April 23, 2021)]. Achinsk Branch of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Krasnoyarsk State Agrarian University" Publ., 2021, iss. 17, pp. 345—347. (In Russian).

19. Khromova N. M. Age of Criminal Responsibility of Minors. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 4 (256), pp. 96—109. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Пантюхина Инга Владимировна (Рязань) — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (390000, Россия, г. Рязань, ул. Свободы, 46, e-mail: i.pantyuhina@rsu-rzn.ru).

Кольцова Екатерина Юрьевна (Рязань) — старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (390000, Россия, г. Рязань, ул. Свободы, 46, e-mail: ekaterina_koltsova@list.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pantyukhina, Inga V. (Ryazan) — Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor, Head of the Criminal Law Disciplines Department, Ryazan State University named for S. A. Yesenin (46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia, e-mail: i.pantyuhina@rsu-rzn.ru).

Koltsova, Ekaterina Yu. (Ryazan) — Senior Lecturer of the Criminal Law Disciplines Department, Ryazan State University named for S. A. Yesenin (46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia, e-mail: ekaterina_koltsova@list.ru).

УДК 343.3/.9

С. С. Мельник
Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России);
Высшая школа экономики,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5771-9743
ResearcherID: HHN-1615-2022

БОРЬБА С ЭКСТРЕМИЗМОМ В ПРИЗМЕ ТЕОРИИ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ ЭДВИНА САТЕРЛЕНДА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 69—77.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.7.69-77
Дата поступления 14.05.2025, дата принятия к печати 19.09.2025, дата онлайн-размещения 30.09.2025.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются методы и способы противодействия экстремизму в контексте теории дифференциальной ассоциации американского социолога и криминолога Эдвина Сатерленда. Экстремизм, как фундаментальный вызов человечеству, предполагает постепенное распространение преступной идеологии любыми возможными способами и средствами. С появлением глобальной информационно-коммуникационной сети «Интернет» вариативность распространения и, соответственно, вовлечения и радикализации новых членов для экстремистских групп существенно возросла. Тем не менее, роль социальных связей при этом не уменьшилась, необходимость противодействия как личным, так и опосредованным контактам общества и экстремистских элементов сохраняется. Отдельное внимание в статье уделяется вопросам международного сотрудничества в борьбе с экстремизмом. Отмечается необходимость развития взаимодействия в рамках региональных международных организаций. В числе наиболее вероятных площадок для Российской Федерации является Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС (объединение десяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР, ОАЭ, Ирана, Египта, Эфиопии и Индонезии), Содружество независимых государств и Евразийский экономический союз. Развитие подхода к отрицанию экстремизма возможно и при учете зарубежного опыта. Так, автором анализируются меры, принимаемые в Китайской Народной Республике и Великобритании, направленные на предотвращение этого явления. В Англии примечателен опыт привлечения различных общественных организаций, с целью превенции распространения радикализации и преступлений на почве ненависти («Neighbourhood Watch», «Stop Hate UK»), в КНР — развитие антитеррористического законодательства в целом. Вероятно, целью любого государства должно быть снижение потенциально опасных социальных контактов, выявление которых возможно при использовании

различных способов и средств воздействия на преступность (меры по индивидуальной и коллективной виктимологической профилактики, выявление и устранение факторов, обуславливающих совершение экстремизма), появление которых чревато распространением экстремистской идеологии (где как раз очень применима теория дифференциальной ассоциации). Усилиями лишь одного государства достижение этого представляется труднодостижимым, поэтому необходима локализация экстремизма как потенциальной угрозы и интенсификация взаимодействия внутри конкретных интеграционных объединений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экстремизм, теория дифференциальной связи, Эдвин Сатерленд, радикализация, кибертерроризм, Шанхайская организация сотрудничества, социальные связи, преступность.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мельник С. С. Борьба с экстремизмом в призме теории дифференциальной ассоциации Эдвина Сатерленда // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 69—77. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.7.69-77.

UDC 343.3/.9

S. S. Melnik
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University);
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5771-9743
ResearcherID: HHN-1615-2022

THE FIGHT AGAINST EXTREMISM IN THE SCOPE OF EDWIN SUTHERLAND'S THEORY OF DIFFERENTIAL ASSOCIATION

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2025, no. 3, pp. 69—77.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.7.69-77
Received 14.05.2025, accepted 19.09.2025, available online 30.09.2025.

ABSTRACT

The article examines methods and methods of countering extremism in the context of the theory of the differential association of American sociologist and criminologist Edwin Sutherland. Extremism, as a fundamental challenge to humanity, presupposes the gradual spread of criminal ideology by any possible means and means. With the advent of the global information and communication network «Internet», the variability of the spread and, consequently, the involvement and radicalization of new members for extremist groups has increased significantly. Nevertheless, the role of social ties has not decreased, and the need to counteract both personal and indirect contacts between society and extremist elements remains. The article pays special attention to the issues of international cooperation in the fight against extremism. The need to develop cooperation within the framework of regional international organizations is noted. Among the most likely venues for the Russian Federation are the Shanghai Cooperation Organization, BRICS (an association of ten states: Brazil, Russia, India, China, South Africa, the United Arab Emirates, Iran, Egypt, Ethiopia and Indonesia), the Commonwealth of Independent

States and the Eurasian Economic Union. The development of an approach to the denial of extremism is also possible taking into account foreign experience. Thus, the author analyzes the measures taken in the People's Republic of China and the United Kingdom aimed at preventing this phenomenon. In England, the experience of involving various public organizations in order to prevent the spread of radicalization and hate crimes ("Neighborhood Watch", "Stop Hate UK") is noteworthy, in China — the development of anti-terrorism legislation in general. Probably, the goal of any state should be to reduce potentially dangerous social contacts, which can be identified using various methods and means of influencing crime (measures for individual and collective victimological prevention, identification and elimination of factors contributing to extremism), the emergence of which is fraught with the spread of extremist ideology (where the theory of differential association is very applicable). This seems difficult to achieve through the efforts of only one State, which is why it is necessary to localize extremism as a potential threat and intensify cooperation within specific integration associations.

KEYWORDS

Extremism, theory of differential communication, Edwin Sutherland, radicalization, cyberterrorism, Shanghai Cooperation Organization, social relations, crime.

FOR CITATION

Melnik S. S. The Fight Against Extremism in the Scope of Edwin Sutherland's Theory of Differential Association. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 3, pp. 69—77. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.7.69-77.

Экстремизм можно назвать глобальной проблемой, которая представляет угрозу фундаментальным ценностям человечества. Многие террористические группы используют идеологию в качестве оправдания насильственных действий для достижения собственных — зачастую преступных — целей [18]. Осознание этого факта привело к увеличению финансирования различных исследовательских проектов, направленных на отслеживание проявлений экстремизма в информационно-коммуникационной сети «Интернет», особенно в Европейском союзе и США [9, 10].

В 2023 году Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ ОБСЕ) представило обзор преступлений на почве ненависти (которые относятся к преступлениям экстремистской направленности). В итоговую версию обзора вошла информация, полученная от государственных органов, правозащитных организаций и других источников. Такие противоправные деяния были зарегистрированы в 48 странах, но еще примечательнее то, что помимо официальных статистических данных от правоохранительных органов в отношении 22 стран информация была направлена межправительственными организациями (так как такие явления выступают угрозой в том числе и региональной безопасности). Необходима консолидация усилий в рамках региональных образований, интенсификация международного сотрудничества.

Указанные данные свидетельствуют об актуальности проблемы экстремизма в современном мире. При этом опасность экстремизма заключается в многогранности форм его проявления, он может стать катализатором других преступлений. Криминогенная среда, формируемая экстремистами, может значительно повлиять на безопасность общества и государства. Идеологическая основа формирует искаженное представление о добре и зле, дозволенном и противоправном, поэтому преступники будут использовать любые методы для достижения своих целей.

Основой распространения экстремистской идеологии являются социальные связи. Ни одна преступная группировка не сможет распространять свои идеи без постепенного развития «порочных» социальных контактов. Конечно, информационно-коммуникационная сеть «Интернет» облегчила эту задачу, но это вовсе не означает, что прямые контакты между потенциальными жертвами и экстремистами отсутствуют, скорее даже наоборот. Именно использование социальных сетей и иных средств коммуникации в глобальной

сети опосредованно способствует сближению злоумышленников с жертвами.

Рациональными представляются усилия по локализации экстремизма. Последние 24 года ведется активная работа в рамках, например, Шанхайской организации сотрудничества, в том числе и в научно-исследовательском ключе, что облегчает понимание проблематики экстремизма в регионе и в рамках Региональной антитеррористической структуры ШОС[1]. Для Российской Федерации это примечательно в первую очередь ввиду формирования архитектуры равной и неделимой безопасности в Евразии[2]. При этом международное сотрудничество может быть интенсифицировано и в рамках других международных региональных организаций (прежде всего СНГ, БРИКС, Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ) и др.).

Поиск оптимальных путей эффективного противодействия экстремизму невозможен без анализа криминологической компоненты. Именно поэтому в основу данной статьи положены идеи выдающегося американского социолога и криминолога XX века — Эдвина Хардина Сатерленда (Edwin Hardin Sutherland). Он является основоположником теории «дифференциальной ассоциации» и одним из первых предложил рассматривать преступность как закономерный процесс социальной дезорганизации. Данная теория будет рассмотрена в преломлении к угрозе экстремизма, так как для этой категории преступлений, как мы уже смогли убедиться, социальные связи приобретают принципиально иное значение, недооценивать которое просто недопустимо.

Э. Сатерленд рассматривал криминологическую науку во взаимосвязи с социологией и сформулировал собственное определение термина «криминология»: «Это наука, которая исследует нарушения законов и реакции общества на их нарушение» [17]. При этом он стал рассматривать структуру преступности в тесной зависимости с другими факторами, которые влияют на человека, отдельные социальные группы и общество в целом.

Наличие представлений о моделях социального поведения прямо влияет на преступность. Сатерленд приводил следующий пример: молодой человек, который воспитывается в зоне с высоким уровнем правонарушений, достигает «преступного взросления» в очень раннем возрасте, примерно к 12 или 14 годам [14]. Это происходит за счет того, что его личность восприняла преступность, впитала ее и стала неотъемлемой ее частью. Он строит планы по совершению противоправных деяний, но делает это тщательно для того, чтобы не понести за это наказание. При этом даже если меры предосторожности не помогли, он воспринимает лишение свободы как закономерную часть своей жизни.

Полагаем, что такой подход к пониманию становления и развития личности преступника является достаточно обоснованным, хоть он и не раз подвергался критике со стороны научного сообщества (как юристов, так и социологов) [6]. К числу основных недостатков теории Сатерленда Д. Р. Кресси (Donald R. Cressey), например, относит недостаточность понятийного аппарата и неопределенность факторов, влияющих на совершение девиантного поведения [8]. Вместе с тем полное ограничение преступной модели поведения в обществе маловероятно, поэтому необходим тщательный контроль информационной среды.

Р. Мертон (R. Merton) также рассматривает соотношение биологического и социального в деструктивном поведении, при этом он не отрицает биологические факторы, как основание возникновения девиантного поведения, а говорит о несовершенстве социальной структуры, которая, в свою очередь, сущностно влияет на состояние преступности в конкретном государстве [13].

Одной из основных целей борьбы с экстремизмом, в широком смысле понимания данного термина, является противодействие восприятию экстремистских идей обществом. Но что влияет на формирование у личности таких представлений и каким образом? Здесь стоит отметить, что развитие преступных методов, возраст преступников и вовлеченность в преступную среду существенно различаются в зависимости от среды, в которой находится тот или иной человек. Одним из примеров, который приводит Э. Сатерленд, является традиционная китайская семья XX века. Все члены этой социальной группы находятся в зависимости друг от друга, им известна модель поведения в различных ситуациях только внутри нее. Поэтому процесс формирования преступных идей неприменим к этой социальной структу-

[1] О Десятой международной научно-практической конференции РАТС ШОС и Второй конференции СНГ по борьбе с терроризмом и экстремизмом // Шанхайской организации сотрудничества : [офиц. сайт]. URL: https://rus.sectsco.org/20240906/1523872.html (дата обращения: 13.05.2025).

[2] Россия и Белоруссия будут развивать сотрудничество в рамках ШОС. URL: https://ria.ru/20250313/rossija-2004861210.html (дата обращения: 13.05.2025).

ре [17]. Однако при возникновении новых моделей поведения они могут быть заимствованы и таким образом преступность проникает даже в закрытые социальные группы.

Стоит отметить, что в Китайской Народной Республике (далее по тексту — КНР) угроза экстремизма, как отмечают некоторые авторы, связана с Синьцзян-Уйгурским автономным районом и Тибетом, в которых еще в конце XIX века стали формироваться идеи этнической и культурной независимости [11]. Такие факторы представляют сущностную угрозу распространения экстремистской идеологии (с точки зрения буквы закона в КНР), но это не значит, что для этого явления нехарактерен выход за пределы указанных административных территориальных единиц. Правовое регулирование, основанное на комплексе источников, в том числе партийных документов, законов и подзаконных актов и актов, принимаемых местными властями (что типично для коммунистической правовой семьи), характеризуется системным противодействием терроризму (в рамках которого выработаны нормы, направленные на борьбу с сепаратизмом и экстремизмом, и даже кибертерроризмом) [3, 12]. При этом в государстве признают необходимость развития мер, направленных на противодействие экстремизму на международном уровне. Так, в 2016 году отмечалось стремление КНР к усилению антитеррористического вектора ШОС[3].

В 2017 году был принят закон о противодействии экстремизму в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, чтобы точечно урегулировать эту проблему, «пресекать, подавлять и ликвидировать проявления деятельности, противоречащей общепринятым нормам правового государства»[4]. Именно поэтому необходимо сотрудничество различных государственных структур, правоохранительных органов внутри страны, а также с компетентными органами иных государств. Примечательно, что 9 июня 2017 года была принята Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму, что стало продолжением формирования системы борьбы с тремя силами зла на пространстве ШОС.

[3] Китай намерен усилить антитеррористический вектор ШОС // Министерство юстиции Российской Федерации : [офиц. сайт]. URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/46772/ (дата обращения: 13.05.2025).

[4] В КНР принят закон о борьбе с экстремизмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4140853 (дата обращения: 13.05.2025).

При этом меры, направленные на противодействие радикализации и распространению экстремизма, являются предметом пристального внимания и других международных организаций — ООН, СНГ, СЕ, ЕС и др. А. А. Каширина в качестве одной из мер совершенствования Договора о Евразийском экономическом союзе отмечает дополнение текста учредительного акта сферой сотрудничества органов правосудия и правоохранительных органов [2]. Представляется, что регулирование борьбы с экстремизмом также могло бы найти в нем такое отражение.

В 2016 году в рамках Совета Европы было подготовлено «Методическое руководство для пенитенциарных учреждений в отношении радикализации и насильственного экстремизма», где особо отмечалось, что выделяются признаки, связанные с радикализацией того или иного лица. Они могут в определенной степени различаться, а некоторые преступники также не взаимодействуют с другими социальными группами (*волки-одиночки, lone wolves*). При этом обязателен мониторинг со стороны пенитенциарных учреждений для того, чтобы снизить риск такой радикализации (то есть риск появления новых «порочных» социальных связей).

Предметом контроля, согласно руководству, должен быть процесс социализации личности, который и представляет собой приобретение индивидом определенных социальных связей, и именно они позволяют человеку изменять свое мировоззрение, принимать определенные решения, а также за счет полученного опыта выстраивать свои собственные модели социального поведения, о чем неоднократно говорил Э. Сатерленд [16].

В отношении экстремизма эту идею можно интерпретировать следующим образом: конкретное лицо будет потенциально подвержено экстремистской идеологии только в случае соприкосновения с определенной средой, которая содержит нормы, идущие в разрез с общепринятой моделью социального поведения. Особенно отчетливо это прослеживается при обращении к киберэкстремизму (одному из видов экстремизма), который предполагает наличие особой формы распространения экстремистской идеологии. С развитием информационных технологий опасность «заражения» информационной среды существенно возросла, равно как и масштаб потенциальной угрозы. Поскольку социальные установки могут передаваться гораздо быстрее, это создает угрозы для национальной и региональной безопасности уже не одной страны, а целого региона [5].

Истоками теории дифференцированной связи служат, вероятно, работы французского криминолога и социолога Габриеля Тарда (Jean-Gabriel Tarde), который утверждал, что для характеристики личных особенностей человека, единственно истинных, необходимо рассматривать как процесс воздействия одного сознания на другое [12]. Этот процесс объективный и складывается точно также в процессе социализации. При этом стоит отметить тот факт, что общество вторично по отношению к человеку, именно личность формирует другую личность и общество, но ни в коем случае не наоборот. В этой связи возникает крепкая, устойчивая связь между деянием (выраженном в совершении действий экстремистского характера), распространением экстремистской идеологии и организационными средствами борьбы с ним.

Личность потенциального преступника зависит от самых разных факторов. Окружение, которое влияет на процесс социализации, в зависимости от интенсивности и продолжительности, в значительной степени предопределяет социальное положение и варианты «социального выбора», так как возможность преодоления общественного мнения также является криминогенным фактором. При этом сам факт «соприкосновения» с девиантным поведением не означает автоматическое совершение, скажем, преступления, вовсе нет.

У любого лица, вне зависимости от местонахождения, существуют как факторы, которые являются благоприятными для формирования девиантного поведения, так и факторы, которые снижают потенциальный уровень социальной опасности. Преступным станет поведение только в тот момент, когда факторов, благоприятствующих совершению преступления, станет больше.

Можно выделить ряд институциональных особенностей, которые характеризуют дифференцированные связи:

1) преступное поведение является результатом взаимодействия различных социальных групп (экстремисты используют социальные сети и различные приложения для распространения экстремистских материалов и вербовки новых членов в свои группы);

2) большее влияние на формирование преступного поведения оказывает та или иная социальная группа. Она может быть немногочисленной, но в любом случае отношения внутри такой социальной единицы будут строиться на личном, непосредственном характере (вовлечение новых членов происходит через уже установленные связи; строгая иерархия в рамках таких экстремистских сообществ существенно влияет на дальнейшие отношения между ее участниками);

3) сам процесс вовлечения и дальнейшего обучения происходит в том числе при совершении противоправных деяний в рамках вышеуказанной социальной единицы. Таким образом у новых членов экстремистских групп «стирается» представление о должном и противоправном поведении (если ты совершил одно противоправное деяние, значит, можешь совершить и еще одно);

4) преступником становится тот человек, который имеет определенные социальные оценки, необходимые для совершения преступлений, то есть общественное мнение значительно влияет на вовлеченность в преступную деятельность. Целью же правоохранительных органов и социальных институтов является предотвращение формирования устойчивой связи с преступной «идеологией», в том числе путем использования средств индивидуальной криминологической профилактики;

5) само по себе преступное поведение является девиантным, но берет свое начало из простого обучения, которое проходит абсолютно каждый человек. При этом теория социального обучения предполагает, что при социализции формируются определенные стимулы (мотиваторы), которые дают понять, какое поведение является уместным или девиантным (дискриминационные стимулы) [7].

Формирование социальных связей существенно отражается на состоянии преступности в стране, регионе и даже в целом мире. Существуют различные способы противодействия распространению экстремистских идей. В этом контексте, пожалуй, можно использовать опыт Великобритании. Помимо правоохранительных органов существуют различные общественные объединения и организации, целью которых является противодействие экстремизму. Так, в 1995 году появилась организация «Stop Hate UK», которая функционирует круглосуточно[5]. Её целью является противодействие преступлениям на почве ненависти. Для этого функционируют следующие механизмы: телефоны доверия, специальные образовательные курсы, приложения (в которых можно в реальном времени сообщить о совершении преступлений). Отдельное внимание уделяется противодействию преступным группам, распространяющим экстремистскую идеологию. Э. Сатер-

[5] Stop Hate UK. URL: https://www.stophateuk.org/about-us/ (дата обращения: 13.05.2025).

ленд отмечал, что преступные группы в принципе существовали достаточно давно и до сих пор существуют во всем мире [15, 17]. Ограничение их деятельности различными способами и средствами в рамках государственной политики представляется закономерным и обоснованным.

Помимо указанной организации существует «Neighbourhood Watch» — организация по борьбе с преступностью в Англии и Уэльсе, которая также занимается противодействием экстремизму[6]. На данный момент в деятельность неправительственной организации вовлечено свыше 2 миллионов человек. Все организации сотрудничают с правоохранительными органами на различных уровнях и оказывают поддержку жертвам, пострадавшим от преступлений на почве ненависти.

Все эти организации направлены на консолидацию усилий внутри общества, объединение граждан и пресечение распространения экстремистских идей. То есть оптимальной моделью противодействия экстремизму, на наш взгляд, можно признать следующую систему:

1) деятельность международных организаций (формирование основ международного сотрудничества, принятие международных актов обязательного и рекомендательного характера);

2) деятельность правоохранительных органов конкретного государства (оптимальным является взаимодействие и с компетентными органами иностранных государств для обмена информацией и опытом в этой стезе);

3) деятельность общественных организаций, направленная на взаимодействие с наиболее уязвимыми категориями граждан, с соблюдением принципа законности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в качестве составной части криминологической компоненты противодействия экстремизму может выступать теория дифференциальной ассоциации Э. Сатерленда. Многогранность форм распространения экстремистской идеологии, вербовка с помощью информационно-коммуникационной сети «Интернет» и международный характер проблемы свидетельствуют о необходимости развития международного сотрудничества различных стран. Международное сотрудничество, полагаем, возможно при соблюдении принципа полисистемности правового регулирования (то есть формирования правовых основ борьбы с экстремизмом на универсальном, региональном и национальном уровнях правового регулирования). Определенно точно наиболее перспективным является сотрудничество в рамках ШОС, ввиду наличия конвенционных механизмов регулирования, программных документов, а также различных международных актов, принятых в рамках Региональной антитеррористической структуры ШОС, ограниченных для распространения. Отслеживание деятельности экстремистских групп в сети позволит предотвратить возникновение социальных связей и, соответственно, появление преступной модели поведения в обществе. Отсутствие комплексного подхода в борьбе с экстремизмом может стать причиной появления новых криминогенных факторов.

Также стоит отметить, что в сентябре 2025 г. произошла реорганизация РАТС ШОС, было принято Соглашение об Универсальном центре по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств-членов ШОС. Тем самым расширилась компетенция и функционал наднационального органа, согласно статье 3 Соглашения об Универсальном центре по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств-членов направлениями деятельности указанного центра являются: терроризм, сепаратизм, экстремизм, транснациональная организованная преступность и проявление указанных явлений в информационно-коммуникационной сети «Интернет»[7]. Представляется, что дальнейшее развитие комплексного подхода противодействия преступности, в том числе и экстремизму, должно учитывать криминологические идеи Э. Сатерленда, ввиду чего разработка новых программных документов ШОС возможна с учетом контроля за состоянием информационной среды, предотвращением распространения экстремистских материалов в глобальной сети «Интернет».

[6] Neighbourhood Watch. URL: https://www.ourwatch.org.uk/about-us (дата обращения: 13.05.2025).

[7] Соглашение об Универсальном центре по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202508310003?index=2(дата обращения: 01.09.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иншаков С. М. Противоправная политика и политическая преступность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2025. — № 1 (854). — С. 110—114.

2. Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Правовые основы противодействия экстремизму и терроризму в Китайской Народной Республике // Гуманитарные и юридические исследования. — 2021. — № 4. — С. 169—173. — DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.21.

3. Малиновский А. А. Сравнительное уголовное право : учебник. — Москва : Юрлитинформ, 2014. — 592 с.

4. Маслов В. А. Учение Габриеля Тарда о личности преступника // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2019. — № 3 (37). — С. 339—345. — DOI: 10.24420/KUI.2019.48.74.013.

5. Мельник С. С. Правовое регулирование киберэкстремизма и кибертерроризма: проблемы и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2024. — № 1 (65). — С. 187—192. — DOI: 10.36511/2078-5356-2024-1-187-192.

6. Таппен П. У. Кто такой преступник? // Социология преступности (Современные буржуазные теории) : сб. статей / пер. с англ. и ред. Б. С. Никифорова, А. М. Яковлева. — Москва : Прогресс, 1966. — 368 с.

7. Akers R. L. Is differential association/social learning cultural deviance theory? // Criminology. — 1996. — Vol. 34, no. 2. — P. 229—247.

8. Cressey D. R. Epidemiology and Individual Conduct: A Case from Criminology // Pacific Sociological Review — 1960. — Vol. 3, no. 2. — P. 47—58.

9. Dounia B. A Novel Motivation-based Conceptual Framework for Disengagement and Deradicalization Programs // Sociology and Anthropology. — 2017. — Vol. 5, no. 8. — P. 600—614.

10. Fernandez M., Asif M., Alani H. Understanding the roots of radicalisation on Twitter // WebSci'18:10th ACM Conference on Web Science, 27—30 May 2018, Amsterdam, Netherlands, ACM. — New York, 2018. — P. 1—10. — DOI:10.1145/3201064.3201082.

11. Lafree G. In the shadow of 9/11: How the study of political extremism has reshaped criminology // Criminology. — 2022. — Vol. 60 (2). — P. 5—26.

12. Li E. China's New Counterterrorism Legal Framework in the Post-2001 Era: Legal Development, Penal Change, and Political Legitimacy // New Criminal Law Review: An International and Interdisciplinary Journal. — 2016. — Vol. 19, № 3. — P. 344—381. — DOI:10.1525/nclr.2016.19.3.344.

13. Merton R. K. On the evolving synthesis of differential association and anomie theory: A perspective from the sociology of science // Criminology. — 1997. — Vol. 35, № 3. — P. 517—525. — DOI:10.1111/j.1745-9125.1997.tb01228.x.

14. Sutherland E. H. Criminology. — Philadelphia ; London : J. B. Lippincott Company, 1924. — P. 11—78.

15. Sutherland E. H. Principles of Criminology. — 3rd ed. — Chicago ; Philadelphia ; New York : J.B. Lippincott Company, 1939. — P. 26—47.

16. Sutherland E. H. Criminology. — 9th ed. — Philadelphia : J. B. Lippincott Company, 1974. — P. 15—66.

17. Sutherland E. H., Cressey D. R. Criminology. — 10th ed. — Philadelphia ; New York ; Toronto : J.B. Lippincott Company, 1978. — P. 190—199.

18. Thomas P. Responding to the Threat of Violent Extremism: Failing to Prevent. — London : Bloomsbury Academic, 2012. — 192 p.

REFERENCES

1. Inshakov S. M. Illegal policy and national security law. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, 2025, vol. 1 (854), pp. 110—114. (In Russian).

2. Koibaev B. G., Zoloeva Z. T. Legal framework for countering extremism and terrorism in the People's Republic of China. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanities and Law Research*, 2021, no. 4, pp. 169—174. (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.21

3. Malinovskii A. A. *Sravnitelnoe ugolovnoe pravo* [Comparative Criminal Law]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 592 p.

4. Maslov V. A. The teaching of Gabrielle Tarde on criminal personality. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2019, no. 3 (37), pp. 339—345. (In Russian). DOI: 10.24420/KUI.2019.48.74.013.

5. Melnik S. S. Legal regulation of Cyberextremism and Cyberterrorism: challenges and opportunities. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 187—192. (In Russian). https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-187-192.

6. Tappan P. W. Who is the Criminal? In Wolfgang M. E, Savitz L., Johnston N. (eds). *The Sociology of Crime and Delinquency*. John Wiley & Sons, Inc., 1962, pp. 41—48. (Russ. ed.: Nikiforov A. S., Yakovleva A. M. (eds). *Sotsiologiya prestupnosti. Sovremennye burzhuaznye teorii*. Moscow, Progress Publ., 1966, pp. 5—24).

7. Akers R. L. Is differential association/social learning cultural deviance theory? Criminology, 1996, vol. 34, no. 2, pp. 229—247.

8. Cressey D. R. Epidemiology and Individual Conduct: A Case from Criminology. *Pacific Sociological Review*, 1960, vol. 3, no. 2, pp. 47—58.

9. Dounia B. A Novel Motivation-based Conceptual Framework for Disengagement and Deradicalization Programs. *Sociology and Anthropology*, 2017, vol. 5, no. 8, pp. 600—614.

10. Fernandez M., Asif M., Alani H. Understanding the roots of radicalisation on Twitter. *WebSci'18:10th ACM Conference on Web Science, 27-30 May 2018, Amsterdam, Netherlands, ACM*. New York, 2018, pp. 1—10. DOI:10.1145/3201064.3201082.

11. Lafree G. In the shadow of 9/11: How the study of political extremism has reshaped criminology. *Criminology*, 2022, vol. 60 (2), pp. 5—26.

12. Li E. China's New Counterterrorism Legal Framework in the Post-2001 Era: Legal Development, Penal Change, and Political Legitimacy. *New Criminal Law Review: An International and Interdisciplinary Journal*, 2016, vol. 19, no. 3, pp. 344—381. DOI:10.1525/nclr.2016.19.3.344.

13. Merton R. K. On the evolving synthesis of differential association and anomie theory: A perspective from the sociology of science. *Criminology*, 1997, vol. 35, no. 3, pp. 517—525. DOI:10.1111/j.1745-9125.1997.tb01228.x.

14. Sutherland E. H. *Criminology*. Philadelphia and London, J. B. Lippincott Company, 1924, pp. 11—78.

15. Sutherland E. H. *Principles of Criminology*. 3rd ed. Chicago, Philadelphia, New York, J. B. Lippincott Company, 1939, pp. 26—47.

16. Sutherland E. H. *Criminology*. 9th ed. Philadelphia, J.B. Lippincott Company, 1974, pp. 15—66.

17. Sutherland E. H., Cressey D. R. *Criminology*. 10th ed. Philadelphia, New York, Toronto, J. B. Lippincott Company, 1978, pp. 190—199.

18. Thomas P. *Responding to the Threat of Violent Extremism: Failing to Prevent*. London, Bloomsbury Academic, 2012. 192 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мельник Святослав Сергеевич (Москва) — аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел (МГИМО МИД России) (119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 76, e-mail: big-benac@yandex.ru), преподаватель Департамента теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (109028, Россия, г. Москва, Покровский бульвар, 11, e-mail: big-benac@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Melnik, Svyatoslav S. (Moscow) — Postgraduate Student of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics Department, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs (MGIMO-University) (76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russia, e-mail: big-benac@yandex.ru), Lecturer at the Theory of Law and Comparative Law Department, National Research University Higher School of Economics (11 Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russia, e-mail: big-benac@yandex.ru).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
CRIMINAL LAW SCIENCES

УДК 343.1:341.231.14

В. А. Крымов
Академия управления МВД России,
г. Москва, Россия,
ORCID: 0000-0003-1463-6811
ResearcherID: ACP-2070-2022

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 78—84.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.8.78-84
Дата поступления 17.05.2025, дата принятия к печати 19.09.2025, дата онлайн-размещения 30.09.2025.

АННОТАЦИЯ

В статье сфокусировано внимание на контрольно-надзорной деятельности в уголовном судопроизводстве как одной из составляющих системы уголовно-процессуальных гарантий. Приводятся доводы в пользу того, что классическое восприятие контрольно-надзорной деятельности, заключающееся в представлении последней как совокупности процессуального (ведомственного) контроля, прокурорского надзора и судебного контроля, является неполным и с точки зрения системы сдержек и противовесов отражает исключительно ее (контрольно-надзорной деятельности) внутренние формы. С доктринальных воззрений приводятся аргументы в пользу существования внешней формы контрольно-надзорной деятельности за уголовным судопроизводством — социального контроля, который сводится к реальной возможности общества влиять на принятие незаконных и необоснованных процессуальных решений при производстве по уголовному делу. В этой связи, а также в свете обеспечения прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве в целом и в стадии возбуждения уголовного дела в частности представлен анализ докладов о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с момента создания этого государственного института. Проанализированы тенденции обращений граждан по вопросам уголовного судопроизводства в массиве поступающей в адрес Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации корреспонденции. Акцентировано внимание на реальных фактах и примерах, отражающих результаты его деятельности по обеспечению прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве не только в связи с обращением граждан, но и посредством инициативного вмешательства в связи с активной деятельностью средств массовой информации по изобличению противоправной деятельности и ее общественным резонансом. Сделан вывод о том, что деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации по восстановлению нарушенных прав личности в уголовном процессе в полной мере отвечает содержанию социального контроля уголовно-процессуальной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Уголовное судопроизводство, контрольно-надзорная деятельность, социальный контроль, обеспечение прав и законных интересов человека и гражданина, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Крымов В. А. Обеспечение прав и законных интересов человека и гражданина через призму социального контроля уголовно-процессуальной деятельности // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 78—84. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.8.78-84.

UDC 343.1:341.231.14

V. A. Krymov
Management Academy
of the Ministry Of Interior Of Russia,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1463-6811
ResearcherID: ACP-2070-2022

ENSURING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF A PERSON AND CITIZEN THROUGH THE PRISM OF SOCIAL CONTROL OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal,* 2025, no. 3, pp. 78—84.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.8.78-84
Received 17.05.2025, accepted 19.09.2025, available online 30.09.2025.

ABSTRACT The article focuses on control and supervisory activities in criminal proceedings as one of the components of the system of criminal procedural guarantees. Arguments are given in favor of the fact that the classical perception of control and supervisory activities, which consists in presenting the latter as a combination of procedural (departmental) control, prosecutorial supervision and judicial control, is incomplete and, from the point of view of the system of checks and balances, reflects exclusively its (control and supervisory activities) internal forms. From doctrinal perspectives, arguments are presented in favor of the existence of an external form of control and supervisory activity over criminal proceedings — social control, which boils down to the real ability of society to influence the adoption of illegal and unjustified procedural decisions in criminal proceedings. In this regard, as well as in the light of ensuring the rights and legitimate interests of individuals in criminal proceedings in general and at the stage of criminal proceedings, in particular, an analysis of reports on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation since the establishment of this State institution is presented. The trends of citizens' appeals on criminal proceedings in the mass of correspondence received by the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation are analyzed. Attention is focused on real facts and examples reflecting the results of his activities to ensure the rights and legitimate interests of individuals in criminal proceedings, not only in connection with the appeal of citizens, but also through proactive intervention in connection with the active activities of the media to expose illegal activities and its public resonance. It is concluded that the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation to restore violated personal rights in criminal proceedings fully comply with the content of social control of criminal procedural activities.

KEYWORDS Criminal proceedings, control and supervisory activities, social control, ensuring the rights and legitimate interests of a person and citizen, Commissioner for Human Rights in the Russian Federation.

FOR CITATION Krymov V. A. Ensuring the Rights and Legitimate Interests of a Person and Citizen Through the Prism of Social Control of Criminal Procedural Activities. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 3, pp. 78—84. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.8.78-84.

Контрольно-надзорная деятельность является одной из составляющих системы уголовно-процессуальных гарантий. В классическом виде первая представлена процессуальным контролем, прокурорским надзором и судебным контролем.

Вместе с тем, если посмотреть на них с точки зрения системы сдержек и противовесов, то заметим, что эта деятельность осуществляется лицами, с одной стороны, полномочными осуществлять и само расследование, и контроль за ним (за другими лицами, осуществляющими досудебное производство), то есть федеральными органами исполнительной власти, с другой, — надзирающими за законностью такого производства, то есть органами прокуратуры, не относящимся ни к одной из ветвей власти, а с третьей, — отправляющими правосудие и рассматривающими уголовные дела по существу, то есть представляющими судебную ветвь, то представляется, что все вышеперечисленные формы контрольно-надзорной деятельности являются в большей степени внутренними.

Именно им посвящается большинство научных работ, тогда как имеет место еще один вид исследуемой деятельности, оказывающий на нее непосредственное влияние. Часть 1 статьи 3 Конституции Российской Федерации гласит, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ[1]. В этой связи следует полагать, что внешний по отношению к указанным формам контрольно-надзорной деятельности социальный (народный) контроль представляет собой деятельность граждан Российской Федерации, иностранных граждан, а также лиц без гражданства по реализации своего права на доступ к правосудию, что в целом логично с позиции формирования органов государственной и муниципальной власти выборным путем.

Нельзя не заметить, что наличие данной формы контроля в уголовном судопроизводстве еще в советский период отмечали такие ученые, как М. С. Строгович [3, с. 137] и В. Т. Томин [4, с. 40]. Так, например, проф. Строгович указывал, что в системе правовых гарантий социалистической законности (о которой упоминалось нами в предыдущих работах [см. 2] как о принципе, сыгравшем ключевую роль в формировании стадии возбуждения уголовного дела) значимое место занимает деятельность общественных организаций — то, что можно назвать общественными гарантиями законности. В частности, акцентировалось внимание на различные формы народного контроля за работой государственного аппарата, обнаружении и устранении нарушений законности, участии общественности в деятельности государственных органов.

В этой связи целесообразным представляется отдельно остановиться на связующем между государством и обществом звене в вопросах обеспечения прав личности в уголовном процессе — деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее — Уполномоченный), которая в его официальных документах и на официальном сайте позиционируется в качестве государственного института[2].

Так, анализ ежегодных (за 1998 — 2024 гг.) докладов о деятельности Уполномоченного[3] показал, что в среднем треть обращений граждан касается уголовной проблематики, в том числе обеспечения их прав и законных интересов в стадии возбуждения уголовного дела (рис. 1).

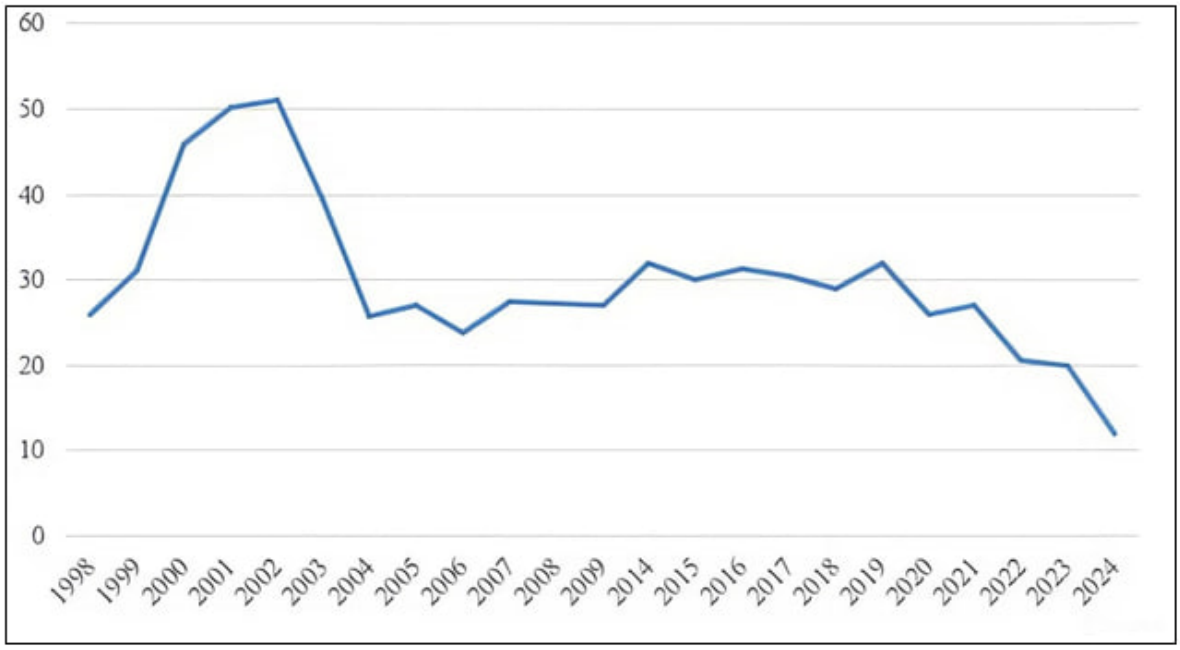
[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 10.05.2025).

[2] См., например: С. 101 Доклада о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady?ysclid=m4e97uf4kf614139265 ; История института Уполномоченного. URL: https://ombudsmanrf.org/ombudsman/history (дата обращения: 10.05.2025).

[3] URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady?ysclid= m3zj26rq2y542923082 (дата обращения: 10.05.2025).

Рис. 1

Количество обращений от граждан по вопросам защиты прав человека в уголовном процессе в 1998 — 2024 гг. (в % от общего количества обращений в год)



Исследованные данные в целом свидетельствуют о довольно высокой доле обращений граждан в адрес Уполномоченного по вопросам защиты прав человека в уголовном судопроизводстве, которая за указанный период составляла от 11,9 % или 10,1 тыс. обращений в 2024 году до 51 % или 60 тыс. обращений в 2002 г. от общего числа обращений и жалоб, поступивших в представленные годы.

Согласно представленным данным в последние годы наблюдается снижение указанного показателя относительно общего числа обращений, что обусловлено более чем двукратным увеличением их количества по гуманитарным вопросам специальной военной операции, однако в рамках уголовно-процессуальной тематики их число остается относительно стабильным (сокращение менее чем на 1 %).

Заметим, что с позиции общественного контроля в представленной статистической информации отражения не находит реакция Уполномоченного на публикации средств массовой информации о вопиющих случаях нарушения закона, что свидетельствует о куда большем объеме рассматриваемых материалов. Так, например, благодаря одной из таких публикаций стало известно о том, что 19 марта 2009 года помощник прокурора г. Зеи (Амурская область), управляя автомашиной в нетрезвом состоянии, выехал на полосу встречного движения, вследствие чего произошло столкновение с автомашиной «скорой помощи», в результате чего погибла фельдшер «скорой помощи», на руках которой был 11-месячный ребенок. Последний с водителем в тяжелом состоянии были госпитализированы. По факту ДТП возбуждено уголовное дело, однако в тот же день постановление было отменено заместителем областного прокурора. В результате обращения Уполномоченного к прокурору Амурской области с просьбой безотлагательно сообщить о причинах принятия столь странного решения, 26 марта уголовное дело было вновь возбуждено по ч. 3 ст. 264 УК РФ. Та же самая прокуратура признала решение законным и обоснованным, о чем и сообщила Уполномоченному без объяснения мотивов своего первого решения[4].

Во-первых, это и пример нарушения не только уголовно-процессуальных норм, но и норм морали, соблюдение которых не менее необходимо, что также является одним из уже поднимавшихся важнейших вопросов соотнесения теории и практики, законности и целесообразности. Во-вторых, этот пример — олицетворение того, к какому морально ценному результату может привести вмешательство общества, и как при неправильном подходе

[4] С. 81—82 доклада за 2009 г. URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady?ysclid=m4e97uf4kf614139265 (дата обращения: 10.05.2025).

должностных лиц ему мог быть причинен серьезный вред, за которым уже при любом исходе последовала бы отрицательная оценка соответствующих должностных лиц и органов в целом. В-третьих, это тот вопрос, которому также уделяется значительное внимание со стороны Уполномоченного при реализации им задачи правового просвещения.

Относительно последнего. В докладе Уполномоченного за 2015 год отмечалось, что эрозия морали и нравственности ведет к разрушению законности. В истоках первых лежат в том числе религиозные воззрения, что для нашего государства весьма значимо. Именно внутриобщественные саморегулирующие процессы могут быть сдерживающим фактором для тех, кто провоцирует действия и поступки, унижающие и оскорбляющие человеческое достоинство тонкими изощренными методами, формально не противоречащими действующим правовым нормам. Вот почему многое зависит не только от степени и уровня разработанности правовых норм в сфере обеспечения прав человека, но и от морально-нравственного климата в обществе[5].

Возвращаясь к первому обстоятельству и нарушениям уголовно-процессуального закона, следует подчеркнуть, что примеры повторяющихся решений об отказе в возбуждении уголовного дела являются неотъемлемой частью докладов о деятельности Уполномоченного[6]. Так, например, в январе 2009 года гражданин Ч. направил в прокуратуру г. Междуреченска (Кемеровская область) заявление в отношении сотрудника местной милиции по факту нарушения неприкосновенности частной жизни с требованием возбудить в этой связи уголовное дело, по которому через десять дней было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, однако через двадцать два дня оно было отменено по жалобе заявителя. Еще через четыре дня по злополучному заявлению было повторно вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Через месяц это постановление было также отменено. Через девять дней в возбуждении уголовного дела было отказано в третий раз. А еще через день очередное постановление об отказе было отменено в третий раз. Итог этого безответственного правоохранительного «футбола» был вполне предсказуем. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было вынесено в четвертый раз, после чего заявитель махнул на все рукой и отказался от борьбы за свои права[7].

Причины этого, по мнению Уполномоченного, кроются и в показателях преступности, будь это количество возбужденных уголовных дел или их число, направленных в суд, а также и иные сведения, изменяются в зависимости от состояния учетно-регистрационной дисциплины и требований по ее соблюдению и выполнению.

Этот административный фактор регулирования показателями преступности отмечается как в научных публикациях [1, с. 32], так и в ежегодных докладах о деятельности Уполномоченного[8].

В докладе Уполномоченного за 2001 год, в частности, отмечалось, что основными показателями эффективности деятельности милиции являлось с одной стороны, снижение уровня преступности, а с другой — повышение процента раскрываемости преступлений. При этом высказывалось предложение о ведении учета не по действиям, а по жертвам[9]. В свою очередь, в докладе за 2009 год относительно оценки деятельности органов внутренних дел указывалось, что в ее основу положен подзабытый принцип социалистической экономики — планирование от достигнутого. Иными словами, статистические показатели деятельности каждого подразделения за отчетный год оцениваются в сравнении с аналогичным периодом предшествующего года. Увеличение количества некоторых выявленных правонарушений и преступлений сулит положительную оценку, сокращение — отрицательную[10]. При таком подходе каждый может сделать для себя собственный вывод.

---

[5] Подробнее см. с. 158 доклада за 2015 г. URL: https://ombudsmanrf.org/ documents/ezhegodnye-doklady?ysclid=m4e97uf4kf614139265 (дата обращения: 10.05.2025).

[6] См. с. 87 доклада за 2009 г. URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady?ysclid=m4e97uf4kf614139265 (дата обращения: 10.05.2025).

[7] См. с. 149 доклада за 2012 г. URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady?ysclid=m4e97uf4kf614139265 (дата обращения: 10.05.2025).

[8] См., например, доклады за 2001, 2005, 2017—2019 и 2022 гг. URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady?ysclid=m4e97uf4kf614139265 (дата обращения: 10.05.2025).

[9] См. с. 11—12 доклада за 2001 г. URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady?ysclid=m4e97uf4kf614139265 (дата обращения: 10.05.2025).

[10] См. с. 90 доклада за 2009 г. URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady?ysclid=m4e97uf4kf614139265 (дата обращения: 10.05.2025).

Возвращаясь к первоначальному примеру и второму обстоятельству в виде оценки гражданами уголовно-процессуальной деятельности, следует заметить, что согласно проведенному в 2020 г. опросу 45 % его участников заявили уверенность в преобладающей несправедливости выносимых в нашей стране приговоров, тогда как 32 % были убеждены, что такое случается редко[11]. Это отмечалось также в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год[12], что в целом не случайно, поскольку сведения, представленные в докладах и за другие годы, отражают суть проблем, с которыми сталкиваются люди, в том числе в сфере уголовного судопроизводства.

В завершение рассмотрения вопроса социального контроля сделаем следующие выводы: 1) исследуемый вид контрольно-надзорной деятельности с учетом меньшего (по сравнению с другими ее формами) внимания со стороны научного сообщества трудно назвать формализованным, поскольку представляется главным «заказчиком» справедливости и законности в обществе и его взаимоотношениях с государством; 2) участие гражданского общества в указанной сфере представляется локальным и недостаточным[13].

В данном случае имелась в виду деятельность правозащитных организаций как, например, Фонда поддержки пострадавших от преступлений. Вместе с тем представляется, что и деятельность указанного фонда, и фонда «Общественное мнение», и Всероссийского центра изучения общественного мнения, других подобных организаций и СМИ[14] в свете отражения мнения общества в свете обеспечения прав и законных интересов человека в уголовном судопроизводстве, а также соответствующих сведений хоть и является проявлением социального контроля уголовно-процессуальной деятельности, однако не выявляет и не устраняет нарушения законности, не участвует (в отличие от Уполномоченного) в деятельности государственных органов, ограничиваясь лишь содействием в этом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. — Москва : Проспект, 2008. — 208 с.
2. Крымов В. А. Начало производства по уголовному делу: некоторые вопросы теории и практики : монография. — Москва : Проспект, 2025. — 152 с.
3. Строгович М. С. Избранные труды. В 3 т. — Москва : Наука, 1990. — Т. 1: Проблемы общей теории права. — 304 с.
4. Томин В. Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается. — Горький : Горьковская Высшая школа МВД СССР, 1989. — 111 с.

REFERENCES

1. Gavrilov B. Ya. *Sovremennaya ugolovnaya politika Rossii: tsifry i fakty* [Modern Russian Criminal Policy: Facts and Figures]. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 208 p.
2. Krymov V. A. *Nachalo proizvodstva po ugolovnomu delu: nekotorye voprosy teorii i praktiki* [Initiation of Criminal Proceedings: Some Issues of Theory and Practice]. Moscow, Prospekt Publ., 2025. 152 p.
3. Strogovich M. S. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Nauka Publ., 1990. Vol. 1. 304 p.
4. Tomin V. T. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: revolyutsiya prodolzhaetsya* [Criminal Proceedings: The Revolution Continues]. Gorky Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs Publ., 1989. 111 p.

[11] Согласно информации на сайте Фонда «Общественное мнение» данные получены путем проведения всероссийского телефонного опроса 1000 респондентов-граждан РФ 18 лет и старше 7—9 августа 2020 г. Статистическая погрешность не превышает 3,8 %. До 22 марта 2020 г. проводился «ФОМнибус» — еженедельный всероссийский поквартирный опрос, охвативший 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. См.: Работа судов и судей. Представления о справедливости, независимости и бескорыстности судей : всерос. опрос граждан РФ от 18 лет и старше : опубл. 23 сент. 2020 г. // Фонд Общественное Мнение. URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14459 (дата обращения: 10.05.2025)..

[12] См. с. 21 доклада за 2020 г. URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady?ysclid=m4e97uf4kf614139265 (дата обращения: 10.05.2025).

[13] См. с. 146 доклада за 2016 г. URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady?ysclid=m4e97uf4kf614139265 (дата обращения: 10.05.2025).

[14] Представляется также уместным говорить и об организуемых конференциях Президента РФ для представителей СМИ и прямых линиях с гражданами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Крымов Виталий Александрович (Москва) – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России (125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, e-mail: krymov-19@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krymov, Vitaly A. (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Leading Researcher at the Department for Research on Problems of Sectoral Management, the Research Center of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia (8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow, 125171, Russia, e-mail: krymov-19@mail.ru).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
CRIMINAL LAW SCIENCES

УДК 343.98.067:343.544

В. О. Цветков
Красноярский государственный аграрный университет,
Красноярск, Россия
ORCID: 0009-0008-9651-6269
ResearcherID: MCI-5937-2025

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С ПРОСТИТУЦИЕЙ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 85—96.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.9.85-96
Дата поступления 03.04.2025, дата принятия к печати 19.09.2025,
дата онлайн-размещения 30.09.2025.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу проблемы разработки криминалистической методики расследования организованной преступной деятельности, связанной с проституцией, в условиях её высокой латентности и многогранности. Отмечается отсутствие системного подхода к выявлению смежных преступлений (коррупционной направленности, легализации преступных доходов, преступлений против личности), которые формируют инфраструктуру нелегальной секс-индустрии. Акцентируется внимание на необходимости комплексного анализа взаимосвязей между организацией занятия проституцией и другими видами преступной деятельности, что требует модернизации традиционных методик расследования. Теоретическая база исследования основана на анализе имеющихся разработок в сфере классификации преступлений, связанных с проституцией, а также положений, касающихся порядка разработки базовых и частных криминалистических методик. Предложена авторская классификация преступлений, связанных с проституцией. Указывается на активное использование организованными преступными группами цифровых технологий для конспирации, что накладывает отпечаток на практическую деятельность органов предварительного расследования и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В экспериментальной части рассмотрены социально-экономические и статистические данные Ямало-Ненецкого автономного округа (2019—2023 гг.) в контексте связи с рассматриваемой категорией преступлений. Также приведены результаты анкетирования 54 сотрудников правоохранительных органов по вопросам организации расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с проституцией. В заключительной части сформулированы приоритетные направления разработки криминалистической методики расследования обозначенной категории уголовных дел: применение принципа наступательности (активный поиск смежных преступлений), интеграция цифровых технологий в следственную практику, учёт интересов потерпевших, относящихся к категории лиц, оказывающих

платные сексуальные услуги, обмен региональным опытом. Подчёркивается, что эффективная методика должна учитывать не только отдельные составы, но и системные взаимосвязи организованной преступной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Проституция, смежные преступления, принцип наступательности, криминалистическое обеспечение, организованные преступные группы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Цветков В. О. Общие положения криминалистической методики выявления и расследования организованной преступной деятельности, связанной с проституцией // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 85—96. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.9.85-96.

UDC 343.98.067:343.544

V. O. Tsvetkov
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
ORCID: 0009-0008-9651-6269
ResearcherID: MCI-5937-2025

GENERAL PROVISIONS OF THE FORENSIC TECHNIQUES FOR THE DETECTION AND INVESTIGATION OF ORGANIZED CRIMINAL ACTIVITIES RELATED TO PROSTITUTION

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2025, no. 3, pp. 85—96.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.9.85-96
Received 03.04.2025, accepted 19.09.2025, available online 30.09.2025.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the problem of developing forensic techniques for investigating organized criminal activities related to prostitution in conditions of its high latency and versatility. There is a lack of a systematic approach to the detection of related crimes (corruption, money laundering, crimes against the person), which form the infrastructure of the illegal sex industry. Attention is focused on the need for a comprehensive analysis of the interrelationships between the organization of prostitution and other types of criminal activity, which requires the modernization of traditional investigative techniques. The theoretical basis of the study is based on an analysis of existing developments in the field of classification of crimes related to prostitution, as well as provisions concerning the development of basic and private forensic techniques. The author's classification of crimes related to prostitution is proposed. It is pointed out that organized criminal groups actively use digital technologies for conspiracy, which affects the practical activities of preliminary investigation bodies and bodies engaged in operational investigative activities. The experimental part examines the socio-economic and statistical data of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (2019-2023) in the context of the connection with the category of crimes under consideration. The results of a survey of 54 law enforcement officers on the organization of the investigation of criminal cases of crimes related to prostitution are also presented.

In the final part, priority areas for the development of the forensic techniques for investigating this category of criminal cases are formulated: the application of the principle of offensiveness (active search for related crimes), the integration of digital technologies into investigative practice, taking into account the interests of victims belonging to the category of persons providing paid sexual services, and the exchange of regional experience. It is emphasized that effective forensic techniques should take into account not only individual structures, but also the systemic interrelationships of organized criminal activity.

KEYWORDS Prostitution, related crimes, offensive principle, forensic support, organized criminal groups.

FOR CITATION Tsvetkov V. O. General Provisions of The Forensic Techniques for the Detection and Investigation of Organized Criminal Activities Related to Prostitution. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 3, pp. 85—96. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.9.85-96.

Одним из направлений расследования преступлений, наряду с получением доказательств по уголовному делу путем проведения предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством следственных и иных процессуальных действий, безусловно является выявление и документирование фактов совершения смежных с основным составом преступлений, связь с которым может носить как органический характер (например, легализация доходов, полученных преступным путем, при совершении ряда экономических преступлений), так и иметь опосредованное способом совершения преступления значение (в частности, приобретение и хранение наркотических средств, используемых для приведения в беспомощное состояние, при совершении похищения человека).

Важность указанного направления деятельности органов предварительного расследования подчеркивается и на законодательном уровне в виде положения пункта 2 статьи 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), обязывающего прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

Соответствующий вектор процессуальной деятельности должностных лиц органов предварительного расследования, а также сотрудников, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, безусловно требует осмысления с точки зрения формирования научных положений криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений, призванных наиболее эффективно использовать уголовно-процессуальный инструментарий в целях документирования смежных составов преступлений.

Обозначенная сфера криминалистической науки достаточно подробно исследована и представлена в научной литературе. Так, Ю. П. Гармаевым разработаны и научно обоснованы теоретико-методологические положения формирования базовой модели методик расследования и теоретико-методологические особенности формирования конкретных криминалистических методик расследования преступлений [6; 7].

Учитывая основополагающее значение данных научных изысканий и их базовый, фундаментальный характер для разработки большинства как общих (укрупненных), так и частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений, их применение является безусловным в том числе и при разработке и модернизации криминалистической методики расследования организованной преступной деятельности, связанной с проституцией.

В контексте формирования криминалистических методик расследования преступлений в качестве постулата автором настоящей статьи принимается утверждение Ю. П. Гармаева, глубина и значимость которого не позволяет его изложить иначе как в виде цитаты: «Безусловно, любая криминалистическая методика должна иметь своим основанием четко очерченную и проанализированную группу преступлений, которая должна формироваться на основе классификации преступных посягательств, имеющей криминалистическое значение. Криминалисту-разработчику также необходимо видеть и обосновывать место

вновь создаваемой методики в системе (иерархии) уже имеющихся. То есть речь уже идет о классификации всех криминалистических методик» [7, с. 75].

Современное состояние рынка коммерческих сексуальных услуг в Российской Федерации предопределяет множественный характер преступной деятельности, связанной с проституцией.

Вопрос классификации преступлений, связанных с проституцией, в научной юридической литературе, является достаточно разработанным. Распределение преступлений указанной категории по видам не только позволяет решить сугубо криминологические задачи (выявление причин и условий их совершения, типологию личности преступников и т. п.), но и способствует более детальному криминалистическому познанию данного сектора криминальной деятельности.

Так, И. С. Алихаджиевой в общем массиве проституционной преступности [1, с. 751] выделяются две группы преступлений: первая группа, включающая в себя преступления, связанные с проституцией (преступления, перечисленные в ст. 240—241 Уголовного кодекса Российской Федерации) и вторая группа, состоящая из преступлений, сопутствующих и (или) способствующих проституции (включает 8 подгрупп преступлений, объектом посягательств в которых являются личность, собственность, интересы общества и государства и др.) [2, с. 319—333].

А. М. Нурмухаметова справедливо отмечает, что криминальными аспектами рынка сексуальных услуг выступают организация притонов, склонение к занятию проституцией, незаконное лишение свободы, принуждение к употреблению наркотиков [9, с. 257]. При этом классификация преступлений, связанных с проституцией данным автором, производится через призму связи уголовно-наказуемых деяний с вовлечением в занятие проституцией и организацию занятия проституцией. По данному признаку А. М. Нурмухаметовой выделяются 4 исторически сложившихся вида уголовно-наказуемых деяний: 1) принуждение к занятию проституцией; 2) сводничество; 3) содержание притонов разврата; 4) вербовка женщин для проституции [10, с. 10].

Стоит отметить, что указанные преступления, совершаемые такими субъектами криминального мира, как организованные преступные группы, представляют наибольшую сложность в расследовании и повышенную опасность для общества и государства.

Перечисленные выше подходы к классификации преступлений, связанных с проституцией, обосновывая воззрения исследователей на проблемы предупреждения указанных криминальных проявлений и организацию расследования соответствующих уголовных дел, все же не отражают важнейшее, на наш взгляд, свойство проституции, обусловленное ее современными формами [12], а именно ее базисность (причинность) в формировании преступного поведения индивидов и их криминальных объединений в сфере секс-индустрии. Назревшая в современных условиях криминалистическая концепция «проституция — отправная точка (нулевой километр) извилистого преступного пути» способствует уяснению методов организации и функционирования указанного сектора теневой экономики, способов конспирации, легализации доходов, полученных преступным путем, и других элементов «инфраструктуры платных интимных услуг», тем самым развивая положения комплексного подхода к противодействию организованной преступности в целом.

Рассматривая положения указанной концепции как критерий для классификации предлагается выделить следующие группы преступлений, связанных с проституцией.

1. Преступления, имеющие органическую связь с проституцией. В данную группу входят преступные посягательства, предусмотренные статьями 240, 241 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). На их органическую связь с проституцией указывает факт включения понятия «проституция» в диспозицию статьи. Законодательный уголовно-правовой запрет на осуществление таких действий, как организация занятия проституцией и вовлечение в занятие проституцией, отражает стремление государства исключить саму идею существования отрасли платных сексуальных услуг. «Привлекательность» с точки зрения возможности извлечения сверхдоходов от содержания притонов, «массажных салонов», «модельных агентств», администрирования сайтов и тематических групп в различных социальных сетях, легко объясняет вовлеченность в совершение указанных преступлений профессиональных преступных объединений, квалифицируемых уголовным законодательством как организованные преступные группы, в состав которых могут входить от нескольких человек до двадцати-тридцати соучастников[1].

[1] Показательным примером является деятельность организованной преступной группы «Диамант» на территории г. Красноярска (Приговор Советского районного суда города Красноярска от 16 мая 2018 г. по уголовному делу № 1-300/2018 (25038086). URL: https://sudact.ru/regular/doc/X5sdPRbGsBJQ/ (дата обращения 29.01.2025).

2. Преступления, содействующие (способствующие) развитию и масштабированию организации занятия проституцией. К числу подобных преступлений относятся запрещенные уголовным законом деяния коррупционной направленности (в основном предусмотренные статьями 290, 291 УК РФ), создающие условия для невмешательства, а в отдельных случаях и активное способствование преступной деятельности со стороны коррумпированных сотрудников государственных (в том числе и правоохранительных) органов. Поставка нового «живого товара» для занятия проституцией (в отдельных случаях — и за пределы Российской Федерации) зачастую осуществляется посредством совершения преступлений против личности (в частности, преступлений, предусмотренных статьями 126, 127, 127.1 УК РФ). Возможность открытого использования доходов, полученных в результате содержания притонов для занятия проституцией и иных способов организации занятия проституцией, реализуется посредством совершения таких преступлений в сфере экономики, как легализация доходов, полученных преступным путем (преступления, предусмотренные статьями 174, 174. 1 УК РФ).

3. Преступные посягательства, для которых проституция является средством (инструментом) реализации преступных целей. К данной группе предлагается относить преступления преимущественно корыстной направленности (предусмотренные статьями 159, 163 УК РФ). Далеко не секрет, что злоумышленники достаточно часто и активно используют фиктивные веб-страницы и аккаунты в социальных сетях, предлагающие интимные услуги для хищения путем обмана денежных средств потенциальных клиентов проституток и совершения вымогательства под угрозой распространения персональных данных посетителя указанных тематических интернет-ресурсов[2]. Возможно также участие проституток в преступных группах, деятельность которых основана на собирании и использовании в последующем с целью вымогательства информации (включая фото и видеоматериалов) об интимной жизни представителей крупного бизнеса; лиц, занимающих высокие государственные должности, в том числе в правоохранительных органах, или деятельность которых является публичной (актеры, представители научного сообщества, духовенства и т. д.). В таком случае помимо квалификации действий злоумышленников по статье 163 УК РФ, обоснованной представляется и организация уголовного преследования по статье 137 УК РФ.

Соглашаясь с мнением авторитетных исследователей в сфере изучения проституции, признающих сферу оказания платных интимных услуг в качестве составляющей секс-индустрии [см. 3], представляется возможным выдвинуть и подвергнуть проверке научную гипотезу: проституционная преступность, являясь высокодоходным бизнесом, наиболее распространена в экономически состоятельных (финансово благоприятных) регионах Российской Федерации. Объясняется это более высокой платежеспособностью потенциальных клиентов, проживающих на территории определенного региона. Совершение данного вида преступлений не может остаться без внимания со стороны правоохранительных органов, в задачи которых входит выявление преступлений. Следовательно, в процессе борьбы с преступностью в определенном экономически привлекательном регионе Российской Федерации, количество приговоров за совершение преступлений по вышеуказанным статьям УК РФ (проституционной преступности) должно быть, что называется, «на уровне».

С целью проверки выдвинутой гипотезы и дальнейшего практического осмысления вышеуказанных теоретических положений автором в качестве «плацдарма» научных изысканий выбран Ямало-Ненецкий автономный округ[3].

В приведенной ниже табл. 1 отражены социально-экономические показатели Ямало-Ненецкого автономного округа, которые среди прочих обуславливают экономическую привлекательность для функционирования преступных групп, связанных с проституцией.

Статистические данные о количестве административных правонарушений и уголовных дел о преступлениях, связанных с проституцией, отражены в табл. 2.

[2] Мошенники и вымогатели стали атаковать потребителей интим-услуг. URL: https//www.google.com/amp/s/rg.ru/amp/2024/09/23/eroticheskie-prikliucheniia-2024.html (дата обращения 29.01.2025).

[3] Помимо объективных причин, повлиявших на выбор в качестве региона для проверки выдвинутой версии, имеются и субъективные причины, связанные с личностью и профессиональной деятельностью автора статьи: местом проживания автора является город Новый Уренгой Ямало-Ненецкого автономного округа, в органах внутренних дел которого автор проходил службу в период с 2010 по 2022 год.

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели Ямало-Ненецкого автономного округа за 2019—2023 годы[4]

Год	Численность населения, тыс. чел.	Соотношение мужчин и женщин (на 1000 мужчин приходится женщин)	Средне-годовая численность занятых, тыс. человек	Среднемесячная номинальная заработная плата, руб.	Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц), руб.
2019	544	1 016	423,0	101 012	36 596
2020	547	1 022	417,2	111 216	35 009
2021	552,1	1 022	424,1	116 376	40 122
2022	512,4	1 056	416,2	131 516	47 006
2023	516,0	1 061	409,2	145 050	56 231

Таблица 2

Данные, характеризующие проституционную преступность на территории Ямало-Ненецкого автономного округа за 2019—2023 годы[5]

Год	Количество рассмотренных мировыми судьями материалов об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.11 КоАП РФ	Количество рассмотренных судами уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 240, 241 УК РФ	Количество рассмотренных судами уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 240, 241 УК РФ, совершенных в составе организованных преступных групп	Количество рассмотренных судами уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 240, 241 УК РФ, в которых обвинение предъявлено по смежным составам преступлений
2019	112	2	0	0
2020	121	1	0	0
2021	85	0	0	0
2022	40	0	0	0
2023	35	0	0	0

[4] По данным Федеральной службы государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://rosstat.gov.ru/folder\210\document\13204# (дата обращения 30.01.2025).

[5] Сведения о количестве административных правонарушений, предусмотренных статьей 6.11 КоАП РФ, по данным сервиса «информация по делам об административных правонарушениях» портала мировых судей Ямало-Ненецкого автономного округа за 2019 год см.: URL: https://old.mirsud.yanao.ru/services/caseinfo/caseinfoas/?year=2019&sf0=&sf1=&sf2=&sf2_d=&sf3=6.11&sf4=&sf5=%C2%F1%F2%F3%EF%E8%EB%EE+%E2+%F1%E8%EB%F3&sf14=&sf16=&sf20= ; за 2020 год см.: URL: https://old.mirsud.yanao.ru/services/caseinfo/caseinfoas/?year=2020&sf0=&sf1=&sf2=&sf2_d=&sf3=6.11&sf4=&sf5=%C2%F1%F2%F3%EF%E8%EB%EE+%E2+%F1%E8%EB%F3&sf14=&sf16=&sf20= ; за 2021 год см.: URL: https://old.mirsud.yanao.ru/services/caseinfo/caseinfoas/?year=2021&sf0=&sf1=&sf2=&sf2_d=&sf3=6.11&sf4=&sf5=%C2%F1%F2%F3%EF%E8%EB%EE+%E2+%F1%E8%EB%F3&sf14=&sf16=&sf20= : за 2022 год см.: URL: https://old.mirsud.yanao.ru/services/caseinfo/caseinfoas/?year=2022&sf0=&sf1=&sf2=&sf2_d=&sf3=6.11&sf4=&sf5=%C2%F1%F2%F3%EF%E8%EB%EE+%E2+%F1%E8%EB%F3&sf14=&sf16=&sf20= ; за 2023 год см.: URL: https://old.mirsud.yanao.ru/services/caseinfo/caseinfoas/?pn=1&year=2023&sf0=&sf1=&sf2=&sf2_d=&sf3=6.11&sf4=&sf5=%C2%F1%F2%F3%EF%E8%EB%EE+%E2+%F1%E8%EB%F3&sf14=&sf16=&sf20= (дата обращения 01.03.2025). Сведения о количестве рассмотренных судами уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 240, 241 Уголовного кодекса РФ (в том числе совершенных организованными преступными группами и по которым обвинение предъявлено по смежным с основным составом преступлениям), приведены по результатам анализа информации, размещенной на официальном сайте ресурса «Судебные и нормативные акты РФ» в разделе «Суды общей юрисдикции» по региону «Ямало-Ненецкий автономный округ» (URL: https://sudact.ru/regular/?ysclid=m8twsmhv89426468353).

Анализ информации, приведенной в табл. 2 в сопоставлении со сведениями, содержащимися в таблице 1 позволяет сделать как минимум два вывода.

1. В регионе проституционная преступность, в том числе организованных преступных групп, не является распространенной, а носит единичный характер, при этом представлена данная преступность, как правило, противоправными деяниями, предусмотренными статьями 240 — 241 УК РФ.

2. Проституционная преступность в регионе объективно существует, однако в силу различных причин (от четко структурированной и отлаженной системы руководства, применения мер конспирации до возможных коррупционных связей в органах власти) остается латентной.

Анализ приговора Новоуренгойского городского суда от 16 января 2025 года в отношении двух лиц, организовавших группой лиц в период с июня 2016 года по 1 марта 2024 года на территории города Новый Уренгой занятие проституцией другими лицами и систематическое предоставление помещений для занятия проституцией[6] в решении вопроса о том, какой из приведенных выше выводов является верным, склоняет чашу весов в сторону второго умозаключения.

Организация эффективной работы органов предварительного расследования и выработка практико-ориентированных рекомендаций по оптимальному использованию уголовно-процессуального и криминалистического инструментария затруднительна без уяснения причин, по которым соответствующее направление деятельности следователя или дознавателя (выявление смежных составов преступлений) не отвечает существующим реалиям.

С целью получения информации о подобных причинах «из первых уст», проведено анкетирование среди сотрудников подразделений следствия и дознания органов внутренних дел Ямало-Ненецкого автономного округа. В анкетировании приняли участие 54 сотрудника обозначенной категории из которых 7 — руководители подразделений дознания, 4 — руководители следственного органа, 26 — следователи, 17 — дознаватели. 12 из опрошенных респондентов имеют опыт работы в органах предварительного расследования менее 5 лет, 15 — от 5 до 10 лет, 17 — свыше 10 лет. Подавляющее большинство опрошенных (44 человека или 81,5 %) указали, что не имеют опыта расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 240, 241 УК РФ, тогда как 15 опрошенных из указанного количества подтвердили, что по уголовным делам иных категорий (по факту совершения преступлений, не относящихся к «проституционным») проводили следственные действия с участием лиц, оказывающих интимные услуги. Из 10 опрошенных, имеющих опыт расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 240, 241 УК РФ, 9 согласились с утверждением о том, что при планировании расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 240 и 241 УК РФ, а также о других преступлениях с участием проституток, предмет доказывания должен быть расширен и в него должны включаться обстоятельства, свидетельствующие о совершении других преступлений, связанных с проституцией. При этом лишь трое из 10 опрошенных, имевших опыт расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с проституцией, в ходе расследования выявляли иные преступления.

Основываясь на полученных в ходе проведенного исследования результатах, в качестве приоритетных направлений разработки и реализации на практике методики расследования организованной преступной деятельности, связанной с проституцией, предлагается рассматривать следующие.

1. Безусловное следование принципу наступательности в расследовании уголовных дел. Набившая оскомину в кругах практических работников фраза «отсутствие наступательности в расследовании», часто встречающаяся в разгромных справках по результатам деятельности подразделений органов предварительного расследования и постановлениях прокурора о возвращении уголовных дел для дополнительного расследования, является отражением системной проблемы, затрагивающей как вопросы грамотного и умелого руководства и наставничества со стороны должностных лиц, уполномоченных нормами уголовно-процессуального законодательства направлять ход расследования уголовных дел, так и аспект профессиональной подготовки практических работников, их личностно-деловые качества, стремление к профессиональному самосовершенствованию.

Наиболее полно, на взгляд автора, содержание данного принципа с позиции субъ-

[6] Приговор Новоуренгойского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 16 января 2025 г. по уголовному делу № 1-38/2025 // Архив Новоуренгойского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа.

ективного отношения правоприменителей к процессу расследования уголовных дел описал Ю. П. Гармаев: «Принцип наступательности в расследовании состоит в специфической ментальной установке правоприменителей и направленности их усилий (следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и их комплексов), на активный, инициативный поиск и выявление признаков преступной деятельности, выявление не известных ранее лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправные деяния» [8, с. 9].

Практическая значимость данного принципа в контексте рассматриваемой в настоящей статье проблематики находит свое подтверждение во включении Ю. П. Гармаевым в число элементов криминалистического и оперативно-розыскного обеспечения деятельности правоприменителей следующих положений: преимущественное применение принципа наступательности при расследовании организованной преступной деятельности; признание выявления возможной совокупности преступлений и вероятной серийности их совершения в качестве важнейшего и универсального при расследовании по большинству уголовных дел о коррупционной, экономической, экстремистской и иной организованной преступной деятельности; определение необходимости выдвижения и проверки типовых версий о совокупности и серийности совершения соответствующих преступлений даже в тех случаях, когда на момент возбуждения дела выявлен всего один эпизод либо состав общественно опасного посягательства [8, с. 10—11].

2. Умелое, а в отдельных случаях и искусное, применение в качестве инструмента, «орудия» расследования такого уголовно-процессуального института, как предмет доказывания. Перечисленные в статье 73 УПК РФ обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, скрывают в себе потенциал для реализации указанного выше принципа наступательности путем направления расследования в нужное для следователя русло, а перечисленные в п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ обстоятельства прямо указывают на необходимость уголовно-процессуального изучения экономической составляющей организованной преступности (в том числе связанной с проституцией). Тесно соприкасаются с данным положением организации расследования изучаемой категории уголовных дел и возможность применять следователем, дознавателем так называемый нестандартный, творческий подход к решению различного рода следственных и процессуальных задач, возникающих на пути установления истины по уголовному делу. При прочих равных условиях, в которых осуществляют свою деятельность сотрудники органов предварительного расследования, несомненно, бóльших успехов в расследовании уголовных дел добьется «креативный следователь».

3. Использование современных достижений техники. Цифровизация проституции, а следовательно, и преступлений, связанных с проституцией, не оставляет правоприменителям иного пути, кроме как «идти в ногу со временем» в вопросах выявления, раскрытия и расследования преступлений, сопряженных с нелегальным сектором секс-индустрии. Данный тезис находит свое отражение и в многочисленных исследованиях, посвященных цифровизации уголовного процесса и криминалистики. Так, Д. В. Бахтеевым точно помечено, что «важно оперативно и, в том же время, научно обоснованно внедрять новые технологии в профессиональную деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, интегрировать традиционное гуманитарное знание со специальным компьютерно-техническим и добиваться того, чтобы юристы, особенно субъекты криминалистической деятельности, обладали высоким уровнем цифровых компетенций» [4, с. 16]. Не секрет, что преступный мир (в том числе представители преступных сообществ, «занятых» в сфере предоставления услуг сексуальных услуг) активно использует для конспирации и противодействия правоохранительным органам достижения современных цифровых технологий: возможности дистанционного наблюдения в режиме онлайн за местами оказания интимных услуг при помощи цифровых камер с целью предупреждения «визитов» представителей правоохранительных органов; технологии подмены лиц и изменения голоса в тематических чатах социальных сетей и сайтах с целью исключить в последующем получение доказательств путем оперативной или криминалистической идентификации. В условиях глобализации российская организованная преступность, принимает на вооружение апробированные за рубежом способы и методы совершения преступлений, в том числе с использованием средств информационно-телекоммуникационных технологий. Адекватной реакцией на данную тенденцию должно стать своевременное и профессиональное применение отечественными правоохранительными органами научно обоснованных тактико-технических приемов и методических рекомендаций при проведении следственных действий, направленных на обнаружение и фиксацию цифровых следов функционирования организован-

ных преступных групп, связанных с проституцией [см. напр.14; 15; 16].

4. Нацеленность сотрудников правоохранительных органов, задействованных в выявлении и расследовании преступлений обозначенной категории, на удовлетворение интересов непрофессиональных участников уголовного судопроизводства, к числу которых, несомненно, стоит относить работников секс-индустрии, выступающих в процессе расследования уголовных дел в процессуальном статусе свидетеля и потерпевшего. Несмотря на, казалось бы, сугубо теоретический характер данного положения, прямо вытекающего из закрепленного в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ принципа назначения уголовного судопроизводства, в практической деятельности он приобретает существенное значение. Как справедливо отмечает Е. И. Попова, зачастую сотрудники правоохранительных органов пренебрегают интересами непрофессиональных участников уголовного судопроизводства, а в отдельных случаях нарушают их [11, с. 162]. В качестве причин подобного положения дел Е. И. Попова отмечает следующие: «негативные факторы криминалистического мышления (заинтересованность в соблюдении сроков расследования в ущерб назначению уголовного судопроизводства и др.); стремление соблюсти ведомственные интересы (например, обеспечить вступление в силу обвинительного приговора); личная заинтересованность в принятии определенных процессуальных решений; пресловутая невысокая квалификация, отсутствие системных юридических знаний» [11, с. 162—163]. Каким бы идеальным с точки зрения соблюдения норм законодательства об оперативно-розыскной деятельности ни было оперативное сопровождение уголовных дел, следует признать, что показания потерпевших и свидетелей остаются наиболее распространенным видом доказательств по уголовным делам. Получение от первого лица информации обо всех тонкостях «кухни» нелегального сектора секс-индустрии, которым является проституция, несомненно способствует оперативному решению задач расследования уголовных дел и формированию представления об общей картине преступного бизнеса, основанного на проституции. Не секрет, что при проведении следственных действий с участием секс-работниц, последние неохотно делятся сведениями, имеющими доказательственное значение, а в отдельных случаях и вовсе отказываются от сотрудничества со следствием. Мотивами данного поведения являются как устойчивая негативная позиция по отношению к правоохранительным органам, заинтересованность в продолжении занятия проституцией под опекой определенной преступной группы (своеобразная преданность и верность своему делу и соучастникам), так и зависимость от организаторов преступного бизнеса, страх расправы, мести, опасения распространения порочащей информации о занятии проституцией среди родственников, друзей, иных близких и др.)[7]. В самом общем смысле концепцию удовлетворения законных интересов проституток (свидетелей, потерпевших) при расследовании уголовных дел можно выразить в следующей формуле: «выяснить мотивы нежелания сотрудничества и обозначить привлекательное, основанное на законе предложение отказа от этих мотивов». В зависимости от конкретной типичной следственной ситуации на различных этапах расследования уголовных дел в качестве таких предложений могут выступать возможность признания потерпевшим по уголовному делу (например, при изобличении фактов вовлечения в занятие проституцией с применением насилия), возможности применения мер государственной защиты свидетелей (потерпевших) в соответствии с положениями Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», протоколирование следственных действий в соответствии с положениями части 9 статьи 166 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и др.

5. Реальный обмен накопленным опытом расследования уголовных дел исследуемой категории. Повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, задействованных в выявлении и расследовании уголовных дел, должно обеспечиваться не только представлением теоретического материала в виде методических рекомендаций, но и рассмотрением реальных «кейсов» из судебно-следственной практики регионов Российской Федерации. При этом следует акцентировать внимание сотрудников, повы-

[7] Несмотря на явный криминалистически значимый характер мотивации отказа от дачи показаний или умышленной дачи заведомо ложных показаний со стороны проституток, автором в рамках данной статьи намеренно подробно данный вопрос не рассматривается. Особенности тактики допроса проституток по уголовным делам обозначенной категории — предмет отдельной научной разработки, планируемый к изложению в отдельной статье.

шающих свою квалификацию, не только на положительном опыте расследования, но и детально разбирать негативные примеры проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Иными словами, обучаемые должны понять не только как «нужно делать», но и «как делать не надо». Еще одним элементом данного направления предлагается рассматривать возможность командирования работников органов предварительного расследования и оперативных подразделений (в другие муниципальные образования, а иногда — и регионы) с целью прямого контакта с расследуемым уголовным делом, получения навыков путем непосредственного участия в проведении следственных действий в составе специализированных следственно-оперативных групп по конкретным уголовным делам.

В связи с вышеизложенным, полагаем необходимым согласиться с мнением С. И. Винокурова относительно вопроса формирования и разработки криминалистической методики расследования комплексной преступности: «Совсем другая основа конструирования криминалистических методик расследования комплексной, организованной преступности. Здесь речь идет уже не о расследовании отдельных преступных деяний, предусмотренных соответствующими статьями УК РФ, а о раскрытии широкомасштабного, сложно структурированного, высокоорганизованного криминального бизнеса, весьма искусно, завуалировано вплетенного в легальную систему (конкретные сферы) общественных отношений. При этом данная преступная деятельность характеризуется существенными особенностями по сравнению с традиционной преступностью» [5, с. 285].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что криминалистической наукой разработаны и внедрены в практическую деятельность частные методики расследования отдельных видов преступлений, выступающих в качестве составной части организованной проституционной преступности. Однако разработка базовой (групповой) криминалистической методики расследования организованной преступной деятельности, связанной с проституцией, не может строиться лишь на объединении частных методик расследования. Обозначенная криминалистическая методика должна учитывать сведения об особенностях взаимосвязи расследуемых преступлений между собой и их взаимную обусловленность, рассматривая проституцию как одну из предпосылок для функционирования организованных преступных формирований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алихаджиева И. С., Меркурьев В. В. К криминологическому определению и классификации преступлений, связанных с проституцией // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — № 4. — С. 750—760. — DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).750-760.

2. Алихаджиева И. С. Проституция как социальное явление: уголовно- правовые и криминологические последствия : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. — Москва, 2021. — 526 с.

3. Антонян Ю. М., Сухова И. И. Проституция, порнография и преступная секс-индустрия // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2023. — № 2 (66). — С. 81—89. — DOI: 10.29039/2312-7937-2023-2-81-89.

4. Бахтеев Д. В. Векторы цифрового развития криминалистики // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Шестой всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 24 мая 2024 г.). — Екатеринбург : АНО «КримЛиб», 2024. — С. 13—17.

5. Винокуров С. И. О взаимосвязи криминологического и криминалистического аспектов в построении частных методик расследования преступлений // Енисейские политико-правовые чтения : сб. науч. ст. по материалам XII Всерос. науч.-практ. конф., Красноярск (20—21 сент. 2019 г.) Вы. IV. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2019. — С. 280—286.

6. Гармаев Ю. П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. — Москва, 2003. — 39 с.

7. Гармаев Ю. П., Боровских Р. Н. Концептуальные основы формирования укрупненных криминалистических методик расследования преступлений // Академическая мысль. — 2018. — № 1. — С. 72—77.

8. Гармаев Ю. П. Принцип наступательности в раскрытии и расследовании преступлений // Российский следователь. — 2016. — № 2. — С. 6—12.

9. Нурмухаметова А. М. Понятие и система преступлений, связанных с проституцией в отечественном уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. — 2010. — № 4. — С. 254—258.

10. Нурмухаметова А. М. Уголовная ответственность за преступления, связанные с проституцией и их предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — Нижний Новгород, 2012. — 34 с.

11. Попова Е. И. Соблюдение законных интересов непрофессиональных участников уголовного судопроизводства. Постановка проблемы и возможные пути решения // Закон и право. — 2021. — № 3. — С. 161—163. — DOI: 10.24412/2073-3313-2021-3-161-163.

12. Цветков В. О. Состояние и структура проституции в современной России как фактора, предопределяющего функционирование организованных преступных групп // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке : материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием, посвящ. Году семьи в Российской Федерации, Улан-Удэ, 25 окт. 2024. — Улан-Удэ : Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2024. — С. 126—132.

13. Juditha C., Maryani E., Abdullah A., Setiawati R. Promotion of Prostitution Services on Social Media // Jurnal Komunikasi: Malaysian Journal of Communication. — 2022. — Vol. 38, № 2. — P. 1—15. — DOI: 10.17576/JKMJC-2022-3802-01.

14. Hermawan H., Widayati W., Listyawati P. R. The Investigation of Prostitution Service Providers through Social Media Information and Electronic Transactions // Law Development Journal. — 2022. — Vol. 4, № 3. — P. 396—402. — DOI: http://dx.doi.org/10.30659/ldj.4.3.396-402.

15. Mahendra K. D. O., Ari Mogi I K. Digital Forensic Analysis of Michat Application on Android as Digital Proof in Handling Online Prostitution // JELIKU (Jurnal Elektronik Ilmu Komputer Udayana). — 2021. — Vol. 9, № 3. — P. 381—390. — DOI: https://doi.org/10.24843/JLK.2021.v09.i03.p09.

REFERENCES

1. Alikhadzhiyeva I. S., Merkuryev V. V. To the criminological definition and classification of prostitution-related crimes. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 750—760. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).750-760.

2. Alikhadzhiyeva I. S. *Prostitutsiya kak sotsialnoe yavlenie: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie posledstviya. Dokt. Diss.* [Prostitution as a Social Phenomenon: Criminal Law and Criminological Consequences. Doct. Diss.]. Moscow, 2021. 526 p.

3. Antonyan Yu. M., Sukhova I. I. Prostitution, pornography and the criminal sex industry. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*, 2023, no. 2 (66), pp. 81—89. (In Russian). DOI: 10.29039/2312-7937-2023-2-81-89.

4. Bakhteev D. V. Vectors of digital development of criminalistic. *Tekhnologii 21-go veka v yurisprudentsii. Materialy 6-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Yekaterinburg, 24 May 2024* [21st Century Technologies in Jurisprudence. Materials of the 6th All-Russian Research Conference, Yekaterinburg, 24 May 2024]. Yekaterinburg, "KrimLib" Publ., 2024, pp. 13—17. (In Russian).

5. Vinokurov S. I. On the Interrelation of Criminological and Forensic Aspects in the Construction of Crime Investigation Private Methods. *Eniseiskie politiko-pravovye chteniya. Materialy 12-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnoyarsk, 20—21 sentyabrya 2019* [Yenisei Political and Legal Readings. Materials of the 12th All-Russian Research Conference, Krasnoyarsk, 20—21 Sept. 2019]. Iss. 4. Krasnoyarsk, Siberian Federal University (SibFU) Publ., 2019, pp. 280—286. (In Russian).

6. Garmayev Yu. P. *Teoreticheskie osnovy formirovaniya kriminalisticheskikh metodik rassledovaniya prestuplenii. Avtoref. Dokt. Diss.* [Theoretical foundations of the Crime Investigation Forensic Methods Formation. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2003. 39 p.

7. Garmayev Yu. P., Borovskikh R. N. The Conceptual Formation's Basics of Enlarged Criminalistic Methods of Crimes' Investigation. *Akademicheskaya mysl = Academic Thought*, 2018, no. 1, pp. 72—77. (In Russian).

8. Garmayev Yu. P. Offensive Principle in Detection and Investigation of Crimes. *Rossiiskii sledovatel = Russian investigator*, 2016, no. 2, pp. 6—12. (In Russian).

9. Nurmukhametova A. M. The Concept and System of Prostitution-Related Crimes in Domestic Criminal Law. *Aktualniye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2010, no. 4, pp. 254—258. (In Russian).

10. Nurmukhametova A. M. *Ugolovnaya otvetstvennost za prestupleniya, svyazannye s prostitutsiei i ikh preduprezhdenie. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal Liability for Prostitution-Related Crimes and Their Prevention. Cand. Diss. Thesis]. Nizhniy Novgorod, 2012. 34 p.

11. Popova E. I. Compliance with the Legitimate Interests of Non-Professional Participants in Criminal Proceedings: Problem Statement and Possible Solutions. *Zakon i pravo = Law and legislation*, 2021, no. 3, pp. 161—163. (In Russian). DOI: 10.24412/2073-3313-2021-3-161-163.

12. Tsvetkov V. O. The State and Structure of Prostitution in Modern Russia as a Factor Determining the Functioning of Organized Criminal Groups. *Problemy i perspektivy razvitiya gosudarstva i prava v 21 veke. Materialy 15-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi Godu semi v Rossiiskoi Federatsii, Ulan-Udeh, 25 oktyabrya 2024* [Problems and Prospects of the State and Law Development in the 21st Century. Proceedings of the 15th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation Dedicated to the Year of the Family in the Russian Federation, Ulan-Ude, October 25, 2024]. Ulan-Ude, East Siberian State University of Technology and Management (ESSUTM) Publ., 2024, pp. 126—132. (In Russian).

13. Juditha C., Maryani E., Abdullah A., Setiawati R. Promotion of Prostitution Services on Social Media. *Jurnal Komunikasi: Malaysian Journal of Communication*, 2022, vol. 38, no. 2, pp. 1—15. DOI: 10.17576/JKMJC-2022-3802-01.

14. Hermawan H., Widayati W., Listyawati P. R. The Investigation of Prostitution Service Providers through Social Media Information and Electronic Transactions. *Law Development Journal*, 2022, vol. 4, no. 3, pp. 396—402. DOI: http://dx.doi.org/10.30659/ldj.4.3.396-402.

15. Mahendra K. D. O., Ari Mogi I K. Digital Forensic Analysis of Michat Application on Android as Digital Proof in Handling Online Prostitution. *JELIKU (Jurnal Elektronik Ilmu Komputer Udayana)*, 2021, vol. 9, no. 3, pp. 381—390. — DOI: https://doi.org/10.24843/JLK.2021.v09.i03.p09.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Цветков Владимир Олегович (Красноярск) — аспирант Юридического института Красноярского государственного аграрного университета (660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90, e-mail: vladim.tsvetkoff@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsvetkov, Vladimir O. (Krasnoyarsk) — Postgraduate Student, Law Institute of the Krasnoyarsk State Agrarian University (90 Mira Ave., Krasnoyarsk, 660049, Russia, e-mail: vladim.tsvetkoff@yandex.ru).

УДК 340.143:92

А. В. Бычков
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4877-8914
ResearcherID: AAS-3630-2021

В. Н. Шутова
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0899-2596
ResearcherID: H-5743-2016

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА В. М. БАРАНОВА»[1]

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 97—101.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.10.97-101
Дата поступления 12.09.2025, дата принятия к печати 19.09.2025, дата онлайн-размещения 30.09.2025.

АННОТАЦИЯ

В рецензии изложены общие впечатления о монографии «Технико-юридический анализ правотворческой реальности современной России: к юбилею профессора В. М. Баранова», описаны ее структура и содержание. Рецензенты отмечают серьезный авторский коллектив монографии, в который вошли доктора и кандидаты юридических наук — известные ученые, специалисты не только в теории государства и права, но и отраслевых юридических науках. Акцентируется внимание на достаточно редком для научного издания жанре — научной биографии. Обращается внимание и на специфическую структуру монографии, сочетающую извлечения из научных трудов профессора В. М. Баранова и интерпретационные комментарии его учеников и последователей. Рецензенты приходят к выводу, что монография представляет собой не только научную биографию профессора В. М. Баранова, но и комплексное междисциплинарное исследование вопросов техники правотворчества и правотворческой реальности современной России, в полной мере обладает признаками актуальности и научной новизны. Подчеркивается, что монография представляет интерес для широкого круга читателей — от молодых ученых до преподавателей и практиков, интересующихся научными концепциями профессора В. М. Баранова.

[1] Технико-юридический анализ правотворческой реальности современной России: к юбилею профессора В. М. Баранова : монография / под ред. Р. А. Ромашова, М. В. Барановой. Москва : Проспект, 2025. 576 с.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Монография; научная биография; концепция научного импрессионизма; техника правотворчества; юртехнетика; юридическая техника; стратегия законотворчества; юридическая инноватика.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Бычков А. В., Шутова В. Н. Рецензия на монографию «Технико-юридический анализ правотворческой реальности современной России: к юбилею профессора В. М. Баранова» // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 97—101. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.10.97-101.

UDC 340.143:92

A. V. Bychkov
Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-4877-8914
ResearcherID: AAS-3630-2021

V. N. Shutova
IIrkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0899-2596
ResearcherID: H-5743-2016

REVIEW OF THE MONOGRAPH "TECHNICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE LAW-MAKING REALITY OF MODERN RUSSIA: ON THE ANNIVERSARY OF PROFESSOR V. M. BARANOV"

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 3, pp. 97—101.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.10.97-101
Received 12.09.2025, accepted 19.09.2025, available online 30.09.2025.

ABSTRACT The review presents general impressions of the monograph "Technical and Legal Analysis of the Law-Making Reality of Modern Russia: On the Anniversary of Professor V. M. Baranov", describes its structure and content. The reviewers note the serious team of authors of the monograph, which includes doctors and candidates of law, well—known scientists, specialists not only in the theory of state and law, but also in branch legal sciences. Attention is focused on the genre of scientific biography, which is quite rare for a scientific publication. Attention is also drawn to the specific structure of the monograph, which combines extracts from the scientific works of Professor V. M. Baranov and interpretative comments from his students and followers. The reviewers conclude that the monograph is not only a scientific biography of Professor V. M. Baranov, but also a comprehensive interdisciplinary study of the issues of law-making techniques and the law-making reality of modern Russia, fully possesses the signs of relevance and scientific novelty. It is emphasized that the monograph is of interest to a wide range of readers — from young scientists to teachers and practitioners interested in the scientific concepts of Professor V. M. Baranov.

KEYWORDS Monograph, scientific biography, concept of scientific impressionism, technique of lawmaking, legal writing, legal technique, strategy of lawmaking, legal innovation.

FOR CITATION Bychkov A. V., Shutova V. N. Review of the Monograph «Technical and Legal Analysis of the Law-Making Reality of Modern Russia: On the Anniversary of Professor V. M. Baranov». *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 3, pp. 97—101. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.3.10.97-101.

В августе 2025 года в издательстве «Проспект» вышла в свет коллективная монография «Технико-юридический анализ правотворческой реальности современной России: к юбилею профессора В. М. Баранова» под редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Р. А. Ромашова и доктора юридических наук, профессора М. В. Барановой. Заслуживает внимания авторский коллектив издания. В подготовке монографии приняли участие 39 ученых, из них — 24 доктора юридических наук и 15 кандидатов юридических наук. В числе соавторов следует отметить доктора юридических наук, профессора М. В. Баранову; доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Н. А. Власенко; доктора юридических наук, профессора Р. Б. Головкина; доктора юридических наук, профессора Т. В. Кленову; доктора юридических наук, профессора А. В. Корнева; доктора юридических наук, профессора С. Э. Либанову; доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации Д. А. Пашенцева; доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Р. А. Ромашова; доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации В. П. Сальникова; доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации И. Л. Честнова и других известных представителей юридического научного сообщества, причем специалистов не только в области теории государства и права, но также и отраслевых юридических наук — конституционного права, уголовного права, экологического права.

Монография выполнена в достаточно редком для научных изданий жанре — научная биография. В предисловии профессор Р. А. Ромашов дает пояснения относительно жанра. Понятие биографии в той или иной трактовке известно всем. Это описание жизни человека, сделанное другими людьми, включающее в себя не только основные факты жизни, но и «изображающее опыт человека во время событий его жизни» [3, с. 5].

Владимир Михайлович Баранов родился 6 августа 1945 года в с. Берлягино Старицкого района Калининской области. Доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника по научной работе Нижегородской академии МВД РФ. Заслуженный деятель науки РФ

Что же касается научной биографии, то в самом широком смысле — это «научно-документальное исследование жизни изучаемого деятеля» [2, с. 53]. То есть, здесь тип биографии обусловлен не способом описания жизни лица, а, в первую очередь, содержанием его деятельности. Но рецензируемое издание — не просто научная биография профессора В. М. Баранова. Замысел авторов нашел свое воплощение в концепции научного импрессионизма, который, как отмечает Р. А. Ромашов, отражает «неклассичность персоналии Профессора Баранова» [3, с. 6].

Таким образом, рецензируемая монография, являя собой образец нестандартного творческого подхода к жанру научной биографии, стала значимым событием в юридической науке и сразу после издания вызвала живой интерес со стороны юридического научного сообщества.

Нестандартный подход к жанру научной биографии обусловил специфическую структуру монографии. В книгу включены содержательные извлечения из наиболее известных работ профессора В. М. Баранова (созданных как лично, так и в соавторстве),

которые дополнены интерпретационными комментариями и научными рассуждениями современных ученых — учеников, последователей профессора и просто тех, кто посчитал необходимым принять участие в монографии, отдавая дань уважения Ученому.

Структурно монография состоит из предисловия, введения и 6 разделов. Введение представляет собой классический библиографический очерк о жизни и научном пути профессора В. М. Баранова, подготовленный одним из его учеников — М. А. Пшеничновым к «более раннему» юбилею Владимира Михайловича, однако не утративший актуальности и сегодня.

Раздел 1 «Право и правотворчество — ценностные приоритеты» объединяет выдержки из работ М. В. Баранова и результаты научного осмысления его трудов, посвященные таким актуальным и дискуссионным вопросам, как проблемы истинности норм права, юридическая инноватика, проблемы гармонизации законодательства и гармонизации правовой системы, коллизии права и морали в современных условиях, феномен теневого права. Основная идея, объединяющая исследования, представленные в первом разделе и раскрытая в доктринальном комментарии профессором Р. А. Ромашовым — «право как ценность и ценности в праве». Весьма актуальными представляются размышления профессора А. В. Корнева об инновациях в правовой сфере, которые дополняют и развивают положения статьи В. М. Баранова «Юридическая инноватика». Нельзя не отметить и извечную проблему коллизий между правом и моралью, которая вслед за профессором Барановым раскрывается в комментарии Т. Г. Лясович.

Раздел 2 озаглавлен «Законотворчество и право — путь к цели». Здесь осмысливается очень широкий спектр проблем: от вопросов состояния и популяризации современной юридической науки до критики законодательства; от рассуждений на тему «норморайтер как профессия» до доктринальных аспектов правовой определенности; от острых дискуссий относительно деструктивного воздействия права на национальные интересы и изменения законодательства как социальной травмы до теории юридического конфликта.

Раздел 3 «Право — юртехнетика» в целом посвящен относительно новому, но уже признанному многими юристами научному направлению, новой теоретико-прикладной науке — юртехнетике — создателем которой является профессор В. М. Баранов. Для тех, кто не знаком с научной школой В. М. Баранова, следует дать некоторые пояснения относительно сущности юртехнетики. «Юртехнетика — наука, охватывающая собой два относительно самостоятельных феномена: юридическую технику и правовые технологии. Юртехника — единство статических и динамических элементов технико-юридического оформления действующего законодательства, понимаемого в самом широком смысле, — всей нормативной правовой основы. Юртехнетика — относится к разряду теории среднего уровня и «располагается» она на «стыке» целого ряда научных дисциплин и практик. «Внедрение» юртехнетики в научный оборот, в юридическую практику может позволить весь существующий (ныне весьма разрозненный) массив технико-юридических форм объединить в целый комплекс специализированных знаний, умений, практик» [1, с. 225]. В соответствии с таким подходом содержание третьего раздела монографии отличается широким охватом рассматриваемых проблем. Здесь представлено научное осмысление стратегии законотворчества современной России, идеи и концепции законопроекта, проблем кодификации законодательства в ракурсе юридической техники. Помимо вопросов, традиционно исследуемых в рамках юридической техники, авторы монографии посчитали необходимым затронуть и очень неоднозначные проблемы, в частности, не достаточно исследованный в современной юридической науке феномен «квалифицированного молчания законодателя», философско-юридические аспекты правоприменительного риска, наметившиеся тенденции междисциплинарности в технике правотворчества.

Раздел 4 «В. М. Баранов — неформальный профессор» представляет собой ту неформальную часть монографии, состоящую из эссе и воспоминаний учеников и коллег профессора В. М. Баранова, которая позволяет нам составить впечатление о юбиляре не только как об известном и авторитетном ученом, но и как о человеке «без научного глянца», друге, наставнике...

В Разделе 5 «Список научных, методических и публицистических трудов доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Баранова Владимира Михайловича (труды профессора В. М. Баранова — вехи научной биографии)» представлено описание более 650 научных трудов профессора В. М. Баранова, изданных им лично и в соавторстве. Эта часть монографии, несомненно, будет полезна молодым исследователям, только начинающим свой путь в юридической науке.

Раздел 6 «Справка о научной, педагогической и общественной деятельности про-

фессора В. М. Баранова» представляет собой, наверно, самую «официальную» часть монографии — собственно биографию профессора В. М. Баранова, без которой, тем не менее, издание было бы неполным.

Таким образом, рецензируемая монография представляет собой не только научную биографию профессора В. М. Баранова, но и комплексное междисциплинарное исследование актуальных вопросов техники правотворчества и правотворческой реальности современной России — коллективный труд ученых-юристов — учеников и последователей профессора В. М. Баранова. Особая структура и стиль изложения — сочетание извлечений из наиболее известных работ профессора В. М. Баранова с интерпретационными комментариями, представляющими собой самостоятельные научные рассуждения современных ученых, делает монографию интересной для широкого круга читателей — от молодых ученых, только начинающих свой путь в юриспруденции, до преподавателей и практиков, интересующихся научными концепциями профессора В. М. Баранова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баранов В. М., Давыдова М. Л., Зыков Д. В. Юртехнетика: сущее, должное, будущее. Аналитический обзор Международной интернет-конференции «Модернизация технологий юридической деятельности в правовых системах современного мира» (Волгоград, 1—30 июня 2013 г.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2013. — № 23. — С. 225—231.

2. Демченко А. А. Научная биография писателя как тип литературоведческого исследования (Статья первая) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — 2014. — Т. 14, вып. 3. — С. 52—61.

3. Технико-юридический анализ правотворческой реальности современной России: к юбилею профессора В. М. Баранова : монография / под ред. Р. А. Ромашова, М. В. Барановой. — Москва : Проспект, 2025. — 576 с.

REFERENCES

1. Baranov V. M., Davydova M. L., Zykov D. V. Legal Technology: The Present, the Due, the Future. Analytical Review of the International Internet Conference "Modernization of Legal Practice Technologies in the Legal Systems of the Modern World", Volgograd, June 1-30, 2013. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 23, pp. 225—231. (In Russian).

2. Demchenko A. A. Scientific Biography of a Writer as a Type of Literary Research (The First Article). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika = Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Philology. Journalism*, 2014, vol. 14, iss. 3, pp. 52—61. (In Russian).

3. Romashov R. A., Baranova M. V. (eds). *Tekhniko-yuridicheskii analiz pravotvorcheskoi realnosti sovremennoi Rossii: k yubileyu professora V. M. Baranova* [Technical and Legal Analysis of the Law-Making Reality of Modern Russia: On the Anniversary of Professor V. M. Baranov]. Moscow, Prospekt Publ., 2025. 576 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бычков Артур Викторович (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент, директор Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: 0338@mail.ru).

Шутова Валентина Николаевна (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: tinav@bk.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bychkov, Arthur V. (Irkutsk) — Cand. Sci (Law), Docent, Director, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (4 Nekrasov St., Irkutsk, 664011, Russia, e-mail: 0338@mail.ru).

Shutova, Valentina N. (Irkutsk) — Cand. Sci. (Law), Docent, Head of the Constitutional Law and Theory of Law Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (4 Nekrasov St., Irkutsk, Russia, 664011, e-mail: tinav@bk.ru).

ОТ РЕДАКЦИИ
EDITORIAL

ПОЗДРАВЛЯЕМ СВЕТЛАНУ АЛЕКСАНДРОВНУ КАРЕЛИНУ С ВЫСОКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАГРАДОЙ!

25 августа 2025 года ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Виктор Антонович Садовничий вручил доктору юридических наук, профессору, профессору кафедры предпринимательского права Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, члену редакционной коллегии журнала «Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal» **Светлане Александровне Карелиной** государственную награду — медаль ордена «За заслуги перед Отечеством II степени»[1].

[1] О награждении государственными наградами Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1121 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412300001?index=7.

Светлана Александровна в 1990 г. с отличием окончила Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. С 1993 г. и по настоящее время работает на Юридическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова. Общий стаж научно-педагогической деятельности составляет более 27 лет.

В 1994 г. Светлана Александровна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Роль кооперации в предпринимательской деятельности», а в 2009 г. — докторскую диссертацию на тему «Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства)».

С 2014 г. на Юридическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова Светлана Александровна руководит магистерской программой «Правовое регулирование несостоятельности (банкротства)», основу которой составили разработанные ею учебно-методический комплекс преподавания для программы магистратуры по направлению «Правовое регулирование несостоятельности (банкротства)». Комплекс включает программу курса, учебно-практическое пособие «Правовое регулирование несостоятельности (банкротства)», учебно-методическое пособие «Институт несостоятельности (банкротства) в таблицах и схемах», учебный курс «Несостоятельность (банкротство)» в двух томах, а также монографии и тематические сборники статей по проблематике несостоятельности (банкротства).

Светлана Александровна руководит Научно-образовательным Центром правовых исследований в сфере несостоятельности (банкротства) Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, деятельность которого состоит в реализации научно-правовых исследований, проведении экспертно-аналитической работы, развитии сравнительно-правовых исследований, организации межвузовской и междисциплинарной интеграции.

С. А. Карелина — автор более 150 научных публикаций, в том числе на иностранных языках, учебников «Предпринимательское право Российской Федерации» для высших и средних учебных заведений, «Корпоративное право», учебно-методического пособия «Предпринимательское право (практический курс)». Заслуживают внимания опубликованные Светланой Александровной монографии: «Механизм правового регулирования отношений несостоятельности», «Банкротство страховых организаций», «Банкротство застройщиков: теория и практика правоприменения», «Группа компаний в банкротном праве» (2025 г.).

В 2025 году под реакцией Светланы Александровны издан фундаментальный теоретический курс «Сравнительное банкротное право» — одна из редких научных работ международного уровня, где рассматриваются сравнительно-правовые аспекты банкротного права.

С 2010 г. под ее руководством ежегодно издается сборник научных статей «Актуальные проблемы законодательства о несостоятельности (банкротстве)».

На протяжении более 20 лет под руководством Светланы Александровны на Юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова ежегодно проходят круглые столы, конференции по проблемам несостоятельности (банкротства), в которых участвуют представители ведущих научных и научно-исследовательских образовательных учреждений России, а также практикующие специалисты.

Светлана Александровна принимает активное участие в законотворческой деятельности, является членом рабочих групп, образуемых Министерством экономического развития по совершенствованию законодательства в сфере несостоятельности (банкротства). Является членом научно-консультативных советов Верховного Суда РФ, Арбитражного суда г. Москвы, государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов», Ассоциации российских банков, экспертного совета при Ассоциации российских банков, подкомитета по антикризисному управлению комитета Торгово-промышленной палаты РФ по безопасности предпринимательской деятельности.

С 2017 года С. А. Карелина — член диссертационного совета Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова по частно-правовым (цивилистическим) наукам.

Научно-преподавательскую деятельность Светлана Александровна совмещает с деятельностью арбитра Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате России, а также арбитра Российского арбитражного центра при Институте современного арбитража.

Уважаемая Светлана Александровна!

От имени научного сообщества примите поздравления
с почетной государственной наградой!

Вами закладываются основы новых научных идей, создаются условия
формирования интеллектуального потенциала высшей школы.
Благодаря Вашему профессионализму и труду строится
будущее нашего общества.
Ваш вклад в развитие науки и образование, преданность своему делу
вызывают глубокое уважение!
Желаем Вам здоровья, благополучия, вдохновения, неиссякаемой энергии,
добрых положительных эмоций, ярких событий
и новых профессиональных достижений!

.